

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

В. В. СТРУВЕ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

КРАТКИЙ КУРС

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

М. Черемных и Т. Шумовским

Предисловие *А. Мишулина*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1934

Книга является кратким курсом по истории древнего Востока и дает материал по истории Вавилона, Египта, Ассирии, Персии, Финикии и Палестины. Автор рассматривает экономику этих стран, социально-политический строй и идеологию эпохи. В частности автор довольно подробно останавливается на вопросе о происхождении религиозных представлений, господствовавших в странах древнего Востока и отражавших те классовые противоречия, какие имели место в этих последних. Работа проф. Струве представляет переработанные для печати лекции, читанные автором в ЛИФЛИ. В этом своем курсе, как и в предыдущих трудах и выступлениях, автор доказывает наличие в обществах древнего Востока рабовладельческой формации. Предисловие т. Мишулина специально посвящено проблеме формации древнего Востока; в ней автор дает анализ и оценку различных точек зрения по этому вопросу, в том числе и точку зрения автора настоящего учебника.

Книга рассчитана на учащихся вузов и педтехникумов.

К ВОПРОСУ О РАБСТВЕ НА ВОСТОКЕ

Громадным достижением марксистской исторической науки в СССР является то, что проделана колоссальной теоретической значимости работа по подытоживанию, систематизации и разработке всех высказываний классиков марксизма о развитии докапиталистических обществ. К достижениям, которые по своим результатам будут иметь еще большее значение, следует отнести и ту начавшуюся подлинную реконструкцию исторической науки о докапиталистических обществах, которая заключается в исследовательской разработке большого конкретного исторического материала, в поднятии для марксистского исследования настоящей целины исторических фактов — нового материала докапиталистической истории, который или еще не подвергался совершенно исследованию или был еще недостаточно исследован с марксистской точки зрения.

Предлагаемая вниманию читателя книга по истории древнего Востока представляет для нас большой интерес.

Эта работа интересна в связи, во-первых, с учетом высказываний Ленина о рабстве, которые берутся в основу, и, во-вторых, в связи с переработкой конкретного исторического материала, что делается параллельно.

Представляя собою краткий курс лекций проф. Струве, данная книга является первой попыткой поставить вопрос о типе социально-экономических отношений на Востоке совершенно по-новому.

Всем известно, как этот вопрос ставился до сих пор. Теория феодализма, вернее, его разновидности на Востоке, служила отправным пунктом изучения социально-экономических отношений как в странах

странах Востока. Феодализм устанавливался ли не доменная априорная в свое время за». Считалось о размножении на Востоке адала вопросы историческим преимуществу общественного

Редакторы: И. Бороздин, А. Мишулин.
Техредактор В. Морозов.

Сдано в набор 14/IX 1934 г.
Подписано к печати 28/XI 1934 г.

Формат 62×88¹/₁₆ 8¹/₁₆ п. л., в печ. л. 53 856 тип. зн.

Отис № 1401, Заказ № 4153, Тираж 5000 экз.

Уполномоченный Главлита № Б 39111.

Гос. Образцовая типография Отиса РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печать листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ в списках и порядков	1930 г.
9						7	185	2

Книга является кратким курсом по истории древнего Востока и дает материал по истории Вавилона, Египта, Ассирии, Персии, Финикии и Палестины. Автор рассматривает экономику этих стран, социально-политический строй и идеологию эпохи. В частности автор довольно подробно останавливается на вопросе о происхождении религиозных представлений, господствовавших в странах древнего Востока и отражавших те классовые противоречия, какие имели место в этих последних. Работа проф. Струве представляет переработанные для печати лекции, читанные автором в ЛИФЛИ. В этом своем курсе, как и в предыдущих трудах и выступлениях, автор доказывает наличие в обществах древнего Востока рабовладельческой формации. Предисловие т. Мишулина специально посвящено проблеме формации древнего Востока; в ней автор дает анализ и оценку различных точек зрения по этому вопросу, в том числе и точку зрения автора настоящего учебника.

Книга рассчитана на учащихся вузов и педтехникумов.

Редакторы: И. Бороздин,
Техредактор В. Морозов

Сдано в набор 14/IX 1934
Подписано к печати 28/X

10 X 864/10 1/4 п.

К ВОПРОСУ О РАБСТВЕ НА ВОСТОКЕ

Громадным достижением марксистской исторической науки в СССР является то, что проделана колоссальной теоретической значимости работа по подытоживанию, систематизации и разработке всех высказываний классиков марксизма о развитии докапиталистических обществ. К достижениям, которые по своим результатам будут иметь еще большее значение, следует отнести и ту начавшуюся подлинную реконструкцию исторической науки о докапиталистических обществах, которая заключается в исследовательской разработке большого конкретного исторического материала, в поднятии для марксистского исследования настоящей целины исторических фактов — нового материала докапиталистической истории, который или еще не подвергался совершенно исследованию или был еще недостаточно исследован с марксистской точки зрения.

Предлагаемая вниманию читателя книга по истории древнего Востока представляет для нас большой интерес.

Эта работа интересна в связи, во-первых, с учетом высказываний Ленина о рабстве, которые берутся в основу, и, во-вторых, в связи с переработкой конкретного исторического материала, что делается параллельно.

Представляя собою краткий курс лекций проф. Струве, данная книга является первой попыткой поставить вопрос о типе социально-экономических отношений на Востоке совершенно по-новому.

Всем известно, как этот вопрос ставился до сих пор. Теория феодализма, вернее, его разновидности на Востоке, служила отправным пунктом изучения социально-экономических отношений как в странах переднего (классического) Востока древности, так и в странах Восточной Азии (Китай, Индия и др.), для которых феодализм устанавливался на заре классового развития и доводился едва ли не до начала XX в., а иногда и до нашей современности. Подобная априорная теория развивалась на всех дискуссиях по модному в свое время вопросу о так называемом «азиатском способе производства». Считалось верхом ортодоксальности вторить голым схемам, быстро размножавшимся в различных «исторических» сборниках, о феодализме на Востоке. Нечего и говорить, что авторы этих голых схем попадали впросак главным образом из-за своего незнания с конкретно историческим материалом по древнему Востоку и оперировали по преимуществу старыми абстрактными историко-философскими схемами общественного

развития. Совершенно ясно, что эта теория «вечного феодализма» или восточной разновидности феодализма являлась слабым прикрытием гегелевской «неисторичности» в развитии народов Востока. От подобной установки отдавало также и европоцентризм, поскольку европейский путь развития исторического процесса как путь «классический» выдвигался как исторический образчик и противопоставлялся историческому процессу народов Востока, у которых отрицалось не только рабство как первая форма классового деления общества, но в развитии которых и феодализм выступал в «несовершенной» и «неразвитой» форме «восточной разновидности».

Конечно никто спорить не будет: историческое развитие народов Востока имело свою специфику. Но подчеркивать эту специфику в такой степени, чтобы для стран Востока наметить свой некий особый исторический процесс, это значило из исключения делать правило, а в противовес марксову закону развития социально-экономических формаций как всемирноисторическому процессу выдвинуть новый закон для Востока. К этому неизбежно приводила вся логика сторонников «вечного феодализма» на Востоке. Совершенно естественно, что такая логика не всегда мирилась с фактами и очень скоро стала нуждаться в исправлении и уточнении.

Теперь уже никто почти не сомневается в том, что для древнейших периодов истории народов Востока этот вопрос о господствовавшем там способе производства должен быть поставлен **по-новому**. Не столько виной, сколько бедой старых сторонников разновидности феодализма на Востоке являлось то, что в их представлении история народов Востока рисовалась очень упрощенно, без внимательного учета исторических периодов, без учета разнообразия материала, массы деталей социально-экономической жизни.

Уточнение и правильное разрешение поставленной проблемы должно идти, во-первых, по линии изучения конкретного исторического материала, учета основных и руководящих в работе историка-марксиста высказываний Ленина о первой форме классового общества, данных в его лекции «О государстве». Эти высказывания необходимо взять как методологические установки в разрешении поставленной проблемы. А они сводятся в сущности к одному основному и генеральному положению, что через рабский способ производства прошло большинство всех стран мира и что рабы и рабовладельцы — это первая форма классового деления общества.

Во-вторых, необходимо, более детально изучив фактический материал, уточнить периодизацию истории народов Востока. Нельзя эту историю брать «вообще» и методом исторической «уравниловки» обезличивать все своеобразие ее отдельных эпох и периодов. При современном состоянии источников (как вещественных, так и письменных) становится совершенно ясным, что например древняя история Египта (доэллинистического периода), Двуречья (до эпохи Сассанидов) должна быть выделена от последующей их истории, так же, как, скажем, история древней Индии (от Риг-вед до эпохи буддизма) и древнего Китая (включая ханьскую эпоху до так называемого «троецарствия»)

должна быть также особо учтена для исторического исследования. Этот грубо взятый хронологический отрезок истории древнего Востока характерен, во-первых, тем, что в этот период осуществляются распад первобытных отношений и формирование первого классового общества. Во-вторых, столь обильный исторический материал этих отделов истории до сего времени мало исследовался с точки зрения социально-экономической истории народов древнего Востока.

Отсюда вся жгучесть и острота вопросов о распаде первобытнообщинных отношений и о том типе социально-экономических отношений, который начинает господствовать в слагавшемся классовом обществе в древнем Востоке. И если последующая за этим периодом древняя и более поздняя история Востока не вызывает сомнений в оценке ее феодального, пути развития, то вышеотмеченный период, с точки зрения господствовавшего тогда способа производства, вызывает много споров. Эти споры отчасти можно проследить и в русской до-революционной историографии по древнему Востоку. Известный историк древности М. М. Хвостов пишет например следующее: «В экономическом отношении древний Восток прошел ранние стадии хозяйственной эволюции, но народного хозяйства в бюхеровском смысле не достиг»¹. Совершенно очевидно, что М. М. Хвостов намекает здесь на те натурально-хозяйственные, т. е. феодальные, отношения, которые по схеме К. Бюхера как раз и предшествуют «народному хозяйству». В отношении например древнего Египта М. М. Хвостов совершенно отчетливо формулирует феодальную точку зрения (см. например стр. 99—102). Более осторожен по отношению к обобщениям социологического порядка был Р. Ю. Виппер, который историю народов древнего Востока брал более дифференцированно. Так например, выделяя культуру древнего Сумира, он писал следующее о господствующем там типе хозяйственных отношений: «В общественной среде, к которой относятся эти документы (сумерийские. — А. М.), повидимому нет крестьянства в нашем смысле — мелких самостоятельных хозяев. Община как хозяйственно-политическое целое имеет во главе бюрократию, которая производит разделы полей, ведет межевание, собирает продукты в огромные склады и берет на себя пропитание рабочего состава»².

«Рабочий состав» у Р. Ю. Виппера конечно совершенно иная категория, чем крестьянство в «феодальных владениях» у М. М. Хвостова. Нечего говорить, что неизученность конкретного исторического материала этого древнейшего исторического периода в жизни народов Востока требует большей осторожности и особого подхода к нему, а не того, чтобы валить его в одну кучу с последующим действительно феодальным развитием стран Востока. Тем более, что продолжающееся раскрытие источников этого древнейшего периода, восходящего примерно от четвертого тысячелетия к первым векам нашего летосчисления, дает, по мнению автора данной книги, все бо-

¹ «История древнего Востока», стр. 6—7, М. 1927 г.

² «Древний Восток и эгейская культура», стр. 32, М. 1910 г.

лее и более материала для установления на Востоке рабства и рабовладельческих отношений.

К сожалению вновь выставленное положение развивается автором недостаточно и притом только на материале переднего или так называемого классического Востока, что несколько умаляет значение этой книги и как учебного пособия, поскольку в программы вузов включено изучение древней истории Индии и Китая. В своем лекционном курсе автор не останавливался подробно на конкретных примерах анализа рабства в древнем Востоке. Автор это прекрасно восполняет в специальных и позднее написанных работах по данному вопросу¹.

Предложенная новая постановка вопроса о рабстве на Востоке выдвигает всем ходом своего изложения две проблемы, которые соответствующим образом и разрешаются автором.

I. Первое — это проблема прохождения через рабство большинства всех стран мира, на что Ленин, как известно, в своей лекции «О государстве» не только дает утвердительный ответ, но и делает колоссальной значимости вывод, что рабовладельчество есть первая форма классового общества.

Устанавливая по источникам рабство в Египте, Вавилоне и Ассирии и в других странах переднего Востока древнейшего периода, автор ленинскую постановку вопроса о первой форме классового общества переносит и на страны Востока. Разрешая таким образом вопрос и о способе производства, он с самого начала как бы отводит попытки сужения рабского способа производства рамками только Греции и Рима, а также и попытки подменить ленинское указание о «большинстве» народов, проходивших через рабство, только древними народами Греции и Рима или даже странами Западной Европы, которые все вместе конечно дают все же только меньшинство народов мира. Это не значит, что автор везде предлагает нам одни и те же для всех стран как бы «стандартные» формы рабства. Вовсе не так. Рабство на Востоке выступает в ином и отличном от греко-римского типа виде.

Следует однако отметить, что автор краткого курса по древнему Востоку как раз и в этом отношении не дает достаточно четкую характеристику внутреннего строения первого классового общества на Востоке. Как в отношении древнего Египта, так и Двуречья выдвигаемое им понятие классовой структуры территориальной общины, которая в виде чего-то целого противопоставляется классу рабов как коллективный собственник рабов, нуждается несомненно в дальнейшем уточнении. Мы охотно признаем трудности конкретного представления или, лучше сказать, установления конкретных форм первых классовых структур общества и видов рабства, однако при всем этом нельзя не считать предлагаемое автором представление мало удовлетворительным.

II. Вторая проблема, которую автор ставит и соответствующим образом решает параллельно разбору конкретного материала, — это проблема о прогрессивности в развитии общественных формаций, что

¹ См. например В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока, «Известия ГАИМК» № 77; «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», «Известия ГАИМК» № 97.

Ленин, развивая учение Маркса, как известно, не один раз акцентирует. Прогрессивность хода исторического развития, несмотря на некоторые моменты попятного движения общества, является безусловно одним из отправных положений марксизма-ленинизма. В «Критике политической экономии» Маркс установил во всемирноисторическом развитии смену общественно-экономических формаций — рабовладельчества, феодализма и капитализма — как прогрессивность хода исторического развития. Из этого следует, во-первых, что каждая новая формация общества, которая следует за старой, является более развитой, т. е. прогрессивной, и, во-вторых, эта прогрессивность хода всемирноисторического процесса не допускает перехода от более развитой формации общества к менее прогрессивной, — скажем, от рабовладельческого общества к первобытному коммунизму или от капитализма к экономическим отношениям феодализма. Такого развития общество не знает. Наоборот, история и подлинно научное отражение ее процесса в марксистской теории говорят, что первобытный коммунизм после своего разложения неизбежно приходил к рабовладельческому обществу, капитализм в процессе своего распада приходил не к феодализму, а к диктатуре рабочего класса и построению социалистического общества.

В кратком курсе истории Востока на этой проблеме прогрессивности заостряется внимание, чтобы противопоставить это отправное положение марксизма-ленинизма буржуазным теориям циклизма в общественном развитии, в объятия которых в частности попадают сторонники феодализма на Востоке.

Как известно, сторонники феодализма на Востоке, не затрудняя себя детальным анализом социально-экономических отношений, рассматривают последние по трафарету как феодальные, которые потом повторяются в развитии средневековой Европы, где они приводят уже к капитализму. На Востоке, правда, капитализм не сложился, но развитие там «феодальной разновидности» по мнению сторонников циклизма может зато иметь своим результатом вспышку рабовладельчества. Но и в том и другом случае мы дескать наблюдаем как бы «аналогичный цикл» развития.

Недаром ведь у маститого представителя теории циклизма — у Э. Мейера — рабство свободного труда в новое время в такой же степени вытекает из средневекового феодализма, в какой классические формы рабства в античности вытекают из доантичного героического «средневековья» (например гомеровской Греции).

В своей вводной части В. В. Струве совершенно правильно обращает внимание, что сторонники феодализма на Востоке недооценивают проблему прогрессивности исторического развития. Ведь поэтому-то у них и получается, что этот восточный феодализм в своем развитии или превращается в рабство (например у Н. М. Никольского в Двуречье в эллинистическую эпоху)¹ или остается «вечным», причем в этом случае становится совершенно неизвестным, какие внутренние закономерности заложены в этом феодализме.

¹ Пользуюсь выступлением Н. М. Никольского в московском отделении ГАИМК по вопросу о рабстве на Востоке.

Иначе говоря, неизвестно, почему этот феодализм не движется к следующей прогрессивной фазе общественного развития — к капитализму, к которому должна бы идти, по Марксу, вся диалектика внутреннего развития феодализма, если конечно какой-нибудь фактор извне не нарушает закономерности этого развития (скажем, некапиталистический путь развития при господстве социалистических элементов в эпоху диктатуры пролетариата).

Сторонники феодализма на Востоке обходят все эти вопросы прогрессивности исторического процесса. Поэтому правильно отмечается в вводной части курса В. В. Струве, что эта теория вечного феодализма на Востоке в известной степени связана с буржуазными теориями циклизма, видным представителем которого является Э. Мейер. Автор курса разрешает все эти вопросы, устанавливая рабство в странах Востока древнейшего периода, причем показывает это не только в своей вводной теоретической части, но и на всем протяжении изложения фактической истории древнего Востока.

Так разрешаются два чисто методологической значимости вопроса: о первой форме классового общества на Востоке и о характере исторического процесса в этих странах в связи с марксистским учением о прогрессивности социально-экономического развития.

Надо заметить однако, что подобное решение проблемы о способе производства на Востоке в древний период нельзя еще признать законченным, ибо на ряд отдельных вопросов общей проблемы это решение еще не отвечает. Но данная постановка проблемы является безусловно движением вперед к следующей ступени как в деле разрешения назойливой проблемы «азиатского способа производства», так и в деле дальнейшего уточнения понятия рабского способа производства.

Из наиболее неисследованных вопросов в этой работе по Востоку является проблема «о первобытных формах рабства», которые Ленин устанавливал в первой классовой формации общества. Что представляют собою первобытные формы рабства — это вопрос, который остается пока еще невыясненным, и разрешение его безусловно должно иметь колоссальное значение для изучения подлинных и конкретных форм рабства на Востоке.

Пока нам только известно, что «первобытные формы рабства», о которых говорит Ленин, дают нам рабство не переходного периода от доклассовых отношений, от общины к классовому обществу, как думают некоторые. Это конечно и не патриархальное рабство.

Из всего контекста замечаний Ленина о рабстве, вернее, о первобытных его разновидностях, следует, что при этой форме рабства существуют рабы и рабовладельцы как основные классы и не переходного периода, а образовавшейся классовой формации общества. Другими словами, мы имеем здесь не переходный период, а сформировавшуюся на базе первобытных форм рабства рабовладельческую формацию общества.

А что именно так Ленин устанавливал соответствие первобытным формам рабства определенной формации общества, следует из того указания Ленина, где он говорит, что общество от этих «первобытных форм рабства переходит к крепостничеству». Первобытным формам раб-

ства соответствует рабский способ производства, а крепостничество — феодализм, — из этого контекста разумеется все это само собою. Первобытные формы рабства Ленин находил в первой классовой структуре обществ большинства всех народов мира¹. В нашей исследовательской работе крайне важно установить теперь, что это за первобытные формы рабства, каковы их виды конкретно, чем они отличаются от античных форм рабства.

Пока мы можем только поставить этот вопрос, а разрешение его возможно осуществить лишь в плане большого конкретного исторического исследования.

Но тот конкретный материал, которым мы располагаем по древнему Востоку, заставляет нас высказать предположение, что первобытные формы рабства суть та самая форма рабства, которая стала складываться при свежести еще общинных или марковых (как например у германских народов) отношений; там же, где они оказывались особенно живучи, они тормозили развитие этих форм рабства в более высокие формы античного рабства.

Территориальная община в Египте или в Индии, законсервировавшись в развитии классового общества, долго, как известно, сохраняла и первобытные формы рабства. И подход автора данной книги с этой именно стороны к проблеме рабства на Востоке конечно не лишен интереса.

При первобытных формах рабства мы можем даже допустить, что раб не только как экономически порабощенный член общины, но и как захваченный в плен на войне мог быть посажен на соответствующий земельный надел и мог обрабатывать его за оброк. И едва ли здесь обязательно мог сложиться феодализм, ибо в противоположность крепостному этот раб, как и античный, не имел собственности и средств производства на основе частной собственности. Форма соединения рабочей силы со средствами труда, а также апроприация личности производителя здесь типичная для рабства. И такое, можно было бы назвать его «кабальное», рабство мы можем проследить не только на Востоке, где его в известной степени устанавливает данная работа, но и в античных Греции и Риме, где наряду с античными формами, более развитыми, существовали и эти «первобытные формы рабства». Вот это-то обстоятельство нам и надо подчеркнуть, ибо с нашей точки зрения оно и лежало в основе ленинского дифференцирования рабства в древности. Перед Лениным был конечно большой конкретно исторический материал, который давал ему право говорить о «первобытных формах рабства», через которые прошло большинство частей света, и об античном рабстве, на котором «целиком покоились» Греция и Рим. В задачу вводной статьи не входит приводить весь этот конкретно исторический материал, однако мы сошлемся на некоторые данные из истории древнего Востока в плане предварительной разведки материала. Эти конкретные данные заставляют нас высказать предположение, что «первобытные формы рабства» являлись типичными именно

¹ Ленин, «О государстве», Соч., т. XXIV, стр. 366—367. 3-е издание.

для стран древнего Востока и представляют собою ту самую «вариацию» рабства, которая стала складываться еще при свежести общинных отношений и при господстве государственной и общинной собственности, которые, как раз в странах Востока оказавшись наиболее живучими, тормозили развитие этой вариации рабства в более высокие формы античного рабства.

Возьмем к примеру древнюю Индию. Неисследованность ее древней истории скрывает от нас подлинный характер общественных отношений. Однако, если мы возьмем Риг-ведический период, то в стране Арнаварты индийский эпос дает определенное деление населения, причем только на две следующие группы: это, во-первых, так называемые «арии», т. е. осевшие земледельцы, и «дасью», к которым относились все завоеванные и поработанные племена темной расы. Характерно, что к «дасью», правда, под несколько измененным термином «даса» относятся вообще рабы, независимо от того, принадлежат ли они к темнокожим или к белому племени, «говорят ли они на языке млекхов (варваров) или на языке «ариев», как это говорится в «Законах Ману» (X, гл. 45). Это безусловно говорит уже о довольно сильном развитии рабства в Индии в ведический период, тем более, что кроме установленного деления населения на земледельцев и рабов в Риг-ведах не указывается совершенно ни на какие другие прослойки общества. Тем более не приходится еще говорить о кастах, о которых во всем эпосе Риг-веды имеется разве один только намек в десятой песне о Пурше-Сукта (X, гл. 90), которая санскритологами относится все же к поздневедическому периоду.

Что же касается рабства на Востоке, его особой, отличной от античности формы, то это своеобразие рабства до сих пор недооценивается. При первобытных формах рабства мы можем допустить, так уже указывалось выше, что не только захваченный в плен на войне раб, но и экономически поработанный член общины мог быть посажен на соответствующий надел и должен был обрабатывать его за оброк. И едва ли здесь обязательно следует видеть феодализм, ибо в противоположность крепостному этот оброчный раб, как и античный, не имел собственности и средств производства на основе частной собственности. Между прочим такой вид рабства хорошо отражен в одном из основных документов древней Индии в браманский период в «Законах Ману». В этом документе кодифицированы различные формы рабства. Так мы имеем там перечисление следующих семи видов рабства: «Человек, взятый в плен, раб, который служит из-за пищи, рожденный в доме, купленный, подаренный, ранее принадлежавший отцу своего настоящего владельца и человек, который отрабатывает подати» («Законы Ману», VIII, гл. 41). Мы обращаем внимание на последний вид рабства. Он как будто дает скорее пример крепостнического труда, и здесь поэтому рождается много соблазнов отнести его к феодальным отношениям. Однако такое соображение должно отпасть, если учесть дальнейшее пояснение из «Кодекса Ману». Там дальше устанавливается, что всем этим перечисленным видам рабства обще то, что ни одна из этих категорий — рабов — не может иметь собственности:

«все, что раб приобретает, принадлежит тому, кому принадлежит сам раб» (VIII, гл. 416). Таким образом формой классового угнетения является не столько прикрепление к земле, не столько экспроприация земли у масс, сколько апроприация личности. Одновременно и форма соединения производителя со средствами производства здесь, если внимательно вникнуть в детали экономического положения производителя, дает безусловно рабский труд и рабовладельческую форму эксплуатации.

Вторым характерным моментом «первобытных форм рабства» является то, что в условиях древнего Востока при господстве там общинной и государственной собственности на землю, на ирригационные сооружения и т. д. и рабство представлено главным образом в форме общинной собственности. «Граждане государства обладают властью над своими рабами, — говорит Маркс, — лишь коллективно и уж по одному этому связаны с формой общинной собственности. Это — коллективная частная собственность активных граждан, вынужденных по отношению к рабам держаться этой натуральной формы ассоциации»¹. Эта общинная или государственная форма рабства, дающая нам, как мы видели из истории Индии, пример «кабального» рабства, может быть прослежена и в древнейший период Китая. Так, скажем к примеру, из китайских летописей Чун-цю и Чжоу-ли Георгиевский устанавливает в Китае отношения рабовладельчества, при которых существовали особые чиновники по заведыванию обращенными в рабство людьми². Мы не можем конечно установить размеров рабовладельчества в Китае на основании этих данных, но самая форма рабства обращает на себя внимание.

Более точные сведения в отношении размеров рабства дает нам история классического Востока. Приходится отметить недооценку рабства прежде всего в древнем Египте, хотя достаточно было бы взять в руки публикации Брестеда в его «Ancient Records of Egypt», чтобы убедиться, в каком размере комплектовались рабами хозяйства фараонов, его наместников и храмов. Если мы данные папируса Harris³, по которым в царствование Рамзеса III в храме Амона исчислялось 86 486 человек, а для храма Пта — 3 079 рабов, и будем считать преувеличенными⁴, то документы второй части публикаций Брестеда подтверждают все же большие размеры рабства в Египте. Так в документе № 436 устанавливается 1796 рабов-азиатов; в § 555—1 578 рабов-сирийцев; в § 854—740; в § 480—606; в § 509—522 раба и т. д. Наряду с этими крупными рабовладельческими хозяйствами были конечно и мелкие, располагавшие рабами в количестве 95, 60, до 10 и даже 2 человек⁴.

Чтобы не загромождать изложение, мы не будем приводить данных о рабстве в Двуречье. Укажем лишь на то, что Meissner в своей

¹ «Архив Маркса и Энгельса», кн. I, стр. 254.

² Георгиевский, Первый период китайской истории до Цинь Хуань-ли, стр. 246—247.

³ См. эти данные у Breasted, IV, § 222—225, 338.

⁴ Breasted, II, § 447, 494, 495, IV, § 680—682.

работе «Babylonien und Assyrien»¹ устанавливает из данных царских надписей рабство в Ассирии не только в ремесле, что вообще не отрицалось, но и в сельском хозяйстве, не говоря уже о храмовых рабах, которые очевидно как раз и использовались главным образом в сельском хозяйстве.

Размеры вводной статьи не позволяют привлечь возможно большего количества данных о размерах рабства в древнем Востоке. Да и не эта сторона вопроса интересует нас в первую очередь. Того, кто именно этим интересуется в изучении древнего Востока, мы отсылаем к специальным работам проф. Струве, в которых о рабстве у шумитов, египтян, вавилонян и хеттов приведен достаточный материал².

Вышеприведенные данные мы указали не столько для того, чтобы проиллюстрировать размеры рабства на Востоке, сколько для того, чтобы отметить специфичность его в условиях господства по преимуществу общинной и государственной собственности и слабого развития движимой и недвижимой частной собственности. Эта специфичность целиком должна войти в содержание тех первобытных форм рабства, при которых: 1) законсервировавшиеся, старые общинные отношения сохраняют государственную форму владения рабами в виде общинных, храмовых и т. д. наряду с частным, хотя и мало развитым рабовладением; это обстоятельство тормозило развитие движимой и недвижимой собственности, в эмпирических условиях ирригационного хозяйства оно не развивало противоречий в борьбе форм собственности, а потому и создавало застойность в движении этого общества; 2) раб может быть посажен на землю, снабжен инвентарем, как это делалось, скажем, в особенности в персидскую эпоху в Двуречье, и обрабатывать землю, неся «рабский оброк», причем основным, все же здесь являлось не прикрепление к земле, а возможность отчуждения раба от земли, т. е. апроприация его личности, лишенной не только средств производства, но и прав распоряжаться своей собственной рабочей силой; 3) «рабский оброк» отличается здесь от создававшегося античным рабом прибавочного продукта тем, что остававшееся необходимое время в первом случае давало возможность воспроизводить рабочую силу и путем размножения, в то время как во втором случае путь воспроизводства через размножение был в основном закрыт.

Это последнее обстоятельство объясняет нам наличие семьи и разрешение ее иметь у рабов на Востоке и отсутствие семьи и запрещение ее у рабов в античности, что в свою очередь раскрывает нам, почему в деле приобретения рабов захват и войны в античности имели большее социальное значение, чем войны на Востоке, где они никогда не были значительны.

Этот характер первобытных форм рабства, через которое прошло большинство человечества, отличает эту вариацию рабства от той редкой и наиболее развитой ее формы, которую мы наблюдаем в античности и которая достаточно уже известна.

¹ В. I. S. 381—382.

² См. «Рабовладельческая латифундия в Шумере», статья в сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, также «Известия ГАИМК» № 77, «Известия ГАИМК» № 97.

Однако было бы неправильно полагать, что античное рабство произошло, как «феникс из пепла», и не проходило также в своем развитии через первобытные формы. Целый ряд данных говорит за то, что долгое время в античности в качестве рудимента отношений, унаследованных еще от эпохи господства античной государственной и общинной собственности, существовали так называемые «общинные рабы» (*δοῦλοι δημοῖοι*), «общинный передел земель», или так называемый *γῆς ἀναδελφός*, проводившийся в раннюю эпоху древней Греции. Причем интересно, что речи Демосфена раскрывают нам остатки этих первобытных форм рабства в виде еще так называемых *οἱ χωρὶς οἰκοῦντες δοῦλοι*, т. е. рабов, живущих отдельно от своего хозяина. Эти рабы, получая участок от рабовладельца и обрабатывая его инвентарем последнего, платят рабский оброк в виде так называемого *ἀγροφῶν* или *ἀποφορά*. А Платон, как известно, в 6-й и 7-й книгах своего трактата «Законы» предлагает возвратиться к этой идеализируемой им старой форме рабства, которую он еще мог в свое время наблюдать как в Спарте, так и на о. Крите. Даже в плане своего идеального государства (Полития) Платон не мыслил себе никакого другого положения класса производителей, как именно в условиях смягченного рабства, на что в свое время обратили еще внимание такие исследователи, как Целлер, Гомперц, Адлер и др.

А Аристотель, первый комментировавший не совсем ясно намеченное положение для третьего сословия в «Республике», прямо говорит, что все производители ставятся там в такое положение, при котором они превращаются в земледельцев, выплачивающих рабский оброк *οἱ γεωργοὶ ἀποφοράν περὶ οὐράς* (Arist., Polit. II, 2, 13).

Таким образом мыслился возврат к старой, уже изжитой форме рабства, которая являлась в глазах Платона более смягченной по сравнению с гипертрофированным видом рабства в его эпоху. Наконец следует отметить, что сами античные авторы не могли не подметить некоторое своеобразие форм рабской зависимости и в дошедших до нас свидетельствах говорят о «рабах на определенных условиях» в Спарте (Эфор об илотах, также Поллукс), о положении производителей, «среднем между рабами и свободными» (у Афиней—о фессалийских пенестах, также Посидоний, Эфор и др.) и о других видах рабской зависимости, в которых можно видеть именно «первобытные формы рабства» в древности. Таким образом это показывает нам, что только с дальнейшим развитием движимой и недвижимой частной собственности, которая особенно в Риме, говорит Маркс, «находилась в резком противоречии с государственной собственностью», могли создаться новые более развитые формы рабства в ремесле и в земледелии античного мира. До этого же, как в Греции (это можно было бы проследить и в Риме), господствовали первобытные формы рабства, столь долгое время законсервировавшиеся на Востоке, но довольно быстро изживавшиеся в экономике Греции и Рима. Отсутствие в Греции и Риме сложного ирригационного хозяйства, требовавшего государственного владения, а также сильное развитие торгового капитала, дробившего государственную собственность, все более и более индивидуализировавшего частную собственность, — все это вы-

зывает рост движимой и недвижимой частной собственности, постепенно разрушало и общинное владение землей и рабами и тем самым сыграло большую роль в консолидации новых античных форм рабства. Так в особых условиях Греции и Рима осуществлялся переход к античному рабству от тех его первобытных форм, следы которых оставались и позднее и которые мы можем проследить по целому ряду источников. Так мы ставим проблему первобытных форм рабства, которые Лениным различаются от античного рабства, так вместе с тем мы подходим и к разрешению проблемы первой классовой формации общества в странах древнего Востока. Отсюда нам становится совершенно понятным, что в прохождении большинства частей света через рабство как первую форму классового общества страны Востока не представляли исключения, а потому и не имели какого-либо особого исторического пути развития, отличного от европейских народов. Весь вопрос заключается лишь в тех «вариациях и градациях» отношений, которые в зависимости от конкретно исторических условий возникали на основе одних и тех же способов производства у различных народов мира.

И правильное, четкое установление этих «вариаций и градаций» может быть лишь сделано в результате досконального исследования тех конкретных исторических условий, которые и создавали как раз эти «вариации и градации».

А. Мишулин

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий краткий курс истории древнего Востока обнимает собою историю обществ в странах Ближнего Востока (восточная часть Средиземноморья), начиная с древнейших времен до того времени, когда античное рабовладельческое общество захватывает страны Ближнего Востока.

В начале курса, посвященного этому периоду истории человечества, мы должны будем ознакомиться с тем, что дает марксистско-ленинская историческая концепция для определения формации древневосточных обществ.

Но прежде остановимся на двух концепциях, трактующих развитие человечества, какие выдвигались буржуазной историографией.

Одна из них, представлявшая человечество развивавшимся по прямой восходящей линии, была создана буржуазной историографией в ту эпоху, когда буржуазия являлась еще восходящим классом. Основателем ее является Гегель. Он утверждает прогрессивность истории человечества без каких бы то ни было отклонений. По Гегелю, «абсолютный дух мировой истории познает самого себя лишь в высшем из обществ», каковым он считал общество германское. Мировой дух шествует с Востока на Запад, и там, где он внедряется, пышным цветом расцветают культура и вся жизнь общества в целом. Народ, покидаемый мировым духом, обречен на медленную гибель, на распад и запустение. Так по мере продвижения мирового духа с Востока на Запад расцветали и гибли Китай, Индия, Вавилония, Ассирия, Греция, Рим, пока наконец всемогущий дух не вселился в германское общество и здесь познал себя. Но в своем историческом шествии мировой дух не захватил многих народов, оставив их в стороне от своего могучего влияния. Поэтому эти народы неисторичны в своем развитии.

Такова была концепция европейского мессианизма, ярко и сильно нарисованная Гегелем.

Экономисты Родбертус и ученик его Бюхер пытались подвести экономическое обоснование под эту концепцию Гегеля. Для каждого из великих этапов всемирной истории — древней, средней и новой — они находили соответствующие стадии развития хозяйства, игнорируя социальные, классовые отношения. Так для древней истории характерно домашнее хозяйство, удовлетворяющее само себя, для средних веков характерным является городское хозяйство, знающее обмен в пределах города, а для нового времени такой хозяйственной формой является уже народ-

ное хозяйство, при котором интенсивнейший обмен существует между отдельными городами.

С развитием буржуазного общества, достигнувшем в конце XIX в. своего апогея, концепция Гегеля должна была потерять свое значение. Капитализм вступил в высшую стадию своего развития — в стадию империализма.

В этот период доминирующей концепцией буржуазной историографии становится концепция абсолютного циклизма. Наиболее ярким представителем ее является крупнейший историк Эдуард Мейер, которому были доступны первоисточники как древневавилонского, так и античного обществ. Свою концепцию Мейер четко определяет в своем докладе «Экономическое развитие древности» (1895). Здесь он полемизирует с точкой зрения Родбертуса и Бюхера, покоящейся на развитии человечества по прямой восходящей линии.

«В конечном счете, — говорит Мейер, — эта концепция выросла из суеверия, что развитие истории средиземноморских народов протекало, последовательно прогрессируя, по восходящей линии. Эта вера, покоящаяся на богословских потребностях, ревностно поддерживается популярной философией, которая охотно занимается вопросами прогресса и независимо от фактов создает красивые систематизации. Опирается она на известное трехчленное деление истории на древнюю, среднюю и новую. Так как в средние века мы находим совсем примитивные условия, то полагают, что мы должны для древности постулировать еще более примитивные условия. Против этого мы должны подчеркнуть, по возможности энергичнее, что развитие средиземноморских народов протекало до сих пор в двух параллельных периодах, что с гибелью античности опять началось развитие и что оно опять возвратилось к примитивным условиям, которые уже раз преодолело. Гибель античного общества не произошла благодаря внешней катастрофе, но через внутреннее разложение вполне развитой по своему существу, вполне современной (модерн) культуры, которая изживает себя в себе самой. Для того, кто этого факта вполне не усвоил, кто еще может сказать, что «уже у греков и римлян мы находим то или иное учреждение, затем идут на смену Франкское государство и Карл Великий» и т. д., для того историческое понимание процесса развития человечества — недоступно»¹.

Эдуард Мейер, опираясь на широкое знание доступных ему первоисточников древней истории, пытается во что бы то ни стало доказать, что древний период Средиземноморья знал свою античность, свои средние века и свое новое время. Не останавливаясь перед искусственным толкованием источников, он находит для античности, как и для древнейшего периода романо-германских народов, родовой строй, для средневековья — тот же феодализм и крепостничество, что и в Западной Европе, а для нового времени он находит новую форму эксплуатации — рабство, которое соответствует, по его мнению, современному промышленному наемному труду. Для него таким образом крепостничество является менее прогрессивной формой эксплуатации, нежели рабство. Он четко

устанавливает свою точку зрения на прогрессивность рабского труда по сравнению с трудом крепостного в своей брошюре «Рабство в древности».

«Ни в чем однако так явственно не проявляется современный характер рабства, как в том что раб, подобно современному промышленному рабочему, при благоприятных обстоятельствах может достигать благосостояния и богатства, между тем как средневековый крепостной, колонн позднего периода Римской империи, villain феодальной эпохи были непосредственно связаны со своим сословным состоянием и вместе со всеми своими потомками никогда не могли из него выйти»¹.

Следовательно, согласно Э. Мейеру, древняя история Средиземноморья уже знала свой капитализм, за которым однако нет дальнейшего развития и идет процесс регресса хозяйства и общества. Рабский труд, соответствующий, как было сказано, наемному труду капиталистической формации, сменяется трудом крепостных.

«Таким образом античная эволюция завершила свой круговорот. Процесс развития возвращается к той точке, из которой он вышел: средневековый порядок вторично становится господствующим»².

Из этой концепции циклизма Мейера с необходимостью вытекает вывод о том, что человечеству надо задержаться на капиталистической формации, которая является наивысшей формацией, доступной человеческому обществу. После капитализма наступает не прогресс, а регресс, возврат к средневековому крепостничеству.

Этот вывод из концепции Э. Мейера сделал известный историк-белоземigrant М. М. Ростовцев, пытающийся в своей большой работе по истории Римской империи доказать, что с гибелью капитализма в древнем Риме погибла и вся античная культура. Отсюда вывод: бойтесь, народы Европы, того, что делается сейчас в России, ибо это повторяет происшедшую две тысячи лет тому назад гибель культуры.

Согласно концепции циклизма, периодизации западноевропейской истории соответствовали те же периоды — античность (родовой строй), средние века (крепостничество) и новая история (рабство — наемный труд) в древнюю эпоху Средиземноморья.

Определив сущность концепции циклизма, ставшей доминирующей в буржуазной науке в эпоху империализма, обратимся теперь к марксистско-ленинской исторической концепции.

Диалектический материализм видит во всемирной истории в противоположность циклизму определенный прогресс. Так обнаруживающаяся в природе и в истории диалектическая закономерность, диалектическое развитие определяются Энгельсом как «причинная связь того поступательного движения, которое, сквозь все отклонения в сторону и сквозь все кратковременные попятные шаги, пробивается от низшего к высшему»³.

Правда, этот прогресс не является прогрессом по прямой восходящей линии, как это полагали Родбертус и Бюхер, концепция которых

¹ Э. Мейер, Рабство в древности, стр. 55.

² Там же, стр. 56.

³ Маркс и Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 350.

осуждается Лениным как богословская. Вот что говорит Ленин по этому поводу:

«Познание человека не есть... прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся в ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов)»¹.

Диалектический материализм не знает абсолютной повторяемости одних и тех же явлений в различных формациях, как это утверждает циклизм. Ибо согласно диалектическому материализму «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное... связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики»².

Циклизм, который говорит об абсолютной повторяемости, резко противоречит материалистическому учению о производительных силах. Для циклизма, для которого в известный период история человечества начинается сызнова, производительные силы предшествующей эпохи как бы растворяются в воздухе, не оставляя реального наследия для последующих поколений.

Ряд наших историков-марксистов развивает теорию господства феодального строя в древнем Востоке. Эта концепция также в известной мере связана с мейеровской характеристикой феодализма на Востоке. Для Э. Мейера вечный феодализм на Востоке является аксиомой: «Ни одно восточное государство не ушло далеко от этих бегло намеченных мною отношений (т. е. крепостничества.) Существенные черты экономической жизни оставались здесь неизменными с самых древних времен и до настоящего времени. Если в истории появлялся какой-либо новый народ, как например евреи, арабы, турки, то в несколько столетий он приспосабливался к господствующим условиям, часто ценою тяжелых внутренних кризисов, и постепенно приобщался к существовавшей культуре. Промышленность и торговля во все времена играли на Востоке очень крупную роль, но условия их существования оставались там почти всегда одни и те же. Дамаск, Алеппо, Галат и большие города Египта и Вавилоны за 1000 лет до нашей эры представляли в общем тот же вид, что и теперь. До полного разрушения старой социальной организации дело не дошло. Поэтому-то рабство на Востоке никогда не играло в хозяйственном отношении более или менее крупной роли, и это является для нашего исследования пунктом капитальной важности»³.

Эта точка зрения вечного феодализма на Востоке приводит нас к определенной концепции азиатского способа производства, которая представляет развитие Востока качественно отличным от развития Запада.

Действительно, Восток в противовес Западу знал феодализм на протяжении пяти тысяч лет, в то время как Запад преодолел его в течение пяти веков. Таким образом феодализм на Востоке является регрессивным феодализмом, феодализм же Запада — прогрессивен, и таким образом рассматриваемая концепция приводит к тому же выводу, что и у Э. Мейера, а именно, что крепостничество является более регрессивной формой эксплуатации, нежели рабство. Ведь древневосточное крепостничество не могло перейти в более высокую формацию, в то время как феодализм Западной Европы, выросший на почве разложившейся рабовладельческой формации, превратился в дальнейшем в капитализм. Эта же концепция приводит к точке зрения европейского мессианизма. Действительно, если капитализм на Востоке появляется лишь в XIX в., после почти пяти тысячелетнего существования здесь феодальной формации, трудно не сделать вывода о том, что капитализм на Востоке появился благодаря влиянию капитализма Запада.

Определение древневосточного общества как феодального противоречит вполне определенным высказываниям на этот счет основоположников марксизма. Для Маркса «спорадическое [в единичных случаях] применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средних веках и современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве»¹.

Еще более определенно высказывается Энгельс:

«...в азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, т. е. не столько экспроприация земли у масс, сколько экспроприация их личностей»².

Как для Маркса, так и для Энгельса первой эпохой в истории классового общества было рабство, за которым следовало крепостничество, перераставшее в свою очередь в капитализм.

И для Ленина первой классовой формацией было рабовладельчество:

«До тех пор, как возникла первая форма эксплуатации человека человеком, первая форма деления на классы — рабовладельцев и рабов, — до тех пор существовала еще патриархальная, или — как ее иногда называют — клановая... семья, и следы этих первобытных времен в быту многих первобытных народов остались достаточно определенно, и если вы возьмете какое угодно сочинение по первобытной культуре, то всегда натолкнетесь на более или менее определенные описания, указания и воспоминания о том, что было время, более или менее похожее на первобытный коммунизм, когда деления общества на рабовладельцев и рабов не было. И тогда не было государства, не было особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилью. Такой аппарат и называется государством»³.

Поскольку мы в доклассовом обществе имеем рабов, а не крепостных, раннеклассовое общество должно быть рабовладельческим, а не крепостническим. Поэтому мы никак не можем рассматривать античное,

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIII, стр. 304.

² Там же, т. XVIII, стр. 11—12.

³ Э. Мейер, Рабство в древности, стр. 28.

¹ «Капитал», изд. 8-е, т. I, стр. 251.

² Сборник «Маркс и Энгельс об античности», стр. 132.

³ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 365.

т. е. греко-римское, общество как единственное рабовладельческое общество в истории человечества. Ведь доклассовое общество перерастало в раннеклассовое не в одних только Греции и Италии, и неудивительно, что для Ленина рабовладельческая формация является широко распространенной, не ограниченной одним греко-римским миром:

«...через это (рабовладельческое общество, — В. С.) прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим две тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы»¹.

Уже в рабовладельческой формации мы имеем в зародыше крепостническую (сравни например положение раба в нововавилонскую эпоху, колона в Римской империи). В период крепостничества эксплуатируемые крепостные, являясь членами того же общества, что и эксплуататоры, не рассматриваются больше как вещь.

За этой формой последовала в истории другая форма — крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне. Форма отношений между людьми изменилась. Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности»².

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии»³ в особенности подчеркивали то обстоятельство, что перед крепостным крестьянином феодальной эпохи ввиду отделения города от деревни открывались «перспективы преуспевания в качестве горожанина». На большие возможности у крепостного достигнуть благосостояния и свободы указывает и Ленин: «Их (крепостных. — В. С.) положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве. Но все же к их освобождению, к освобождению крестьян открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика»⁴.

Это показывает, что Ленин, так же как и Маркс и Энгельс, считал крепостничество более прогрессивной формой эксплуатации, нежели рабство. И лишь последняя форма феодализма — крепостничество — могла перерасти в капитализм.

Для Ленина переход классового общества от рабства к крепостничеству и от крепостничества к капитализму являлся основным фактом,

который марксисту-историку должен служить путеводной нитью в лабиринте учений, созданных буржуазной наукой.

«...Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства»¹. Таким образом ленинская концепция коренным образом отличается от концепции Э. Мейера, для которого порядок следования, как мы видели, был крепостничество — рабство. В нашем курсе мы надеемся доказать на основании конкретного материала правильность взглядов основоположников марксизма на то, что первым классовым делением общества были не крепостники и крепостные, а рабовладельцы и рабы.

Мы называем первую фазу рабовладельческого общества на Востоке древнеазиатским обществом, термином, который находим и у Маркса. Особенности этого классового общества состоят в том, что господствующий класс — представители большой территориальной общины — владеет коллективно рабами, которые выполняют работы, связанные с ирригацией — основой благополучия египетского и вавилонского обществ.

По мере роста производительных сил и оживления обмена начинается разрушение древнеазиатского общества, которое в некоторых случаях может перерасти в развитое рабовладельческое общество, имевшееся в Финикии, Карфагене.

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 366. (Подчеркнуто мною — В. С.).

² Там же, т. XXI, стр. 366—367.

³ «Архив Маркса и Энгельса», кн. I, 1924, стр. 244.

⁴ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 371.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Первые источники о древнем Востоке дали греческие писатели, оставившие много известий о странах Ближнего Востока. Несомненно, что все их сообщения, касающиеся современного им состояния восточных стран, представляют значительный интерес. Однако большинство сведений, относящихся к предшествующим их пребыванию периодам, — малоценны, поскольку греки не знали восточных языков и пользовались недостоверными данными. Жрецы, к которым греки могли обратиться за нужными им справками, презрительно относились к варварам-иностранным.

Из греческих ученых, посвятивших свои труды изучению Востока, заслуживают внимания историки Геродот (V век до н. э.), Гекатей (III век до н. э.), Диодор Сицилийский (I век до н. э.) и географ Страбон (I век до н. э.). Наряду с сообщениями греческих историков весьма важным источником является Библия — священная книга иудеев. Некоторые части ее написаны в очень древнее время, а другие — значительно позже. Библия дает много сведений об истории еврейского народа и попутно сообщает кое-какие данные о народах, с которыми евреям приходилось сталкиваться. К сожалению богословский характер изложения лишает в значительной части ценность Библии как источника.

Третьим источником являются греческие историки, писавшие в эпоху эллинизма историю родной страны на греческом языке для чужеземных владык своей родины. В качестве таковых могут быть названы египтянин Манефон («любимец Тота» — бога письма) и вавилонянин Беросс («Бел — пастырь его»), жившие в начале III в. н. э. в период покорения Востока греками. Происходя из знатных греческих родов, они подобно авторам Библии трактовали историю с точки зрения богословия, что сильно отразилось на их изложении. Ввиду этого греки мало заинтересовались этими работами, и только через 150 лет им суждено было быть воскрешенными стараниями еврейских писателей, которые обратились к ним чтобы узнать историю своего народа. Им же заинтересовались впоследствии и антисемитские писатели, которые пытались найти в трудах Манефона и Беросса сведения, порочащие евреев.

Еврейские и антисемитские писатели сохранили нам только те выписки из трудов Манефона и Беросса, которые их интересовали. Кроме того они пополнили их своими вставками. Дошедшие до нас отрывки из трудов Манефона и Беросса весьма недостаточны. В конечном итоге

наиболее ценными источниками истории древнего Востока являются сами подлинные памятники, письменные и вещественные, которые остались как следы деятельности этих обществ. Но для того чтобы пользоваться ими, надо уметь их исследовать, уметь читать то письмо, которое сохранилось на этих памятниках, — клинопись и иероглифы. Для того чтобы изучить это письмо, необходимым условием было наличие большого количества или самих памятников или точных копий с них. Первые точные копии довольно большого количества клинописных памятников из развалин древнеперсидского города Персеполя привез с собою Нибур — офицер, участвовавший в датской экспедиции в страны Ближнего Востока в 60-х годах XVIII в. Обилие памятников древнего Египта вошло в оборот европейской науки лишь с момента наполеоновской экспедиции в Египет.

Разрешение невероятно трудной задачи чтения древневосточных писем было осуществлено буржуазной наукой в начале XIX в. Чтение иероглифических надписей было более легким делом нежели чтение клинописи. Остановимся сперва на чтении иероглифических надписей.

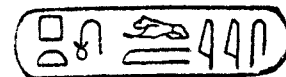
Для того чтобы разобраться в тексте, написанном неизвестным письмом на неизвестном языке, необходимо наличие другой надписи известным письмом и на известном языке. Кроме того необходимо наличие в данной надписи собственных имен. Тогда решение задачи будет возможно.

Первый такой «двуязычный» памятник был найден в Египте французскими саперами наполеоновской армии. Доставленный в Европу, он подвергся изучению со стороны английского ученого Юнга и французского — Франсуа Шампольона, считающегося первым ученым, прочитавшим иероглифическое письмо. То обстоятельство, что памятник был написан на двух языках (греческом и египетском), позволило быстро и плодотворно вести исследования, чему помогло также и то, что он был достаточно обширным и что в нем имелось несколько собственных имен. При чтении греческого текста выяснилось, что весь документ относится к царствованию Птолемея V — представителя Македонской династии — и представляет собою декрет жрецов в честь царя, датированный 196 г. до н. э.

Зная на основании свидетельства одного греческого историка, что в египетских письменных имена царей окружаются продолговатыми кружками, Шампольон мог предположить, что данную группу знаков, которые встречаются в тех строках, где в греческом тексте говорится о царе Птолемеи, надо читать как эквивалент древнегреческого

ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΣ,

а египетская часть представлялась в следующем виде:

Подставляя отдельные буквы этого имени в данном порядке в иероглифы, окруженные кружком, он получил следующие сопоставления:

Отсутствие в середине «е» и в конце «о» в иероглифической транскрипции имени «Птолемей» Шампольон объясняет тем обстоятельством, что египтяне, подобно евреям и арабам, не отмечали в письме гласных.

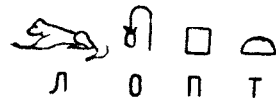
Эти отождествления иероглифических знаков, установленные Шампольоном на основании Росеттского камня, были блестяще подтверждены найденной в Филах в 1815 г. второй двуязычной надписью. Здесь имелся еще картуш. Данное царское имя соответствовало в греческом тексте имени

КЛЕОПАТРА

Подставляя для египетских иероглифов этого имени те фонетические элементы, которые он установил на основании Росеттского камня, Шампольон приходит к положительным результатам:

I ряд — знаки, не встречающиеся на Росеттском камне

II ряд — знаки, встречающиеся на Росеттском камне

Это доказало правильность его дешифровки.

В 1822 г. Шампольон уже мог выступить с докладом, посвященным установлению всего иероглифического алфавита. В дальнейшем он на основании хорошего знания коптского языка устанавливает язык египетских христиан¹ и чтение многих других неалфавитных иероглифов, становясь таким образом творцом египтологии.

¹ Копты писали алфавитом, в основной своей части восходящим к греческому.

После его смерти дело его продолжалось крупным немецким ученым Лепсиусом, окончательно определившим чтение почти всех иероглифов. Он и Бруш заложили основу грамматики и словаря египетского языка.

Раскопки, широко развернувшиеся в XIX и XX вв., обогащают науку интереснейшими памятниками материальной культуры и снабжают европейские музеи экспонатами, которые хищнически вывозились из Египта.

Берлинская школа египтологии (Эрман, Сете), стоя на почве индоевропейского языкознания, создает совершенную, с точки зрения формальной, грамматику египетского языка.

Русские египтологи Голеннищев, Лемм, Тураев кладут основу русской египтологии. После революции советская египтология, включившаяся в работу яфетического института, пытается перестроиться на основе нового учения о языке.

Памятники древнего Египта хранятся в Государственном Эрмитаже, в Московском музее изобразительных искусств, а памятники письменности — в Музее документа, книги и письма Академии наук.

Дешифровка клинописи

Дешифровка ассиро-вавилонской клинописи была более трудной, нежели дешифровка иероглифов. Это затруднение зависело от того, что те трехязычные надписи, которые послужили основным материалом для дешифровки, были все написаны клинописью, т. е. неизвестным письмом. Таким образом казалось, что ученые были поставлены перед неразрешимой задачей: решить одно уравнение с тремя неизвестными. Несмотря на это, наука не остановилась перед этой задачей. Материалом для дешифровки послужили трехязычные надписи из древнего Персеполя, которые были найдены и привезены Нибуrom. Первые ученые в конце XVIII в. занялись этими надписями и установили на основании простого формального анализа их следующие положения.

Первая из клинописных надписей, которая возглавляла две другие на одном и том же камне, являлась персидской надписью, т. е. надписью, написанной на языке господствующего народа, так как эти надписи были найдены в Персеполе — древней столице Персии. Далее было установлено, что эти первые надписи были написаны алфавитным письмом. Всего в первых надписях установлено 30 с небольшим различных знаков. Во вторых надписях было установлено 100 с небольшим различных знаков. Из этого был сделан вывод, что они были написаны слоговым письмом. В третьих надписях было установлено около трехсот различных знаков, и следовательно было сделано предположение, что это письмо было смысловым. Далее было сделано наблюдение, что в надписях первого рода встречается часто в различных местах косой клин. Этот клин был определен как словоотделяющий знак. Наконец последнее наблюдение сводилось к тому, что наиболее часто встречающаяся группа знаков в данных надписях обозначает титул царя, так как эти надписи очевидно были выбиты по приказу царей Персии. Этим ограничивались те наблюдения, которые были сделаны исследователями на основании простого

внешнего изучения памятников. Основу для дешифровки этих надписей положил германский ученый Гротенфенд в начале XIX в. Для решения этой трудной задачи он остановился на изучении двух наиболее коротких надписей, привезенных Нибуром. Основываясь на наблюдении, что косой клин является отделителем, он отделил и разложил надписи на отдельные слова. Для уяснения себе его хода мыслей мы условно обозначим слова двух выбранных им наиболее коротких надписей буквами латинского алфавита, причем каждое новое слово будет обозначаться новой буквой. Тогда мы получим следующие буквы-слова: для первой надписи:

I. A B C B B + a¹ D E F,

а для второй:

II. G B C B B + a A B E F.

Из этого сопоставления ясно видно, что слово, условно нами обозначенное буквой B, наиболее часто встречается. Гротенфенд, как и его предшественники, сделал из этого вывод, что оно соответствует титулу «царь». Но он пошел дальше и предположил, что эти две короткие надписи, которые встречались примерно в том же виде в других, более длинных надписях, являются не чем иным, как титулатурой персидских царей. В его время уже была известна титулатура персидских царей эпохи Сассанидов, которые, согласно традиции, восходили к эпохе Ахеменидов — первой царской династии Персии. Титулатура эта гласила: «(Имя рек) великий царь, царь царей, (имя рек) царя сын, Сассанид». Подставляя эту титулатуру к разбираемым им надписям из Персеполя, Гротенфенд мог убедиться в том, что надписи эти хорошо подходят к данной титулатуре. Действительно:

A — имя рек, B — царь, C — великий, B + a — царь-цар-ей,
AB — имя рек царя, E — сын, F — Сассанид.

Оставалось теперь решить только вопрос, титулатура каких царей увековечена в этой надписи: царей Ахеменидов или царей Сассанидов. Ввиду того, что в Персии, в эпоху Сассанидов уже не писали клинописным письмом, Гротенфенд сделал вывод, что здесь перед ним надписи царей Ахеменидов. Исходя из этого предположения, он снова детально стал сравнивать между собою две изученные им надписи. Данное сравнение помогло ему установить следующие важные наблюдения. Царь первой надписи не является сыном царя, так как эта надпись гласит: «(имя рек) царь великий, царь царей, (имя рек) сын Ахеменид». Далее царь второй надписи был сыном царя первой надписи, так как там, где можно было предположить имя отца царя, стояло первое слово первой надписи, т. е. имя царя первой надписи. Эти наблюдения давали Гротенфенду возможность направить свое исследование в следующую сторону. Он должен был отыскать среди персидских царей Ахеменидской династии двух царей — отца и сына, причем отец царя-отца не должен был быть царем. Таких царей история Ахеменидов знает только четырех.

Первая пара были царь Кир и его сын — царь Камбиз. Но эти два царские имени в данном случае отпадали, так как имена царей в первой и во второй надписях начинались с различных букв в противоположность именам Кир и Камбиз. Оставались поэтому только два других имени: Дарий и Ксеркс. Отец Дария был не царь (Гистасп), а Дарий был отцом Ксеркса. Подставляя эти имена, Гротенфенд мог прочитать обе надписи следующим образом: «Дарий, царь великий, царь царей, Гистасп сын, Ахеменид» и «Ксеркс, царь великий, царь царей, Дария царя сын, Ахеменид». Оставалось теперь подставить под все эти слова древнеперсидские соответствия. К сожалению тогда древнеперсидский язык был неизвестен. Он стал известен именно благодаря клинописным надписям.

Гротенфенд должен был пользоваться данными среднеперсидского языка и формами имен, сохранившимися в Библии. Благодаря несоответствию между среднеперсидским и древнеперсидским языками Гротенфенд мог правильно установить около 10 букв клинописного персидского алфавита. Но гениальное открытие Гротенфенда явилось основой дальнейшего изучения персидского клинописного алфавита. Оно было закончено в конце 30-х годов прошлого века отчасти благодаря трудам знаменитого Раулинсона — английского офицера, служившего в Персии.

Последнему удалось найти, а затем и списать большую бехистунскую надпись царя Дария I, высеченную этим царем на скале на громадной высоте. Надпись эта трехязычная, очень большая и содержала несколько десятков собственных имен. Она была посвящена описанию победы царя над мятежниками. Эта бехистунская надпись после дешифровки персидской надписи явилась «Росетским камнем» для дешифровки вавилонской клинописи. Раулинсон и другие исследователи произвели дешифровку вавилонской клинописи, пользуясь по существу теми же методами, что и Шампольон, когда он на основании греческой надписи дешифровал иероглифическую часть Росетского камня. Было установлено, что вавилонская клинопись являлась письмом, на котором писал народ семитической ветви (т. е. народ, родственник евреям, арабам, айсорам и т. д.). Загадка вавилонской клинописи была окончательно разрешена в 1857 г., когда четыре ученых, находящихся в различных местах, независимо друг от друга перевели примерно равным образом одну и ту же вавилонскую клинописную надпись.

В дальнейшем продолжалось детальное изучение вавилонской клинописи и вавилонского языка. При этом было установлено, что клинопись являлась письмом более древним, чем вавилонская семитическая культура. Творцом этого письма оказались сумерийцы — народ, живший в южной части Вавилонии. Изучение вавилонского языка было завершено известным немецким ученым Деличем. Основу изучения сумерийского языка положил французский ученый Тюрло Данжен.

В России ассириология была представлена Голенищевым, Никольским, Марром. Последний изучил халдскую клинопись — клинопись древнего населения Армении. Многочисленные археологические экспедиции, которые посылались капиталистическими странами в течение XIX—XX вв. в Месопотамию и Вавилонию, чрезвычайно обогатили европейские музеи письменными и вещественными памятниками Вавилонии и Ассирии. Были

¹ Знаком *a* я условно обозначил суффикс, соединенный в данном контексте со словом *B*.

раскопаны главнейшие из ассирийских городов (Ниневия, Ассур и др.), города Сумира (Ниппур, Ур и Лагаш), города Аккада (в северной части Вавилонии) — Вавилон и Киш, города Элама (Сузы). Здесь был найден между прочим свод законов Хаммураби и т. д.

Во всех этих городах были найдены богатейшие материалы — целые библиотеки, архивы, документы хозяйственной отчетности и др.

Весь этот вавилоно-ассирийский материал дал возможность приступить в XX в. к дешифровке хеттских клинописных памятников, которые были найдены в Богаскеой — деревне, расположенной сравнительно недалеко от Анкары — столицы современной Турции.

Дешифровщиком хеттской клинописи является чешский ученый Грозный. Работа его была более легкой, чем его предшественников — Шампольона, Гротенда и др.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Египет представляет собой крайнюю северо-восточную область Африки, непосредственно примыкающую к странам Ближнего Востока. Назван Египет по главному своему городу. «Египет», соответствующий греческому «Ангиптос», восходит к древнему названию Мемфиса «Хикапта», что значит «дворец духа Пта».

Так же как и Вавилония, Египет представляет ирригационную область. В противоположность Вавилонии он орошается не двумя, а одной рекой — Нилом (по древне-египетски Нил назывался «Хапи»). Нил берет свое начало в Центральной Африке. Один из его истоков, так называемый Белый Нил, вытекает из больших центрально-африканских озер, а другой исток — Голубой Нил — берет свое начало в горах Абиссинии. С гор Абиссинии Голубой Нил приносит с собой минеральные вещества, а Белый Нил из больших озер приносит с собой растительные вещества. При слиянии рек смешение этих минеральных и растительных веществ дает знаменитый нильский ил, который является хорошим удобрением и дает возможность Египту быть чрезвычайно плодородной страной.

Нил является одной из самых длинных рек мира. Течение Белого Нила, который является его основным истоком, равно 6 000 км. На своем длинном пути Нилу приходится преодолевать большие препятствия в виде каменных гряд, и при преодолении их река образует пороги, — знаменитые катаракты. Когда Нил достигает Элефантины (это греческий перевод старого египетского названия острова — «Слоновый остров»), он преодолевает здесь последний порог и дальше уже течет спокойно по направлению к северу. Для египтян река Нил была долгое время единственной известной рекой. Поэтому они часто называли ее просто «рекой». Говоря о плавании по направлению к северу, египтяне говорили «ехать вниз по реке», а если на юг, то наоборот — «вверх по реке». Когда они в эпоху походов XVIII династии (около 1500 г. до нашей эры) достигли Евфрата, они были чрезвычайно потрясены видом реки, текущей не на север, а на юг, и назвали ее рекой, по которой плывущий по течению плыл против течения.

Нил при впадении в море разбивается на сеть рукавов и образует треугольник — дельту (греческая буква, напоминающая формой треугольник). Нил благодаря тому, что ему приходится преодолевать на своем долгом пути большие препятствия, разливается не столь

раскопаны главнейшие из ассирийских городов (Ниневия, Ассур и др.), города Сумира (Ниппур, Ур и Лагаш), города Аккада (в северной части Вавилонии) — Вавилон и Киш, города Элама (Сузы). Здесь был найден между прочим свод законов Хаммураби и т. д.

Во всех этих городах были найдены богатейшие материалы — целые библиотеки, архивы, документы хозяйственной отчетности и др.

Весь этот вавилоно-ассирийский материал дал возможность приступить в XX в. к дешифровке хеттских клинописных памятников, которые были найдены в Богаскеой — деревне, расположенной сравнительно недалеко от Анкары — столицы современной Турции.

Дешифровщиком хеттской клинописи является чешский ученый Грозный. Работа его была более легкой, чем его предшественников — Шампольона, Гротенфенда и др.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Египет представляет собой крайнюю северо-восточную область Африки, непосредственно примыкающую к странам Ближнего Востока. Название Египет по главному своему городу. «Египет», соответствующий греческому «Αἴγυπτος», восходит к древнему названию Мемфиса «Хикапта», что значит «дворец духа Пта».

Так же как и Вавилония, Египет представляет ирригационную область. В противоположность Вавилонии он орошается не двумя, а одной рекой — Нилом (по древне-египетски Нил назывался «Хапи»). Нил берет свое начало в Центральной Африке. Один из его истоков, так называемый Белый Нил, вытекает из больших центрально-африканских озер, а другой исток — Голубой Нил — берет свое начало в горах Абиссинии. С гор Абиссинии Голубой Нил приносит с собой минеральные вещества, а Белый Нил из больших озер приносит с собой растительные вещества. При слиянии рек смешение этих минеральных и растительных веществ дает знаменитый нильский ил, который является хорошим удобрением и дает возможность Египту быть чрезвычайно плодородной страной.

Нил является одной из самых длинных рек мира. Течение Белого Нила, который является его основным истоком, равно 6000 км. На своем длинном пути Нилу приходится преодолевать большие препятствия в виде каменных гряд, и при преодолении их река образует пороги, — знаменитые катаракты. Когда Нил достигает Элефантины (это греческий перевод старого египетского названия острова — «Слоновый остров»), он преодолевает здесь последний порог и дальше уже течет спокойно по направлению к северу. Для египтян река Нил была долгое время единственной известной рекой. Поэтому они часто называли ее просто «рекой». Говоря о плавании по направлению к северу, египтяне говорили «ехать вниз по реке», а если на юг, то наоборот — «вверх по реке». Когда они в эпоху походов XVIII династии (около 1500 г. до нашей эры) достигли Евфрата, они были чрезвычайно потрясены видом реки, текущей не на север, а на юг, и называли ее рекой, по которой плывущий по течению плыл против течения.

Нил при впадении в море разбивается на сеть рукавов и образует треугольник — дельту (греческая буква, напоминающая формой треугольник). Нил благодаря тому, что ему приходится преодолевать на своем долгом пути большие препятствия, разливается не столь

бурно, как Тигр. Поэтому регулирование его гораздо легче, нежели регулирование Тигра.

Это — первое существенное отличие условий долины Нила от условий долины Тигра и Евфрата.

Другое отличие сводится к тому, что долина Нила значительно более богата сырьем. Здесь имелись не только рыба, тростник и глина, но здесь также имелось в большом количестве растение, которое мы называем «папирусом» (это название по-семитски означает «подарок реки»). Египтяне готовили из него бумагу, а из побегов обильную и дешевую пищу. Пищу им давали и другие болотные растения.

Жизнь в Египте была чрезвычайно дешевой. Эта дешевизна поражала приезжавших сюда иностранцев уже в античное время. Так, греческий историк Диодор говорит, что в то время в Египте вырастить ребенка стоило меньше 10 руб. золотом. Это место приводит и Маркс в «Капитале».

«Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя. Так, уже Диодор замечает относительно древних египтян: «Совершенно невероятно, как мало труда и издержек стоит им воспитание их детей. Они варят для них первую попавшуюся простую пищу; дают им также есть нижнюю часть папируса, которую можно зажарить на огне, кроме того корни и стебли болотных растений частью в сыром виде, частью варенные или жареные. Большинство детей ходят без обуви и без платья, так как воздух очень мягкий. Поэтому вырастить ребенка стоит родителям в общем не более 20 драхм [менее 20 марок. — К.]. Этим главным образом объясняется многочисленность населения в Египте, давшая возможность воздвигнуть столь много грандиозных сооружений»¹.

Горные цепи, которые окружали долины Египта и суживали ее до нескольких десятков верст, изобиловали различными каменными породами, начиная от известняка и кончая гранитом и кремнем. Кроме того в долине наряду с пальмами росли и другие деревья, как например акация; из них можно было готовить простые деревянные орудия, которые иногда требовались. В соседних областях, населенных слабыми варварскими племенами, имелись необходимые металлы. Так, Нубия на юге изобиловала золотом (слово «Нубия» значит «страна золота»), а на востоке Синайский полуостров, являвшийся как бы мостом между Египтом и Азией, давал медь. Таким образом Египет располагал тем техническим сырьем, которое требовалось в ранний период его истории. Для получения сырья поэтому не требовалось обмена, как это имело место в Вавилонии.

Конечно Египет в тот период, когда еще труд человеческий не

изменил долины Нила, не представлял собой богатой житницы, каким представлялся Египет в последующее время евреям. Египет в ту отдаленную эпоху и до прихода туда населения представлял бесплодную болотистую равнину.

Нил при своих разливах приносил только опасность и лихорадку. В болотистых зарослях долины водилось чрезвычайно много хищников, начиная от львов и кончая гиппопотами и крокодилами. Если сюда добавить еще различные породы ядовитых змей, то можно представить, сколь опасной тогда была жизнь населения. Поэтому надо полагать, что первые поселенцы сюда пришли не добровольно, а благодаря натиску более сильных соседей. Попав сюда, эти племена нашли здесь некоторую защиту от врагов. На севере расположились ливийские племена, которые живут и поныне на севере Африки, называясь берберами. Юг стали населять племена хамитические, родственные современным сомалийцам, и т. д. Эти хамитические племена, населявшие юг Египта, говорили на языке, перешедшем из стадии хамитической в стадию семитическую.

Организация всех этих племен была первоначально родоплеменной, и она постепенно, через разложение родового строя, перерастала в раннее классовое общество. При этом перерастание это примерно шло тем же путем, что и в Вавилонии. Первая стадия сводилась к тому, что эти племена из охотничьих превращались в племена, живущие рыболовством, и вследствие этого начинают преобладать некоторая оседлость: эта оседлость и рыбный промысел содействовали разложению родовой организации; большую роль начинают играть отдельные семьи.

Значительное обилие пищи, занятие рыболовством дали отдельным семьям возможность применять и рабскую силу.

Плодородие болотной земли уже рано стимулировало обращение к занятию болотным земледелием. Этим земледелием, для которого требовались самые примитивные орудия (мотыга), занимались женщины, что благоприятствовало развитию матриархата.

Стадию матриархата Египет, надо думать, переживал долго, вплоть до исторических времен. Стадия матриархата оставила поэтому в египетском обществе значительные следы: дети например называются не столько по отчеству, сколько по материнству. В браке женщина имела те же права, что и мужчина. Она называется «владычицей дома». Она может так же свободно получать развод, как и мужчина. В учениях говорилось о почитании матери, но не о почитании отца. Родство со стороны матери — брат матери, отец — пользуется наибольшим почетом. Все эти черты указывают на то, что матриархат в Египте когда-то был весьма сильно развит.

В условиях болотного земледелия возможно также и скотоводство. Раскопки свидетельствуют о том, что очень рано в долине Нила мы имеем наличие ряда домашних животных — как крупного скота, так и мелкого, причем породы их — туземно-африканские, но не азиатские.

Дальнейшее разложение родовых общин в Египте было задержано очевидно благодаря тем же условиям, что и в Вавилонии, а именно вследствие стремления расширять область, удобную для земледелия,

¹ «Капитал», изд. 8-е, т. I, стр. 398.

Болотистое земледелие может рано перерасти в ирригационное хозяйство путем системы осушки болотистой земли. Но эти работы по осушке могут быть произведены конечно не силами отдельных родовых общин, а только при объединении ряда таких общин в одну большую территориальную общину, соответствующую городским общинам в Вавилонии. Мы называем их греческим словом «ном». По-египетски они назывались «сепе» и писались характерным иероглифом.

Этот иероглиф изображает территорию, прорезанную каналами, между которыми находятся возделываемые поля.

Население этих номов объединялось в целях создания единого большого государственного хозяйства или путем договора или путем завоевания. Группировались эти номы, точно так же как и в Вавилонии, вокруг крупных населенных пунктов с центральным святилищем бога, которому номинально принадлежала вся эта область. Таких номов Египет имел около 40 — по 20 примерно на юге и на севере. Самыми главными из них были следующие (начиная с юга): на крайнем юге Элефантина с городом Сигхай. Здесь производилась торговля между Египтом и нубийскими племенами. В номе почитался бог **Собек**, изображавшийся в виде крокодила. Несколько к северу от этого пункта был город Элькаб, где почиталась богиня в виде коршуна, называемая Элькаб. Далее к северу, там, где Нил приближается к берегу Красного моря, находился знаменитый город Фивы, который играл чрезвычайно крупную роль во всей истории Египта. Здесь почитался бог Аман. К северо-востоку находится город **Коптас**, где почитался бог плодородия Мин. К северу от этого города находится город Абидос, — здесь почитался знаменитый бог **Озирис**, бог «умирающий и воскресающий», и его сестра-жена Изиды. Севернее мы имеем город Ермóполь, где почитался бог Тот — бог письма, мудрости. Он олицетворялся или в виде ибиса или в виде обезьяны. Далее, несколько к югу от того пункта, где Нил разветвляется на рукава, находится город Мемфис, игравший большую роль в истории Египта. Почитался здесь бог Птах. Несколько к северо-востоку находился город Илиполь, где почитался бог солнца Ра. Сравнительно недалеко от Мемфиса, к западу от самой долины, находился оазис, который назывался «озером» (Файум). Здесь почитался бог в виде крокодила и назывался, как и на юге, Собек. Наконец из номов дельты Нила заслуживает внимания (на востоке) Бубастис, где почиталась богиня любви в виде кошки — того домашнего животного, которое в глубокой древности было приручено в Египте. Она называлась Баст. На западе дельты находился город Саис, — здесь почиталась богиня Нейт, которую греки сопоставляли со своей богиней Афиной.

Свободное население номов представляло собой более или менее однородную массу. Если и были имущественные различия, то они во всяком случае не шли столь далеко, чтобы одна часть населения за счет другой имела право получать прибавочный продукт. Ту ренту, которую вносили жители правителю нома, они вносили ему как своему представителю. Классовое угнетение имело место по отношению

к рабам. Больше количество последних находилось в коллективном владении и использовалось, точно так же как и в Вавилонии, на ирригационных работах. Свободные же общинники занимались земледелием уже на основе созданной рабским трудом ирригационной сети. Вся земля орошаемая Нилом, находилась в коллективном владении общин, и только в тех местах, где требовалось искусственное земледелие (орошение), — на так называемых «высоких полях», — начало понемногу развиваться в незначительной степени частное землевладение.

Но для того чтобы окончательно регулировать реку, требовалось объединение Нила на всем его протяжении или хотя бы до его разветвления. Таким образом сравнительно рано происходит объединение всего Египта, начиная с Элефантины и примерно до Мемфиса. Север благодаря тому, что он не представлял собой единой речной системы, объединился несколько позднее. Между обеими частями — южной и северной — намечается некоторое разделение в хозяйстве: южная часть, где сравнительно мало оставалось места для лугов, использовалась главным образом для земледелия, северная же — на своих обширных лугах сохраняет до самых последних времен богатые возможности для скотоводства. Мы знаем, что египтяне юга гнали свой скот на север. Эта необходимость объединения скотоводства севера с земледелием юга очевидно и стимулировала окончательное объединение Египта.

Борьба за объединение Египта, несмотря на то, что она была выгодна обеим сторонам, велась с большой ожесточенностью, причем нападающей стороной был юг, цари которого имели своей резиденцией город Абидос.

До нас дошел ряд памятников, который повествует нам об этой борьбе за объединение Египта. Он рассказывает нам кровопролитную историю этой борьбы, протекавшей около 3500 года до н. э.

Наконец после ряда лет Египет объединяется, и город Мемфис преобладает в цитадель юга по отношению к северу. Но этим борьба за объединение еще не закончилась. Мы знаем о ряде восстаний северных племен против южан, которые были подавлены с чрезвычайной жестокостью: памятники говорят о десятках тысяч убитых и пленных.

В конце концов объединение установилось около 3000 г. и было ознаменовано тем, что столица Египта из Абидоса была перенесена в Мемфис, который раньше был лишь крепостью южан против северян. Но память о том, что Египет представляет собой объединение северной и южной частей, сохранилась во все последующие времена в титулатуре египетских царей. Царь является царем юга и севера Египта и в качестве такового он имеет особые титулы и разные короны. Это разделение Египта сохранилось и в государственном аппарате: юг и север имели свои учреждения и своих чиновников.

Производительные силы Египта благодаря этому объединению растут. Объединенные силы севера и юга, используя коллективный труд рабов, создают грандиозную ирригационную сеть, которая отводит болота далеко даже на севере.

Земледельческая техника тоже растет и улучшается: уже пашут на волах, а земли предвительно обрабатываются мотыгами и молот-

ками. Сеют ячмень, эммер, пшеницу, обрабатывают лен, который играет большую роль. Зато шерсть в Египте не употреблялась, несмотря на то, что овецводство было широко распространено.

Ремесла также процветают. В эту эпоху имеются уже гончары, кузнецы, деревообделочники, кожевники и т. д. Ремесла, требовавшие высокого качества ремесленного труда, велись ремесленниками-кустарями (людьми свободными). Ткачество, где можно было применить и труд рабов, было уже тогда организовано в больших мастерских, в царских и храмовых хозяйствах.

Торговля играла сравнительно небольшую роль в хозяйстве страны, ибо все то, что требовалось для данного этапа развития производительных сил, добывалось без обмена или в самой стране или же в Нубии и на Синайском полуострове путем грабежа мелких варварских племен.

На основе этих производительных сил создались следующие производственные отношения. Основное классовое деление было здесь, как и в древнем Сумере, — свободные и рабы. Рабы были большей частью коллективные, содержались в рабочих домах при храмах и управлялись представителями номовых общин. Они использовались как для работ данного нома, так и для работ всего Египта по повелению царя.

Среди свободного населения выделяется старая родовая знать, гордая тем, что ее предки были созданы богами нома! Часть из коллективных рабов была им выделена в личное владение.

Все прочие общинники в эту эпоху имеют свои земельные наделы, которые ими получены от царя. Из них рекрутируются как воины, так и жрецы и ремесленники.

Кроме коллективных рабов имелось и некоторое количество индивидуальных рабов, попавших в руки того или иного общинника во время мелких войн с соседними мелкими варварскими племенами.

Вся земля Египта, как было сказано, номинально принадлежала богам отдельных номов и управлялась представителем номовых общин.

Часть этой земли была предоставлена общинникам, которые за это вносили ренту-налог через правителей номов царю, часть предоставлялась для культа богов и заупокойного культа царя и родовой знати и обрабатывалась сообща общинниками и рабами храмов и родовой знати.

Частное землевладение начинает развиваться сначала на полях, требующих искусственного орошения, путем поливки земли из колодцев. Здесь работа производилась или самими землевладельцами или их рабами.

На основе этих производственных отношений вырастает в качестве политической надстройки мощная деспотия. Царь — представитель объединенных номовых общин — обладает чрезвычайной полнотой власти. Он руководит сложным ирригационным хозяйством, от которого зависит благосостояние почти двухмиллионного народа. Создание ирригационной сети, поддержание ее, очищение каналов, укрепление дамб, создание закромов, держание в повиновении масс рабов, контроль за тем, чтобы отдельные номы исполняли свои обязанности, — вся эта многогранность царских функций обуславливала широту власти царя, ставшего деспотом в полном смысле этого слова; на царя смотрели как на

бога. Единственно, чем его отличали от богов, это тем, что его называли «благим богом» в отличие от остальных богов, называвшихся «великими богами». В храме он изображался равного роста с богами, он как бы общается с ними, он — вскормленник богов. Имеется изображение, как мать богов кормит царя своей грудью.

Царь окружал себя придворным штатом; родовую знать он вырывал из ее номов и сажал вокруг себя в своей столице Мемфисе.

Цари, как и боги, требуют высших почестей, и все общинники, начиная от родовой знати и кончая радовыми, в буквальном смысле слова пресмыкаются перед ними.

Управлять большим государством без большого аппарата царь не мог, и, точно так же как в Вавилонии, сложное ирригационное хозяйство создает мощный бюрократический аппарат, основную силу которого составляют писцы, являвшиеся руководителями всех работ.

Главным помощником царя, который мог его замещать, был сановник, которого мы называем арабским словом «визирь» (по-египетски «тсати»). Он являлся начальником столицы и наряду с этим уже тогда наверное помогал царю руководить сложным ирригационным хозяйством.

Помогал он царю и в ведении внешней политики, сводившейся главным образом к грабительским экспедициям, которые были направлены против слабых варварских племен, окружавших долину Нила. Мы знаем об экспедициях на юг против нубийских племен, откуда царь вывел 200 000 голов скота и 7 000 пленных. Другие экспедиции были направлены против ливийцев, которые тоже дают добычу скотом и пленными. Бесчисленными были и мелкие экспедиции против семитических племен на востоке Египта. Повествуется даже и о большом походе против них, давшем Египту множество пленных.

Уже эта эпоха знает и морские экспедиции, направленные в сторону финикийского побережья. Экспедиции носили военный характер и имели своей целью добычу — наряду с пленными — меди, серебра и того дерева, которое давало возможность строить большие корабли, — кедра.

Мы имеем указания и на то, что в эту эпоху Египет начинает заводить сношения с островом Критом. Но все эти сношения велись царем в общегипетском масштабе, и потому говорить о сколько-нибудь развитой торговле в настоящем смысле слова не приходится. Торговля внутри Египта, судя по материалам, была еще чисто меновой.

Перейдем теперь к идеологической надстройке.

Нужно сказать, что в Египте основная идеологическая надстройка — религия — выросла на почве чрезвычайно примитивного общества. Номовые территориальные общины не знали внутри себя еще резкого классового деления. Они были классовыми по отношению к рабам, которые в основном были иноплеменниками. Поэтому сохраняется тотемизм доклассового общества. Культ животных играет в Египте гораздо большую роль, чем в Вавилонии; можно сказать, что в Египте не было ни одного животного, которое не почиталось бы в качестве бога, начиная от льва и кончая мышью.

Точно так же как и в Вавилонии, по мере развития произво-

дательных сил боги начинают приобретать функции покровителей земледелия. В противоположность Вавилонии, в Египте боги не принимают столь ярко выраженного астрального характера. Однако и в египетских текстах мы находим достаточно указаний на отождествление богов с созвездиями.

Политическая надстройка также воздействовала на религию. Подобно Мардуку, главному богу Вавилона, выдвигался на первый план Птах — главный бог Мемфиса, после того как этот город становится столицей Египта.

Чрезвычайную роль играет в Египте миф «об умирающем и воскресающем боге». Миф «об умирающем и воскресающем боге» Озирисе играл тем более важную роль, что он стал основой пышного заупокойного культа, в противовес Вавилонии, где миф о Таммузе почти не был связан с заупокойным культом. Египтяне, стоявшие на более низкой ступени общественного развития, верили в то, что боги умирают как люди, но точно так же люди воскресают как боги. Создается вера в то, что человек после смерти будет жить при полном воскресеении своей плоти. Эта вера создает пышный заупокойный культ, который не знает равного себе в мире. Создаются гробницы для родовой знати (из «вечного камня»). Зарождается мумификация, ибо тот человек, который будет жить, должен иметь сохраненное тело. Этот культ с течением времени распространяется на все население. Первоначально он был ограничен царем, его семьей и старой родовой знатью. В особенности пышным, как это само собой разумеется, был культ царя. В эпоху наивысшего расцвета мощи царской власти, при царях Хеопсе и Хефрене (около 2800 лет до нашей эры) были воздвигнуты для защиты гроба усопшего царя громадные пирамиды, состоящие сплошь из камня. Стороны их квадратной основы равнялись около четверти километра, а высота была равна 130 сажням. Древность причисляла их к семи чудесам мира, и любопытно, что из этих семи чудес сохранились в более или менее первоначальном виде одни лишь пирамиды. Эти колоссальные постройки конечно напрягли в сильнейшей степени силы страны. Тысячи рабов и сотни свободного населения отрывались от своих работ над ирригационной сетью и были брошены на постройку пирамид. После Хеопса и Хефрена царская власть начинает хиреть, и в Египте появляются признаки децентрализации.

Причины распада единого централизованного Египта

Единый централизованный Египет (эпохи строителей пирамид) распадается снова (около 2400 г.) на ряд самостоятельных по отношению друг к другу номовых общин.

Причины распада этого общества сводятся в основном к следующему.

Интересы отдельных номов и интересы общеегипетского ирригационного хозяйства очень часто не совпадали. Отдельные номы были не всегда заинтересованы в дальнейшем объединении номов всего Египта. Они были удовлетворены созданной центральной государственной ат-

стью ирригационной системой, превратившей главную часть естественно орошаемой долины в пригодную для земледелия площадь. Поэтому они начинают тяготиться деспотической властью фараона, выполнившего то, что требовалось от него, но продолжавшего требовать от них того же напряжения их сил, что и раньше. Силы рабских команд ному продолжали требоваться для ирригационных работ, а также для строительных работ царя. Для этих работ, правда в меньшем количестве, но все же привлекалось и свободное население номов. В особенности тяжелыми были конечно работы по созданию таких колоссальных сооружений, каковыми являлись пирамиды. В течение многих лет отрывались силы рабов и свободного населения номов от тех работ, в которых были заинтересованы сами номы. Не во всех войнах, которые вел фараон как представитель всего Египта, были заинтересованы в равной степени все номы.

Вскоре после эпохи царей — строителей пирамид мы видим стихийное стремление отдельных номов получить от царя такие грамоты, которые освобождали бы их от выполнения общеегипетских работ. До нас дошел ряд таких грамот, которые освобождали храмы номов, т. е. коллективные владения номов, от работ, требующихся для хозяйства в общегосударственном масштабе.

Наиболее яркими документами этого рода являются декреты в пользу центрального святилища Коптосского ному. В этих декретах царь освобождает жрецов и служащих этого храма, а также рабов от царских работ. В первую очередь они освобождались от работ ирригационных, от переноски строительного материала и вообще от строительных работ. Рабы Коптосского храма, а также его служащие должны были работать исключительно только в интересах «бога» храма, т. е. для ному, для управления коллективным имуществом ному.

Из этих декретов в пользу Коптосского храма мы узнаем, что таких декретов, освобождающих храмы номов от общегосударственных работ, было издано большое количество. Это приводит к постепенному разложению общегосударственного хозяйства. Таким образом основная экономическая связь, объединявшая отдельные номы Египта в отдельные храмы, в одно целое, постепенно была сведена на нет, и номы снова стали самостоятельными. Представители новой знати по мере ослабления царской власти возвращаются снова в свои области и становятся в них самостоятельными царьками.

Но эта самостоятельность номов приводит к бесчисленным войнам между отдельными областями. Из современных надписей мы узнаем о грабительских войнах одних номов против других. Во время этих набегов уводились люди, скот и грабилось все остальное имущество.

Эти постоянные войны приводят к регрессу производительных сил и в конце концов к захирению мощной ирригационной сети, которая была создана единым Египтом.

Из нескольких надписей номархов Ермопольского ному, т. е. ному центрального Египта, где долина Нила является чрезвычайно узкой (несколько десятков верст), мы узнаем, что во время вторжения врагов жители этого ному находили защиту в болотах своей области. Это пока-

зывает, что ирригационная система была парализована, поскольку даже в этой узкой долине могли образоваться болота.

Такой регресс производительных сил должен был чрезвычайно болезненно отозваться на рядовых земледельцах нома и должен был вызвать среди них естественное стремление к новому большому объединению. Это усугублялось еще и тем обстоятельством, что в эту эпоху благодаря заболочиванию более низменной части долины начали использоваться в большой мере для скотоводства, а затем и для земледелия высокие поля, недоступные естественному орошению. На эти поля с большим трудом приносится влага с низменности. Эту работу на высоких полях выполняли или сами земледельцы или же их рабы.

Здесь, в пределах этих высоких полей уже в эпоху древнего царства начало создаваться наследственное землевладение. Теперь появляется некоторый слой землевладельцев, которые обрабатывали землю с помощью рабов. Для такого мелкого землевладельца и рабовладельца, как это уже указал известный римский писатель Варрон, требовались ремесла города, чтобы удовлетворить его потребности в продуктах кустарной промышленности. Своими силами он не мог их произвести. Варрон говорит, что у крупного рабовладельца могли быть созданы разные отрасли ремесел для обслуживания своего хозяйства, а мелкому это было невыгодно. Поэтому все необходимое он покупал в ближайшем городе.

Таким образом личное (конечно только мелкое) рабовладение создаст большую емкость для сбыта продуктов ремесленников. А это также стимулировало объединение Египта, так как лишь при этом условии мог иметь место беспрепятственный обмен между отдельными номами. Вместе с тем мелкие землевладельцы на высоких полях в такой же степени, как и землевладельцы в долине, были заинтересованы в создании мощной ирригационной системы, ибо лишь только в таком случае высокие поля можно было орошать более или менее регулярно. Орошение высоких полей требовало большого обилия влаги, а этого можно было достигнуть лишь при установлении углубленных каналов, при углублении больших бассейнов, задерживавших излишки воды во время разлива, из которых можно было брать влагу во время засухи.

Все это — в первую очередь создание единой ирригационной системы, во вторую очередь интересы городского ремесла — требовало для номовых общин нового объединения Египта, объединения в интересах более высокого развития производительных сил.

Объединение шло, как и в эпоху Древнего царства, с юга и из той же области около большого изгиба Нила, где имеется сравнительно широкая долина. Городом, ставшим во главе объединительного движения, был город Фивы, расположенный в южной части этой области. Фиванские номархи (правители номов) в упорной борьбе с противодействующими силами создают единый Египет в интересах рядовых общинников и мелких рабовладельцев.

В лице XII династии (цари Аменемхеты и Сесострисы) господство Фив достигает наивысшего развития. Эта эпоха в отличие от так называемого Древнего царства носит название Среднего царства.

Обратимся к производственным отношениям этой эпохи.

И в этот период основными классами были рабозладельцы, т. е. по существу свободные представители номовых общин, и рабы, которые и теперь еще в большей своей массе являются коллективными, находясь во владении царя и используются для ирригационных работ. Часть этих коллективных царских рабов предоставляется в наследственное владение старой родовой знати. Наряду со старой родовой знатью теперь получают некоторое количество коллективных рабов и рядовые общинники. Это именно те, которые являются воинами. Рабами воины владели лишь пожизненно, в наследство их они передавать не могли. Но и наследственных рабов могли иметь воины и прочие общинники: они их добывали себе путем военной добычи или покупки. Таких наследственных рабов в Египте было много. Мы находим их часто в домашних хозяйствах рядовых общинников.

Что же касается разделения общинников по профессиям, то мы находим среди них воинов, жрецов, земледельцев и ремесленников (различных специальностей). Из этой же среды свободных рядовых общинников рекрутировались и жрецы. О характере этих отношений можно судить по следующему документу.

Наставление

«Начало наставлений... Дуау, сына Ахтоя, своему сыну Пиопи, когда он плыл на юг ко двору, чтобы отдать его в дом учения писанию, чтобы не остаться ему позади сыновей знати, которые при дворе. Он сказал ему: «Я видел побой. Обрати сердце свое к книгам. Я наблюдал свободного от работ. Право, нет ничего выше книг. Как в воде, плавай в книгах, — ты найдешь в них наставление: «если писец находится при дворе, он не будет в нем нищим, но насытится». Я не знаю другой должности, которая могла бы дать повод к подобному изречению, поэтому внушаю тебе любить книги как родную мать и излагаю перед тобой все преимущества (знающих их). Он выше всех других должностей: нет на земле ничего выше их».

«Я не видал кузнеца посланником и ювелира посланным, но видел кузнеца за работой у печи. Его пальцы были подобны крокодиловой коже, он издавал запах хуже, чем гнилая икра. Каждый ремесленник, работающий резцом, утомляется больше земледельца. Его поле — дерево, его орудие — металл. А ночью разве он свободен? Он работает больше, чем могут сделать его руки, поэтому ночью он зажигает огонь... У земледельца вечное платье. Его здоровье — как человека лежащего подо льдом... Едва он вернулся домой, как опять ему надо ухаживать... Ткач в мастерской слабее женщины. Его ноги на животе, он слабее женщины, он не вдыхает воздуха. Если он не доделает днем положенного, его бьют как лгав в болоте. Он дает хлеб сторожам, чтобы увидеть свет... Курьер, отправляясь за границу, делает завешивание в пользу детей, из боязни львов и азиатков... Когда он уходит, кирпич у него за поясом...»

«Это я делаю, плывя на юг ко двору, из любви к тебе. Ползнее для тебя один день в школе, чем вечность...»

«Ты будешь посылать многих, если будешь слушать слова старших... Нет писца, лишенного пропитания от достояния царского дома. Богиня рождения дает обилие писцу, его ставит во главе суда. Благодарят бога его отец и мать, он направлен на путь жизни. И вот я обращаю на это внимание твое и детей твоих». (Папирус Саиды Британского музея.)¹

¹ Тураев Б. А. и Бороздин И. Н., Древний мир, Восток, стр. 25.

Таким образом мы видим, что писец выходит из той же социальной среды, которая может быть подвергнута побоям. В дальнейшем в поучении перечисляется еще ряд ремесленников, которые находятся в столь же печальном положении, как и те, которые перечислены в процитированном нами отрывке. Несмотря на это, из той же среды рекрутировались писцы. Мы имеем текст, советующий юноше стать писцом, а не жрецом, ибо только один писец является погонщиком, а все остальные ослиами. Из среды рядовых общинников рекрутировались воины; процент рекрутов для армии был невелик (около 2%). Все прочие рядовые общинники представляли собою милицию, которая использовалась по мере надобности.

Государственная власть, создавшаяся на почве обрисованных выше производственных отношений, обслуживала интересы свободного населения номов. Бросаются большие силы на создание ирригационной сети, проводятся большие каналы и водоемы в Южном и Северном Египте. На севере проводятся грандиозные осушительные работы. В целях осушения и расширения плодородной почвы намечаются работы по осушке Файумской болотистой области. Путем постройки больших дамб у озера отводятся несколько десятков гектаров земли.

Колоссальные работы заполнили собою всю эпоху Среднего царства. Фараоны XII династии контролировали в общегосударственном масштабе ирригационное земледелие Египта. Для прокормления густого населения Египта требовались большой запас зерна, сложная сеть закромов. Руководство этой работой, своевременное привлечение свободных и ряд других моментов гигантского централизованного хозяйства требовали сложного государственного аппарата. Во главе его в качестве помощника царя продолжал стоять, как и в эпоху Древнего царства, визирь. Теперь эта должность благодаря грандиозным задачам, которые были поставлены перед государственным аппаратом, приобрела колоссальное значение. О многогранности функций визиря дает представление надпись, содержащая инструкцию, данную царем визирю:

Инструкция Визирю

«Визирь, слушая в своей зале, при всяком акте должен сидеть на сиденье. На полу должен быть ковер, за спиной его подушка, подушка — под ногами, в руках палка, сорок кожаных свитков (свод законов) развернуты перед ним. Вельможи юга стоят пред ним по обе стороны, начальник кабинета — справа, докладчик — слева, секретари — рядом... все на своих местах. Каждый должен быть выслушан по-очередности... Когда кто-либо скажет: «нет никого передо мной», то он должен быть представлен курьером визирю. Визирю должно быть доложено и о закрытии места в такой-то час и об открытии его. Ему докладывается и о крепостях юга и севера. Ему докладывается и обо всем выходящем из царского дома, и обо всем входящем туда, ибо все входит и выходит через его курьера. Ему докладывают о своей деятельности столоначальники. Затем он должен идти на совет к царю... Он должен войти к фараону раньше главного казначея, который должен ожидать у северного фасада. Затем главный казначей встречает его и докладывает: «все твои дела в порядке и благополучны. Все во дворе благополучно. Ответственные лица доложили мне о закрытии и открытии присутственных мест в назначенное время». Когда оба сановника доложат друг другу, визирь посылает открыть все двери царского дома, чтобы все могли

входить и выходить с ведома его курьера, который должен распоряжаться, чтобы все это было записано... Когда к нему обращается проситель по поводу земельных отношений, он должен послать к нему курьера, сверх слушания дела у поземельного инспектора уездного совета. Он должен постановить решение в два месяца для земли севера или юга, но для земли близ столицы и двора — в четыре дня согласно закону; он должен выслушивать каждого просителя согласно закону, который у него на руках. Он призывает местных чиновников и рассылает их. Они докладывают ему относительно своих участков. К нему поступает каждое завешание, и он прикладывает к нему печать. Он заведывает во всех областях участками земли. Когда какой-либо проситель скажет: «наша граница не установлена», следует расследовать, что находится под печатью чиновника, и взять то, что взял местный совет, нарушивший границу. Всякая просьба должна быть изложена письменно. Не дозволяется просить устно. Всякое прошение на имя царя должно быть подано визирю. Визирь отправляет каждого курьера из дома царя к комендантам и сельским старшинам. Они должны докладывать ему обо всем, что случилось в первый день каждого четырехмесячного периода. Они должны представлять ему вместе со своим поместным советом письменный доклад. Он набирает войска и заведует царской охраной во время путешествий. Он составляет гарнизон южной столицы и двора согласно распоряжениям царского дома. Заведывающий царским столом и военный совет являются к нему, чтобы получить инструкции об управлении войском. Все чиновники, с первого до последнего, являются в залу визиря, чтобы спросить его совета. Он посылает рубить деревья согласно распоряжению царского дома. Он посылает чиновников заботиться о водоснабжении по всей стране... Ему докладывается обо всем, о состоянии южной крепости и о всяком аресте... Он выслушивает дела, касающиеся всех номов. Он рассылает военных и гражданских чиновников для царской администрации. Документы номов хранятся в его зале. Он выслушивает дела всех земель. Он устанавливает границы полей каждого нoma, храмовые доходы и контракты. Он принимает документы о залогах и выслушивает жалобы. От него исходят все назначения для залы суда... Он составляет списки всех быков... Он наблюдает за каналами в первый день каждой недели (декады). Коменданты, старшины и все люди поставляют ему свои подати. Уездные начальники и столоначальники докладывают ему все тяжбы... Они должны докладывать каждый месяц, чтобы контролировать подати... Он заведует наблюдением выхода Сируса и поднятия Нила. Ему докладывают о высоте Нила... Ему представляют отчет все служащие флота — от высших до низших. Он скрепляет указы. Всякий доклад представляется ему привратником залы». (Надпись в гробнице визиря Рехмара XVIII династии) 1.

Этот текст, записанный в эпоху XVIII династии, но восходящий вероятно к Среднему царству, дает нам представление о сложности обязанностей визиря и о громадной сложности и большом совершенстве всего аппарата. Контроль над всеми земельными отношениями визирь мог проводить лишь при наличии общегипетского кадастра. Уже из самой надписи мы узнаем о большом штате чиновников, помогавших визирю в выполнении его ответственной задачи. И понятно, что управление столь сложным государственным хозяйством требовало многочисленной армии писцов, которые руководили бы работами и в своих актах отмечали бы все необходимые факты из хозяйственной деятельности.

Поскольку в эпоху Среднего царства продолжало оставаться доминирующим коллективное владение рабами, мы можем говорить о том, что продолжает существовать древнеазиатское общество, правда, на более широкой базе. Ирригационная система теперь значительно более совер-

шества, и следовательно развитие производительных сил достигло значительно более высокого уровня.

Такая «застойность» египетского общества не должна нас удивлять. Ведь в Египте не играл большой роли тот момент, который играет столь роковую роль в разложении любого общества, а именно обмен, поскольку Египет для развития своих производительных сил не нуждался в обмене.

Лишь сложное ирригационное хозяйство эпохи Среднего царства уже таило в себе зародыш разложения этого общества. Широкое развитие торговли и обмена довершило разложение. Дело в том, что для грандиозных ирригационных работ у Египта не хватало в достаточном количестве различного рода материала — металла (меди), а произраставшие в Египте породы деревьев не могли дать ему достаточно строевого леса.

Быстрый рост производительных сил вызывает необходимость получения недостающего материала, а это, в свою очередь, создает необходимость обмена. Уже нельзя было путем простых грабительских набегов добывать необходимую медь из Кипра и кедровый лес в Библе. Для получения всего этого требовалось предоставление взамен других хозяйственных ценностей. Таковым явился хлеб, который в Египте был в достаточном количестве.

В целях усиления обмена с Азией Египет стремился теперь к полному покорению северной части Нубии. Последняя превращалась в египетскую провинцию, и из нее и через нее Египет выкачивал в большом количестве такие ценные товары, как рабов, золото, слоновую кость и т. д.

Это сырье из Нубии вместе с египетским зерном давало большие возможности для развития торговли Египта. Хотя эта торговля и велась с помощью царских торговых агентов, однако она начала теперь содействовать разложению номовых общин. Среди родовых общинников начинают кристаллизовываться богатые и бедные общинники. Богатые примыкают к старой родовой знати и нередко в борьбе с ней стремятся достигнуть господствующего положения. Среди же бедных появляются уже и такие, которые оторваны от средств производства. Правда, таких бедняков тогда еще было мало.

Разложение общин имело последствием те социальные движения, которые потрясали Египет в конце Среднего царства. Но говоря о разложении номовых общин, нужно помнить, что и тогда этот процесс не заходит так далеко в Египте, как в Вавилонии, где уже за время династии Акада мы находим наемников среди свободных общинников, а в эпоху III династии Ура даже рабов-должников. Из текста, посвященного нам о социальных движениях (см. ниже), мы узнаем, что большинство свободных землевладельцев имело тогда по крайней мере по 2 головы крупного скота. Ни наемников, ни рабов-должников мы не находим в Египте эпохи Среднего царства.

Социальные отношения Египта этой эпохи можно скорее всего сравнить с теми, которые сложились в Вавилонии во время Урукagina. Все эти политические и социальные сдвиги чувствовались настолько сильно, что они не могли не повлиять на идеологическую надстройку —

религию и литературу: бог Амон — главный бог Фив — стал вместе с тем главным богом всего Египта. Социальные сдвиги находят отклик и в литературных памятниках, которые дошли до нас. Так в нескольких египетских сказках мы находим отклики борьбы между старой родовой знатью и рядовыми общинниками. Мы имеем сказки, составленные лжесудами, симпатизирующими родовой знати, и сказки, составленные авторами, симпатизирующими рядовым общинникам. В поучениях того времени мы находим иной раз указания, что человек не должен зариться на чужое имущество.

Эти социальные сдвиги, разлагая номовую общину, создают условия для зарождения индивидуализма, который находит себе выражение в появлении рассказов от собственного имени. Зарождающийся индивидуализм находит отражение и в скепсисе по отношению к старому мировоззрению и даже к традициям заупокойного культа.

Глубокие сдвиги наблюдаются также и в самой консервативной области — в религии, где наряду с развитием монотеистических тенденций объявляется скептическое отношение к тому, что недавно еще не вызывало никаких сомнений. До нас дошел ряд памятников полурелигиозного, полуфилософского характера, в которых резко ставятся проблемы о смысле жизни, высказываются еретические сомнения в целесообразности заупокойного культа. Выдвигается мысль о том, что жизнь дается только раз, а поэтому нужно пользоваться ею здесь, на земле. В одном из этих памятников говорится:

«Возлагай мирру на голову свою, одевание на тебе да будет из виссона. Будь весел, не дай своему сердцу поникнуть, следуя его влечению и твоему благу. Устрой свои дела на земле согласно велению своего сердца и не сокрушайся, пока не наступит день причитания по тебе. Не слушаешь тот, чье сердце не бьется (Озирис), жалоб, а слезы никого не спасают из гроба. Итак, празднуй, не унывай, ибо нельзя брать своего достояния с собою, и никто из ушедших еще не вернулся»¹.

Борьба между верхушкой общины и рядовыми общинниками, отразившаяся в идеологической надстройке, начинает принимать более открытые формы. Эта борьба находит выражение в разложении государственного аппарата. В храмовом архиве города Кахуна (у входа в Фаюм) мы находим яркие документы, говорящие о чрезвычайной коррупции бюрократического аппарата. Они свидетельствуют об откровенном стремлении к обогащению, не останавливающемуся и перед хищением. Один чиновник должен получить от другого большое количество посуды, и он советует своему товарищу разложить посуду таким образом, чтобы часть посуды могла безнаказанно быть ими присвоена. Чиновник жалуется в своем донесении на то, что не может получить требующуюся для работы рабочую силу или обещанное продовольствие и т. д. Из так называемых «черепков проклятия» мы узнаем, что и в придворной среде начались смуты. Эти черепки являлись обломками тех сосудов, на которых помещались имена врагов царя: азиатов, нубийцев, ливийцев и египтян; затем эти сосуды разбивались. Цель такого разбивания состояла в том, чтобы вместе

¹ С. И. Ковалев, Курс всеобщей истории, т. I, стр. 237—238.

с уничтожением сосудов уничтожить и тех людей, имена которых были написаны на сосудах. Для нас в особенности интересны те черепки, на которых упоминались в качестве врагов египтяне. Тексты обращены сперва против всех египтян, будь то мужчина или евнух или женщина, замысляющих зло против царя, а затем они перечисляют ряд лиц по именам, среди которых имеется даже воспитатель царских детей. Очевидно в придворной среде происходит борьба между старой родовой знатью и разбогатевшей верхушкой общинников. Беднейшая часть свободных пользуется этой борьбой и восстает против того имущественного неравенства, которое раскололо номы на богатую верхушку и беднеющую массу. Бедняки захватывают на некоторое время власть в свои руки, лишая Египет даже царя. К ним присоединяются и рабы. Об этом событии повествует нам известный Лейденский папирус (№ 344—XIV век до нашей эры) — поучение вельможи Ипувера, скорбящего о том, что в Египте бедняки стали господами положения.

Описание бедствий страны

Часть I

«Воистину: лица свирепы... То, что было предсказано, достигает осуществления. Лучшая земля в руках банд. Человек поэтому идет пахать со своим щитом... Кроткие говорят... человек, свирепый лицом, стал человеком со значением... воистину: лица свирепы. Лучник готов, злодей повсюду. Нет нигде человека вчерашнего дня... Грабители повсюду. Раб с похищенным будет находить их... Нил орошает, (но) никто не пашет для него. Каждый человек говорит: «мы не понимаем, что происходит в стране»... Женщины бесплодны, не беременеют. Не творит больше Хнум из-за состояния страны... Престолюдины сделались владельцами драгоценностей. Тот, который не мог изготовить себе (даже) сандалий, стал теперь собственником богатств. Надсмотрщики рабов — сердца их скорбны. Не разделяют вельможи с людьми своими их радости. Сердца людей жестоки, мор по всей стране, кроме повсюду. Не удаляется смерть Пелены (мертвого) еще до приближения к ним. Многие мертвые трупы погребены в потоке (Ниле). Река (превратилась) в гробницу, (а) местом для бальзамировки сделалась река. Благородные — в горе, престолюдины же — в радости. Каждый город говорит: «Да будем бить мы сильных (т. е. знатных). Среди нас. Люди стали подобны птицам, ищущим падаль. Грязь во всей стране. Нет человека, одяние которого было бы белым в то время... Земля перевернулась подобно гончарному кругу. Разбойник (стал) владельцем богатств. (Богач) превратился в грабителя. Сильные сердцем (стали) подобны птицам из-за страха. Неджес скорбит: «Как ужасно (все). Что мне делать?». Поток в крови... (Если) люди пьют из него, они отталкиваются (вкусом) и они жаждут (чистой) воды... Ворота, колонны, простенки сожжены, и одни лишь стены царского дворца стоят сохранившимися... Корабль юга охвачен смутой, города разрушены. Юг превратился в пустыню... Крокодилы и афина-рыбы хватают себе (обильную) пищу... Сами люди идут к ним, ведь это зло — ничто (т. е. смерть). Говорят: не вступай сюда. Смотри: это вода. (Но) вот люди входят в него подобно рыбам. Боязливый не различает из-за страха сердца. Людей стало мало, (а) повергающий брата своего наземь — повсюду. Убегают знающий об этом (без устали). Сын мужа сделался человеком, которого не знают. Сын жены, бывшей госпожей его, стал сыном его рабыни... пустыней стала страна, номы разграблены, варвары извне пришли в Египет. Достигнуто... Нет (больше) нигде египтян. Золото, ладис, лазурь, серебро, малахит, сердолик, камень Ибхет висят на шее рабыни. Благородные женщины скитаются по стране. Владычицы дома говорят: «о, если бы мы имели

что поесть»... Благородные женщины — тела их страдают от лохмотьев, сердца их разрываются, когда они спрашивают о здоровье того, кто их раньше спрашивал о здоровье... Разломлены ящики из эбенового дерева, драгоценное дерево расколото на части... Сожжены фигурки рабочих (из дерева) в них. Строители гробниц стали крестьянами. Те, которые были (уже) в ладу бога, впрягаются в плуг. Не едут (больше) люди на север в Библис сегодня. Что нам делали для получения кедров нашим мумиям, (ведь) в саркофагах из них погребались «чистые» и бывали забальзамированы маслом их (т. е. кедров) вельможи вплоть до Кефтиу. Они не привозят (больше). Израсходованы (изделия) всякой работы. Опустел дворец царя, да будет он жив, здоров и невредим. Как хорош был (прежде) приход жителей оазиса с их курениями для праздничной службы, мешкали из поными... травами... птицами для Элефантина... Тинис... Весь юг не платит подати из-за смуты (гражданской). Отсутствуют зерно, плоды, ирришу, уголь, матчи, ящики... (прочие) плоды, изделия ремесленников, плоды дису, черное масло (кеми) для дворца. Для чего (может служить) казначейство без податей своих... Сердце же царя только тогда радостно, когда к нему приходят приношения. Смотри. Каждая чужеземная страна (говорит): «это наша вода, это наши поля. Что вы можете сделать против этого, (ведь) все склоняется к упадку... Смех забыт. Он нигде не слышен. Все, что слышно в стране, — это стенания, смешанные с воплями... Азиаты (стали) подобны знатным, а египтяне (стали подобны) чужеземцам, выкинутым на дорогу. Волосы выпали у всех. Не различается сын мужа от человека, который не имеет отца... Страдают из-за шума... Не прекращается шум в годы шума. Нет конца шуму. Большие и малые (говорят): «я хочу, чтобы я умер». Маленькие дети говорят: «О, если бы он (т. е. отец) не дал бы мне жизнь»... Дети князей разбиваются о стены. Дети кинуты на высоты. Хнум скорбит от бессилия своего... Те, которые лежали на месте бальзамирования, теперь кинуты они на высоты. Тайны бальзамировщиков раскрыты. Вся Дельта, она (больше) не защищена. То, что дорого стране Севера, находится на путях, открытых удару. Что нам делать, чтобы не было доступа всюду? Пусть скажут: держись вдали от места тайн. (Ибо) смотри: оно в руках не знающих его, как будто бы они знали его. Варвары стали искусны в работах Дельты... Свободные поставлены к работе над ручными мельницами. Те, которые были одеты в тонкое полотно, они избиваются палками. Те, которые не видели (сияния) дня, они выходят беспрепятственно. Те, которые лежали на ложах мужей своих, пусть спят они на баржах... Скажут они: тяжело мне на барже с миррой, то пусть нагрузят их сосудами полными с... Пусть узнают они носилки. Что касается слуг, (то ведь) те больны. А это хорошее лекарство для них, когда из-за них страдают благородные женщины подобно рабыням. То, что поют певички в хорах богине Мерт, — это скорбь, повесть о (муках) над жерновом. Воистину, все рабыни стали владеть устами своими. Если говорят их господа, то это тяжело рабыням. (Существуют) сикоморы, деревья. Я различал его (т. е. собственного) и рабов дома его — скажут люди, когда услышат про это. Отсутствует лишний хлеб для детей: нет пищи для (...). Сегодня. На что похож вкус сегодня? Вельможи голодны и в отчаянии. Слуги обслуживаются. (...) из-за жалоб. Человек ожесточенный говорит: если бы я знал, где бог, я принес бы ему жертву. Воистину: право в стране существует (лишь) по названию своему. Грех — это то, что творят они (т. е. люди), говоря ложь во имя его. Воины бегут к мешкам купца, подобно грабителям. Расхищается все имущество того... Животные все, сердца их плачут. Скот скорбит из-за состояния страны, убийца режет их. Боязливый человек говорит: а (где же он), отравитель врагов наших? Отсутствуют амулеты благополучия из-за... Разве надо преследовать крокодила и разрезать его? Или убивать льва и жарить на огне? Или же жертвовать Птаху похищенное? Что (другое) вы ему дадите? Не обращайтесь к нему. Злое будет то, что вы ему дадите... Рабы (...) по стране. Сильный посылает ко всякому. Человек убивает брата матери своей. Что делать, — говорю я из-за гибели... Дороги (безлюдны), ибо на путях засады. Люди сидят в кустах, пока пройдет ночной путник, чтобы схватить

ношу его. Отбирается все то, что на нем. Его осыпают ударами палки и убивают преступным образом. Погибли те, кто видели вчерашний день. Страна в бессилии своем подобна сжатому льняному полю. Неджес, ты выходишь в отчаянии. Золотых дел мастер... О, если бы пришел конец людям. Не было бы зачатия и не было бы рождения. О, если бы замолчала страна от крика и не было бы смуты... Кушают траву и заливают ее водой. Не находят больше плодов (деревьев) и траву для птиц. Отнимается пойло ото рта свиней. Нет у тебя прекрасных лиц (среди подданных) твоих, ибо они (еще) больше поражены голодом... Зерно гибнет на всех путях. Люди лишены платья, мази и масла. Все говорят: нет ничего. Закром разрушен. Страж его повержен на землю. Это несчастье для сердца моего. Я подавлен совсем. О, если бы я мог дать (услышать) мой голос в этот час. Чтобы он спас меня от того несчастья, в котором я нахожусь. Прекрасная судебная палата, расхищены ее акты, лишены хранилища ее тайн (своего) содержания. Магические формулы стали общеизвестными. Заклинания шем и заклинания сехен стали опасными, ибо они запоминаются (теперь всеми) людьми... Вскрыты архивы. Похищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов... (Чиновники) убиты. Взяты их документы. О, как скрбно мне из-за бедствий этого времени... Писцы по учету урожая, списки их уничтожены. Зерно Египта стало общим достоянием... Свитки законов судебной палаты выброшены. (По ним) ходят на перекрестках. Бедные люди сламывают (с них) печати на улицах... Бедные люди достигли положения Эннеады, (ибо) судопроизводство дома Тридцати лишилось своей замкнутости. Великая судебная палата стала (местом) выхождения и вхождения в нее. Бедные люди выходят и входят в великие дворцы... Дети вельмож выгнаны на улицу. — Человек знающий подтвердит все это, глупец (же) будет отрицать, (ибо) невежде будет казаться прекрасным (все свершающееся) перед ним.

Часть II

Смотрите: огонь поднялся высоко. Пламя его исходит от врагов страны. Свершились дела, которые (казалось) никогда не могли свершиться. Царь захвачен бедными людьми. Погребенный соколом (т. е. царя) лежит он на (простых) носилках. То, что скрывала пирамида, то стало теперь пустым (т. е. гробница царя)... Было приступлено к лишению царской власти страны немногими людьми, не знающими закона. Приступили люди к мятежу против урея (глаза) Ра, умиротворяющего обе земли. Сокровенное страны, границы которой не знали, стало известным. Столица, она разрушена в один час. Египет начал делать (только) возлияния водой. Тот, который лил только воду на землю, он захватил только силу во время бедствия... Столица встревожена недостатками. Все стремятся разжечь гражданскую войну. Нет возможности сопротивляться. Страна, она связана шайками грабителей. (Что касается) сильного человека, то подлый берет его имущество... Червь (глохнет) знатных покойных. Тот, который не мог сделать себе саркофага, он (теперь) стал владельцем гробниц... Владельцы гробниц выкинуты на вершины холмов... Тот, который не мог достать себе (даже) гроба, он стал (владельцем) заупокойного имени. Это свершилось (теперь) с людьми. Тот, который не мог похоронить себе (даже) хижину, он стал (теперь) владельцем дома... Придворные выгнаны из домов царя... Благородные женщины находятся на теду-бар-ках. Вельможи пребывают в закромах. Тот, который не спал рядом со стеной, он стал (теперь) собственником ложа. Владелец богатств проводит ночи (теперь) страдая от жажды. Тот, который выпрашивал осадок (напитков), (теперь) собственник кувшинов, кидаящих наземь... Владельцы роскошных одеяний (теперь) в лохмотьях. Тот, который никогда не ткал для себя, (теперь) владелец тонкого полотна. Тот, который никогда не строил себе даже лодки, (теперь) стал владельцем кораблей. Настоящий же их собственник смотрит на них, но они уже не принадлежат ему... Тот, который не имел тени, стал (теперь) собственником тени. (Бывшие же) собственники тени (охлаждаются только) при дуновении ветра. Тот, который не знал даже лиры, (теперь) стал владельцем арфы. Тот, который даже для себя не пел, он восхваляет (теперь)

богиню Мерт... Собственники поставцов из меди не украшают больше сосудов ни на одном из них. Тот, который спал без жены из-за бедноты, он находит (теперь) благородных женщин. Тот, который не смотрел на него, (теперь) стоит, уважая. Тот, который не имел своего имущества, стал (теперь) владельцем богатств. Вельможи восхваляют его... Простолудины страны стали богатыми. (Собственники) богатств стали неимущими. Руководимые стали собственниками рабов. Тот, который был (сам) посыльным, посылает другого. Тот, который не имел своего хлеба, (стал) собственником закрома. Снабжена его кладовая собственностью другого. Тот, волосы которого выпадали, потому что он не имел собственного масла, (стал) собственником (целых) кувшинов со сладким мирром. Не имевшая даже ящика (с добром) стала владелицей (целого) груза. Та, которая смотрела на свое лицо в воде, (стала) собственницей зеркала... Хорош тот человек, который кушает свой хлеб. Питайся своим имуществом в радости сердца. Не отворачиваясь от него, ибо полезно человеку тянуть свой хлеб. Бог повелевает это тому, кто восхваляет его... Тот, который не (знал) своего бога, тот жертвует ему вскурение другого. Тот, который не знал (...) Благородные женщины великого рода, собственницы драгоценностей, кидают своих детей в качестве наложниц... Человек (знатный) брал себе благородную женщину в качестве жены, и его защищал отец ее. (Теперь же) не имеющий такого (тестя) покидает — убивает его. Дети сановников (теперь) в лохмотьях, скот стада принадлежит грабителям. Мясники режут скот бедняков, ибо скот в руках грабителей. Тот, который ничего для себя не резал, тот режет (теперь) откормленных быков. Тот, который не знал (даже) ящерицы, види(т) (теперь) яства всевозможные. Мясники режут гусей и они (т. е. гуси) жертвуются богам вместо быков. Рыбаки... жертвуют... вещество. Благородные женщины... Благородные женщины бегут. Начальники... повержены страхом смерти. Начальники страны спасаются бегством, они не находят (даже) милостыни из-за скудности. Владелец на(рад) (бедствует). Владельцы ложа сидят на земле. Тот, который проводил ночь в грязи, приготавливает себе кожаное ложе. Благородные женщины голодны. Мясники же сыты тем, что они закололи (для других). Все должности, они не на своих местах подобно испуганному стаду, без своих пастухов. Скот разбегается. Нет никого, который бы собирал его. Каждый приводит себе его, клеймя своим именем. Убивают человека рядом с братом своим. Тот оставляет его, чтобы спасти себя. Тот, который не имел (даже) свою упряжь, стал владельцем стада. Тот, который не мог найти себе быков для распахши, стал собственником большого количества скота. Тот, который не имел своего зерна, стал владельцем амбаров. Тот, который прикупал себе зерно, (теперь) продает его. Тот, который не имел (даже) временных рабов, стал (теперь) собственником наследственных рабов. Тот, который был (вельможей), (теперь) сам исполняет поручения. Сильным (т. е. знатным) не доклады(вается) по(ложение народа). (Все) приходят к гибели. Все ремесленники, они не работают. Похитили враги страны ее ремесла. (Тот, который собрал) жатву, он не получает ее. Тот, который не пахал (для) себя, он получает жатву. Жатва (созревала), об ней не доносят. Писец (сидит в своей канцелярии), руки его бездействуют в ней.

Часть III.

Разрушено: . . . в то время. Человек видит (врага в Ма)джан своем. (Только) слабый приносит облегчение (тому), кто страдает от жары... . . . страх... нет... бедняки... не освещается земля из-за этого Раз(рушено)... . . . (отнимается) пища у них... . . . страх ужаса перед ним. Умоляет Неджес... . . . посыльный. Не... . . . время. Его схватывают нагруженного его имуществом. Отбирают... . . . проходят мимо его ворот... . . . (в) гробницу, стены, помещение комнат с соколом. Вынимаются (мумии)... около . . . (ут)ром. Разве Неджес бодрствует? Земля расцветает над ним. Он не ужасается этого. Проходит мимо голов (спящих), скученных в больших полотнищах в качестве дома. Палатки это то, что они

сооружают подобно жителям пустыни. (Разрушено...) посылание слуг по поручению своих господ. Нет боязни перед ними (т. е. господами). Смотри, вот пятерка. Они говорят. Они говорят: идите (сами) по дороге, которую вы знаете. Мы достигли (своей цели).

Заключение описаний бедствий страны

Плачет северная страна. Закром царя стал достоянием всякого. Весь дом царя остался без своих доходов. Ему же (по праву) принадлежат пшеница, ячмень, птицы и рыбы, ему принадлежат холст, тонкое полотно, медь, масло, ему принадлежат ковры и циновки, цветы, носилки и все прекрасные подати. Он (должен) приходить (к закрому, а именно) производящий. Если бы не было слов разрушения, все это было бы в доме царя, да будет он жив, здоров и невредим. И он не был лишенным всех этих приношений.

Призыв к восстановлению царской власти

Уничтожайте врагов благородной столицы, блестящей придворными... в ней... подобно... Начальник города приходит без своей свиты... Уничтожайте врагов благородной столицы, блестящей... Уничтожайте врагов столицы той благородной с многочисленными законами... Не мог противостоять... Уничтожайте врагов столицы той благородной с многочисленными канцеляриями. (Воистину...)

Призыв к восстановлению религиозного культа

Помните: о совершении возлияний... (вы), страдающие больше, чем тот, который был болен во всех членах своих. Умоляйте... (Моли)тесь богу своему. Защита его уста... дети его свидетельствуют за него, вызывая прошение (в пустыне). Помни(те) о снабжении) закрома (храмов), воскурении фимиамами и возлиянии воды из кувшина (каждое) утро. Помните (о доставлении) жирных гусей — о приношении жертв богам. Помните о жевании благоухающей смолы, приготовлении (белого) хлеба (знатным) мужем и день омовения головы. Помните о воздвижении древков (для храмовых хоругвей), вырезании (надписей) на жертвеннике. (Пусть) жрец очищает храмы. Пусть дворец бога будет выложен камнями (белыми) подобно молоку. (Помните) об услаждении запаха горизонта (т. е. храма), о непрекращении жертвенных яств. Помните о следовании предписаниям (ритуала), соблюдении месячных дней. (Помните) об удержании вступающего в жречество от телесной нечистоты. Совершение таковой — это тяжкий грех. Это — испорченность сердца. (Помните о соблюдении) дня перед вечностью, (соблюдении) месяцев, о разлечении ново)летий (своим) знанием. Помните колоть быков... (согласно) вашим писаниям. Помните о выхождении и но(чью к бо)гу, зовущему вас. (Помните) о жертвовании гусей в огне... (Помните) о предписании (жертвовать) кружку (вина) и о возлиянии на берегу реки... женщины... а деяния о воздавании восхвалений... чтобы умиротворить вас... нужда людей.

Выражение веры в благодать общеегипетского бога Ра

Приходи... (сила) Ра, приказанья... восхваляя. Он (приходит с) запада, чтобы уничтожить... людей богами. Смотрите, он стре(мит)ся (пост)роить... зачем. Смотрите (он) не различает боязливого от дерзкого сердцем. Он приносит прохладу страдающему от жары. Говорят, он пастух для всякого. Нет зла в его сердце. Если уменьшится его стадо, то он проводит день, чтобы собрать его, (хотя) и огонь был бы в сердце их.

Выражение скорби о допущении богом первичного греха в людях

О, если бы он исправил их сущность в первом их поколении. Да, он разбил бы тех, кто протянул бы руку против него. Он уничтожил бы семя

и потомство его. (Люди же) желали родить для него (т. е. для греха) и произошло несчастье. Нуждающиеся на всех путях. Вот что произошло.

Изобличение царя, наместника бога на земле, в бездействии, лжи и ненависти

Оно (несчастье) не наступило бы, если бы боги среди них (т. е. людей). (Тогда) выросло бы потомство у жен мужей, и не находили бы (его) по дороге. Боец выходил бы уничтожать злых, которых они произвели. Но не было руководителя в их час. Где же он (даже) сегодня? Разве он спит? Смотрите, не видна была (до сих пор) его сила. Когда мы погибали, я не находил тебя (очевидно царя). Меня боги не звали напрасно. Это больший грех, чем испорченность сердца. Изречения страха (теперь) на устах у всех. Сегодняшний день — страх перед ним среди людей больший, чем перед миллионами людей (мужей). Не видит (царь никого, кроме) врагов... (Подходит) смута к гарему его, вступает в храм... (плачет он) перед... То, что привело к смуте, это слова его (т. е. царя) (более, чем) палка (насилыника)... сожжены статуи, погибли их гробницы. Захвачены... Он видит день... какого-либо. Тот, который ничего злого не сделал между небом и землей, он боится всякого. Что он сделал? Чего достигли мы? Он (человек) выступает против того, что ты не хочешь уничтожить. Разум, познания и правда с тобою. А смуту вместе с шумом междоусобия ты рассылаешь по стране. Смотри, одни севе(р)и(и) насилье над другими. (Люди) идут против твоих повелений. Если вершали насилье над другими. (Люди) идут против твоих повелений. Если идут по дороге, то находят только 2. Больше число убивает меньше. Разве существует пастырь, желающий смерти (стада своего)? О, если ты приказал дать ответ на этот вопрос. Потому что любящий — это один человек, ненав(и)дящий же — другой. Гибнут жизни их на всех путях. Ты делал (все), чтобы вызвать это. Ты говорил ложь. Страна стала ядовитой травой, уничтожающей людей. О, если бы не погребались люди живыми. Все эти годы (стали годами) смуты. Убивают (знатного) мужа на кровле его дворца. Он сам (должен) бодрствовать в своем сторожевом домике. Если он храбр, он спасает себя. Он живет. Отнимается дом у неджеса (гражданина). Он бежит по дороге, пока не увидит разлива (воды). Дорога у него отрезана. Он — в отчаянии. Отнимают у него то, что на нем. Избивают его ударами палки. Убивается он теми (т. е. грабителями). О, если бы ты испробовал (хоть) немного несчастья, то тогда бы ты сказал...

Описание будущего благополучия страны

Но это будет хорошо, когда баржи будут ехать вверх по реке... Никто не будет грабить их. Это будет хорошо, когда будет выкинута сеть и будут ловиться птицы (для) откармливания. Когда будут восстановлены должности для себя, дороги сделаются проходимыми (— это будет хорошо). Но это будет хорошо, когда руки людей будут строить пирамиды, будут копать пруды, будут создаваться сады из сикомор для богов. Но это будет хорошо, когда люди будут напиваться, когда они будут пить напиток «нит» и сердца их будут радостными. Но это будет хорошо, (когда) радость будет на устах (людей), (когда) знать будет стоять и наблюдать за радостью в своих домах. Она одета в тонкое одеяние, чиста лицом и укреплена сердцем. Но это будет хорошо, (когда) ложа будут приготовлены, подушки вельмож (будут) сложены в сохранности, (когда) желание каждого человека будет исполнено, в виде ложа в жи(з)ни, когда будет закрыта дверь за тем, который спал в кустах. Но это будет хорошо, (когда) тонкое полотно будет разостлано и одеяния на земле.

Описание будущей боевой мощи страны

...Случай грабежа... подобно азиатам... для него. Люди (сами) замышляют свои планы (спасения). Они исполняют их для себя. (Ибо) не нашелся тот, который стоял над защитой их... Сражается каждый за свою сестру. Он защищает себя. А негры. О, если бы мы сами защищали себя. Умножайте (число)

бойцов, чтобы отразить лучников. (А) ливийцы, о, если бы мы повернули их обратно. Маджаи хорошо с Египтом. Разве кто-либо убивает своего брата? Молодежь, которую мы рекрутировали для себя, стала, подобно лучникам, склонной к разрушениям. Вследствие этого случилось, что дадут знать беднякам о состоянии страны. Все варвары наполнятся боязнью перед ней. То, что слышали люди, не даст Египту превратиться в пустыню. Сила его ограничивает (врагов). Сказано вам после лет... (раз)рушая себя самого. Остатки дают жизнь домам своим... чтобы дать жизнь детям их (т. е. страны).

Заключение речей Ипувера

Так говорит Ипувер владыке вселенной. (Перевод В. Струве).

Эта борьба зажиточной верхушки и рядовых общинников закончилась временным ослаблением свободного Египта. Она приводит даже к тому, что часть иноплеменных рабов достигает положения, при котором они становятся свободными.

Если данные социальные движения не привели к созданию нового способа производства, то все же победа массы беднеющих свободных расширила социальную базу египетского общества. Есть даже глухое указание на то, что зерно Египта стало общим достоянием, т. е. очевидно земля Египта была заново разделена между беднейшим населением номов. Временным ослаблением воспользовалось семитическое племя гиксосов, которые, захватив Египет, жестоко расправились как со знатым и зажиточным, так и с беднейшим населением. Гиксосы спирались на иноземных рабов Египта. Они же ввели впервые в долину Египта лошадь, которой было суждено сыграть крупную роль в военном отношении. Таким образом Египет на полтора столетия (1710—1560 гг. до нашей эры) становится жертвой иноземного завоевания.

Новое царство. Падение Египетского государства

Гиксосы, завоевав Египет, образовали крупное государственное объединение. Владели они также и Сирией. Есть указания, что они имели владения и на острове Крите.

Владычество их было, по поздней традиции (Манефон), чрезвычайно жестоким. Долго оно однако продолжаться не могло, ибо в Египте разложение номовых общин не зашло так далеко как в Вавилонии. Поэтому было возможно примирение зажиточной верхушки и рядовых общинников перед лицом внешней опасности. Оно было тем более возможным, что восстание народных масс в конце Среднего царства закончилось по существу их победой и потерей зажиточной верхушкой своего господствующего положения.

Война с гиксосами началась на юге под руководством того же города Фивы, который играл такую роль уже в эпоху Среднего царства. Номарх Фив пытается объединить вокруг себя все прочие номы Южного Египта и, опираясь на их силы, ведет борьбу с азиатскими завоевателями.

Борьба эта нашла отклики в современных памятниках и литературе. На основании этих источников видно, что борьба с азиатскими завоевателями была чрезвычайно трудной, так как гиксосы, потеряв юг, со-

средоточили силы на севере, откуда их выбить было весьма нелегко.

Начало войны юга Египта, объединенного Фивами, с гиксосами на севере было изложено в легендарной форме в одном из папирусов XIX династии:

«Случилось, когда земля египетская была под властью проклятых и не было владыки-царя, но царь Секеннира был правителем в граде юга — в Фивах, а проклятые города азиатов имели князем Апопи в Аварисе. Приносила ему вся страна все свои произведения. Царь Апопи избрал своим богом Сутеха и не кланялся никакому другому богу египетскому. Он выстроил ему храм прекрасной работы и вставал ежедневно, чтобы приносить жертвы... вельможи присутствовали при этом с гирляндами, как это делалось в храме Ра-Хармахиса... Далее рассказывается, что, посоветовавшись с приближенными, Апопи отправляет в Фивы посольство, требуя, чтобы Секеннира прогнал гиппопотамов, шум которых слышен на севере и мешает Апопи спать. Не получив ответа, Апопи посылает вторичное посольство, обещая в случае успеха принять культ бога Амона-Ра. Секеннира в затруднении, — его советники не могут ему ничего сказать «ни дурного, ни хорошего». Апопи посылает третье посольство¹.

Папирус на этом обрывается. Но сохранившаяся мумия царя Секеннира свидетельствует о том, что он пал на поле битвы. Голова его носит следы ран, нанесенных гиксосским оружием. Преемники его продолжают борьбу.

За время этой войны, продолжавшейся несколько десятков лет, египтяне стали народом с мощной военной организацией. В конце концов (около 1550 г.) царю Яхмосу (Амазису) удается изгнать гиксосов из пределов Египта, и на границе Египта и Азии падает последний оплот гиксосов. Не довольствуясь однако этой победой, египтяне переносят оружие в пределы Сирии, завоевывают Южную Палестину и кладут основы для создания большого государства от Нубии до Малой Азии. Победа народных масс в конце Среднего царства положила на некоторое время предел эксплуатации более бедных слоев египетского общества, и поэтому усилилась эксплуатация окружающих иноплеменных обществ. Об этой борьбе с гиксосами повествует нам автобиография его тезки — начальника боевого корабля Яхмоса.

«Начальник матросов Яхмос, сын Ибаны, говорит:

«Я говорю Вам, все люди, я сообщаю Вам об отличиях, полученных мною. Я был награжден золотом семь раз перед лицом всей земли, а также рабами и рабынями. Я наделен был весьма многочисленными полями. Имя храброго в своих деяниях не погибнет на земле сей вовек».

Он говорит: «...Я возрос в городе Нехебе. Отец мой был офицером царя Секеннира, Баба, сын Раниты — имя его. Я стал вместо него офицером на корабле «Бык» во дни царя обеих земель Нехнехи-Ра. Я был тогда мальчиком и не был женат. Потом я обзавелся домом. Тогда я был переведен в северный флот за храбрость. Я следовал за моим государем пешком, когда он проезжал на своей колеснице. Осаждали город Аварис. Я был храбр в пешем бою перед лицом его величества. Перевели меня на корабль «Коронованный» в Мемфисе. Сражались при воде Паджедку у Авариса. Я бился врукопашную и взял (как трофей) руку. Доложили его величеству. Дали мне золото храбрости. Еще раз было сражение в этом месте. Еще раз я бился там врукопашную. Взял я руку. Дали мне золото храбрости еще раз. Было

¹ Тураев Б. А., История древнего Востока, ч. I, стр. 263.

сражение в Египте, к югу от этого города. Я взял в плен одного. Я спустился к воде, и вот он был взят в плен по дороге к городу, а я плыл с ним по воде. Доложили царскому докладчику. Наградили меня золотом сугубо. Взяли Аварис. Я взял там добычу — одного мужчину и трех женщин, итого четыре головы. Его величество отдал мне их в рабы.

Осаждали Шарухен 6 лет. Его величество взял этот город. Я взял там добычу — двух женщин и одну руку. Дали мне золото храбрости и отдали мне пленных в рабы.

После того как его величество истребил азиатов Ментиу, он поплыл вверх в Нубию, чтобы уничтожить троглодитов. Его величество сделал из них огромную гору трупов. И я взял там добычу — двух живых людей и три руки. Наградили меня золотом сугубо и дали двух рабынь. Когда его величество плыл на север, сердце его радовалось храбрости в победе — он покорил и южан и северян.

Явился с юга враг. Приблизились судьба и смерть его. Боги юга овладели им. Его величество застиг его при воде Тент-Та-А. Его величество взял его в плен, людей его — как легкую добычу. Я взял двух стрелков в плен с корабля врага. Дали мне пять голов и пять мер поля у моего города. Всему экипажу было сделано подобное же.

Явился тот поверженный. Тети-Ан имя его. Он собрал себе трусов бунтовщиков. Его величество умертвил его и его слуг до небытия. Дали мне три головы и три меры поля у моего города.

Я вез царя Джесеркара, когда он плыл вверх в Куш, чтобы расширить границы Египта... Я был во главе нашего войска, я сражался сверх возможного, видел его величество мою храбрость. Я взял две руки, принес к его величеству. Преследовали его людей и скот. Я взял пленных и представил его величеству в два дня в Египет. Я был награжден золотом. Увел я двух рабынь в плен в добавление к тем, которых я представил его величеству. Назначили меня «Воином царя».

Я вез царя Охеперкара вверх по Нилу в Нубию, чтобы отомстить за грабежи на горах, чтобы отразить набеги на холмах. Я был храбр перед ним на Дурной воде (т. е. порог Нилас) при проходе(?) кораблей (?) по изгибу. Назначили меня начальником матросов...

Его величество стал гневен, как пантера. Он бросил свое лучшее копье, которое застряло в теле этого поверженного. Эти (бунтовщики) обессилели перед его пламенным уреем, были в час разрушения. Уведены подданные их в плен. Его величество поплыл на север. Все страны — в руке его. Презренный нубийский князь повешен вниз головой спереди корабля его величества. Причалили к Карнаку.

После этого был поход против Сирии, чтобы омыть свое сердце на горах Азии. Прибыл его величество в Нахарину, нашел его величество этого поверженного. Он повелел разрушение. Его величество сделал из них большую гору трупов. Нет числа пленным, увезенным его величеством своей победой. Я был во главе наших войск, видел его величество мою храбрость. Я отбил колесницу и ее коней и представил его величеству. Наградили меня золотом сугубо.

Я состарился и достиг преклонного возраста. Награды мои были, как и в начале их... Я успокоился в гробнице, которую устроил сам.

(Надпись в гробнице Яхмоса в Эль-Кабе)¹.

Среди царей, особенно расширивших пределы Египта, следует отметить Тутмоса III (1520—1470 гг. до н. э.), совершившего несколько десятков походов на север и юг и превратившего Сирию и Нубию в египетские провинции, которые были обязаны платить своим завоевателям подати металлами, продуктами художественного ремесла, скотом, рабами и т. д. Роль Тутмоса III как завоевателя и победителя всех

окружающих Египет стран и народов в особенности ярко выступает в речи к царю, которая влагается в уста Амона — главного бога Фив и Египта:

Речь Амона-Ра, владыки Фив

«Ты пришел ко мне, ты лжешь, созерцая мою красоту, мой сын, мой отмститель, Менхеперра, вечно живущий. Я сияю ради любви к тебе, мое сердце радуется твоему прекрасному пришествию к моему храму. Мои руки обнимают тебя... Я дал тебе силу и победу над всеми странами. Мои руки странни твою славу повсюду, страх перед тобой до четырех столпов неба... Я связал для тебя нубийцев десятками тысяч, азиатов — сотнями тысяч и поверг твоих врагов под твои сандалии... Земля в длину и в ширину, на запад и восток подвластна тебе... Ты прошел воду великого изгиба Месопотамии с победой и силой. Я дал им услышать твой крик, и они скрылись в пещеры, и я лишил их ноздри дыхания жизни. Я посеял страх перед твоим величеством в их сердца. Змея твоей короны сокрушает их, берет в плен жителей Коди, пожирает обитателей болот своим пламенем. Сняты головы азиатов, от них никого не осталось, повергнуты дети князей их. Я дал твоим победам пройти все страны... Я сделал бессильными вторгающихся, — сердца их горят, а члены трясются. Я явился и дал тебе поразить князей финикийских, я поверг их под ноги тебе на высотах их. Я дал им видеть тебя как владыку сияния, ты осветил лица их, подобно моему образу. Я пришел к тебе и дал тебе покорить азиатов и дал им видеть тебя во всеоружии, когда ты хватаешь оружие на военной колеснице. Я пришел и дал покорить тебе восток. Ты поправ обитателей земли божественной (востока). Я дал им видеть твою величество подобным звезде, предвещающей бурю, когда она пускает пламя и дождь. Я пришел и дал покорить тебе запад. Кефтиу и Кипр в страхе: я дал им увидеть твою величество подобным юному телцу, твердому сердцем, крепкому рогами и неприступному. Я пришел и дал покорить тебе обитателей болот. Митани трепещет от ужаса: я дал им увидеть твою величество подобным крокодилу, виновнику ужаса в воде, к которому опасно приближаться. Я пришел и дал тебе поразить обитателей островов, живущих при Средиземном море под впечатлением твоего рычания. Я дал им увидеть твою величество как отмстителя. Я поставил тебя царем, возлюбленный мой сын, Гор, могучий телец, сияющий в Фивах, рожденный мною, Тутмос, вечно».

(Надпись в Карнаке)¹.

Подати, вносимые чужеземцами Египту, обогащали однако только богатую верхушку номов и усиливали процесс разложения внутри общин. Последний был обусловлен еще и тем, что богатые люди были организованы теперь в отряды колесничих, а рядовые свободные в пехоту. Поскольку сражения решались главным образом колесничими, то и львиную долю добычи получали последние. Рядовые же крестьяне, из которых рекрутировалась пехота, мало выигрывали от побед Египта. В одном поучении того времени, рисующем тяжелое положение крестьянина, указывается на то, что крестьянин для пахоты должен был получить от государственных чиновников рабочий скот. Этому объединению способствует нарастание торговли, которая, будучи незначительной в предшествующие эпохи, когда Египет мог довольствоваться своим сырьем, теперь начинает приобретать крупное значение.

Один литературный текст того времени свидетельствует о некотором значении торговли внутри Египта:

¹ Тураев Б. А. и Бороздин И. Н., Древний мир, Восток, стр. 14—15

¹ Тураев Б. А. и Бороздин И. Н., Древний мир, Восток, стр. 22—24.

«Купцы едут вверх и вниз по реке,
Пробывая в тяжелом труде,
Чтобы привезти товары одного города в другой,
Снабжая того, кто нуждается,
Но мытари берут золотого
И все их ценное».

Из этих слов мы видим, что купцы являются, как и в Вавилонии, торговыми агентами. Но конечно и торговые агенты могут обогащаться, и наличие их указывает на рост обмена внутри Египта. Это приводит к тому, что при общем росте торговли и ростовщичества происходит резкая дифференциация населения и большая часть населения беднеет. В конечном итоге в эпоху XVIII династии в пределах Египта — почти мирового государства — создались следующие производственные отношения.

Наряду с коллективным рабством (царским, храмовым) появляются в большом количестве индивидуальные рабы, которые добывались общинниками в войнах в виде военнопленных. В дальнейшем индивидуальное рабство продолжает развиваться. Все свободное население делится (по профессии) на воинов и жрецов. Очевидно тут имеется уже и слой жрецов-профессионалов. Термин же «воины» обнимал собою не только профессионалов-воинов, но и ремесленников и земледельцев (конечно свободных), которые в случае надобности призывались в армию.

Растущий обмен приводит к сильному расслоению свободных. Мы имеем от этой эпохи первые тексты, свидетельствующие о действии ростовщического капитала.

На базе сложившихся в эпоху XVIII династии производственных отношений проводится религиозная «Тель-амарнская реформа», сущность которой сводится к следующему.

Давно было замечено, что на памятниках с именем царя Эхнатона вместо обычных богов Египта изображался только солнечный диск, испускающий лучи, оканчивающиеся руками, дающими царю символ жизни. Таким образом, оказывается, что богом является только солнечный диск. Нижеприводимый текст подтверждает это.

Гимн Атону

«Прекрасен восход твой, о Атон живущий, владыка веков. Ты лучезарен, прекрасен, могуч. Любовь твоя велика и возвышенна, лучи твои озаряют все человечество. Ты сияешь, чтобы оживить сердца, ты наполняешь обе земли своей любовью. Бог священный, создавший себя сам, сотворивший все страны и все, что в них, всех людей, стада, коз, деревья, произрастающие на земле. Они живут, когда ты светишь им. Ты — мать и отец для тех, глаза которых ты сотворил. Когда ты светишь, они видят благодаря тебе. Ты озаряешь всю землю. Все сердца ликуют при виде тебя, когда тыходишь, как их владыка.

Но когда ты заходишь на западном горизонте неба, они ложатся неподобие мертвых. Их головы закутаны, и носы залегли, пока ты не засияешь утром на восточном горизонте неба. Тогда и они простирают свои руки, величая дух твой. Ты подаешь жизнь сердцам своею красотою, которая и есть жизнь. Когда ты посылаешь свои лучи, все страны ликуют. Певцы, музыканты радуются на дворе Хатбензена и во всяком храме Иахетатона, прекрасного места, удобного тебе, в котором приносятся тучные жертвы.

Твой сын чист, совершая угодное тебе, о Атон, живущий в своих праздничных шествиях. Все, созданное тобою, скачет перед лицом твоим. Твой священный сын ликует, его сердце радуется, о Атон, живущий, ликующий в небе каждый день.

Сын Ссянца, возносящий его красоту, гозорит: «Я твой сын, полезный тебе, возносящий твое имя. Твоя сила и могущество запечатлены в моем сердце. Ты — живущий Атси, твоя часть — вечность. Ты создал далекое небо, чтобы светить с него и созерцать все, что ты соговорил. Ты един, но в тебе миллионы жизней, чтобы оживить их. Видеть твои лучи — это получить дыхание жизни» (Из гробницы Телль-Амарне)¹.

Для определения социальной базы этого движения нужно считаться с тем фактом, что опорой Эхнатона являются рядовые общинники, стремившиеся к усилению царской власти. Сам же царь считает царем Атона и окружает его имя царским кольцом. Летоисчисление ведется также от времени царствования Атона, но не Эхнатона. Следовательно Атон выставляется не только богом, но и царем Египта. Мы сталкиваемся здесь со своеобразной религиозной концепцией, устанавливающей полное отождествление царя и бога. Возникновение ее было обусловлено усилением деспотической власти царей, предшественников Эхнатона, требовавшейся перманентной военной обстановкой. Царь-реформатор, променявший в угоду богу Атону свое старое имя «Аменхотпа» («Амон доволен») на «Эхнатон» («полезный Атону»), стал уничтожать культ древних богов номов. Тем самым он подрывал значение знати номов, игравшей роль в качестве верховного жречества богов своих областей. Поэтому знать боролась с религиозными реформами царя. Ее поддерживала зажиточная верхушка, организованная в отряды колесничих. Царь же находил до известной степени союзников в массе рядовых свободных, организованных в пехоту. Таким образом религиозные реформы знаменовали один из эпизодов борьбы между обеими прослойками господствующего класса Египта.

Эхнатон (1419—1400 гг.) на шестом году своего царствования переселяется в город Телль-Амарну, который в результате ряда его мероприятий превращается в благоустроенную столицу государства. Эхнатон стремился к полноте власти, но ему противодействовала знать и зажиточная верхушка, из среды которой рекрутировался столь важный род войск, как колесничие. Рядовые же свободные, служившие в качестве пехоты, хотя отчасти и поддерживали царя, но были в сильной степени смущены уничтожением древней номовой религии. Ведь каждый египтянин чувствовал себя в первую очередь гражданином нома, а лишь затем гражданином Египта.

Эта борьба между обеими прослойками населения весьма болезненно отражается на мощи Египта. Если господствующий класс имел достаточно сил для того, чтобы держать в повиновении массы рабов внутри Египта, то, раздираемый внутренней борьбой, он не имел возможности удержать в подчинении азиатские провинции, которые начинают отпадать, тем более что силы последних увеличиваются союзом хеттов и евреев. Это приводит к тому, что раздираемый внутренними

¹ Тураев Б. А. и Бородин И. Н. Древний мир, Восток, стр. 4-6.

противоречивый Вавилон теряет провинции одну за другой и не может защитить оставшиеся от нашествия врага.

Благодаря такому тяжелому положению перед лицом внешней опасности во время царствования Тутанхамона эта борьба временно ослабевает. Столица снова переносится в Фивы, и восстанавливается старый культ.

К тому времени нарастает опасность со стороны хеттов. Хеттское государство — в основном рабовладельческое общество — в противовес Вавилонии и Египту являлось не деспотией, но ярко выраженной ограниченной монархией. До нас дошли законы царя об учреждении государственного совета, состоящего из родственников царя и сановников (военных, гражданских) и высших жрецов, причем царь должен был собирать совет в мирное и военное время через каждые два дня. Царь не имел права казнить члена своего совета без согласия остальных и даже в случае казни не имел права на имущество казненного.

Говорили хетты на языке, некоторые слова которого родственны соответствующим словам италийских языков. Держа в подчинении всю Малую Азию, опираясь на еврейские племена, хетты расширяли свои владения. С хеттами не могли справиться Тутанхамон и его ближайшие преемники. Лишь тогда, когда на престол вступил царь Египта Рамзес II (1300 г.), долголетняя борьба решилась в пользу Египта. Это и понятно, так как разложение в Египте не зашло еще так далеко, как в хеттском обществе, где верхушка свободных захватила всю власть в свои руки.

Обогащение в войнах способствовало более резкому процессу разложения внутри египетского общества. К этому времени греческие племена приводят в движение народы Эгейского моря, которые обрушиваются на восточное Средиземноморье, вследствие чего в Египте появляются полчища ливийцев. Сын Рамзеса II отражает их в кровопролитной битве.

При преемниках его происходят смуты и вспыхивают восстания рабов, заставляющие свободное население Египта объединиться на борьбу с ними. Но Египет был уже не в силах вернуть бывшего господства, социальная база его сильно сузилась. Египет окончательно теряет свои азиатские владения. Номы благодаря этому начинают тяготиться обязанностями общеегипетского масштаба. Они стремятся снова добиться льгот для себя, и царь щедрою рукою раздает грамоты, освобождающие население номов — как свободных, так и рабов — от всех повинностей по отношению к общеегипетскому хозяйству. Страна беднеет и разоряется. Наряду с этим усиливаются элементы ростовщического капитала. Около 1000 г. до нашей эры появляются вновь ливийцы (ранее оттесненные сыном Рамзеса и его преемниками), и Египет попадает под их владычество.

ДРЕВНИЙ ВАВИЛОН

Вавилония находится в южной части области, расположенной между течением двух рек — Тигра с востока и Евфрата с запада. Эти реки берут свое начало в высоких горах Армении. Истоки их находятся недалеко друг от друга. Дальнейшее течение рек расходится: Тигр стремится прямо на юго-восток, пробегая сравнительно короткий путь в 900 километров, а Евфрат сначала течет к юго-западу, как бы стремясь к Средиземному морю, но не доходя до него километров 180, резко поворачивает также на юго-восток.

Таким образом Евфрат своими верховьями сближает Месопотамию со средиземноморскими странами. В наше время эти реки, впадая в Персидский залив, образуют одно устье, но раньше они впадали независимо друг от друга в море. С верховьев Армении реки несут с собою ил, который является богатейшим удобрением долины. Течение Евфрата в два раза длиннее течения Тигра, и благодаря этому оно не столь бурно и не причиняет столько бедствий во время наводнений. Реки наполняются водой в весеннее время, когда снега и ледники начинают таять в горах. Тигр в весеннее время несет бурные потоки воды, которые, вторгаясь в долину, причиняют огромные бедствия населению. Особенно опасно это было для общества с низким уровнем развития производительных сил. Когда реки заливали долину, поля превращались в болота, и без устройства ирригационных сооружений они становились непригодными для возделывания. Поэтому требовалось много труда для устройства каналов, дамб и других сооружений. После того как наводнение заканчивалось, наступала сухая, засушливая погода, и почва, обильно впитавшая в себя влагу, засыхала, растительность погибала, долина превращалась в безжизненную пустыню. Поэтому каналы, во-первых, служили как бы рукавами, отводящими разливы рек в более далекие части долины, и тем самым спасали страну от разрушительного действия воды, во-вторых, вода в каналах могла задерживаться, что способствовало равномерному отложению ила по долине, плаванию по каналам, которое приносило большие выгоды населению и наконец в засушливое время давало возможность каналам питать влагой поля.

При ирригации поля Вавилонии давали баснословно большие урожаи — сам-сорок, сам-пятьдесят. Недаром Вавилония казалась евреям садом божьим. Но этим «садом божьим» Вавилония стала лишь тогда, когда труд человека стал изменять природу этой речной долины. До этого реки Евфрат и Тигр приносили с собою не плодородие и благополучие, а гибель для находившегося здесь населения. Разливы рек превращали

долину в болото, в котором лишь в некоторых более возвышенных местах могло ютиться немногочисленное население.

В этой долине имелись в большом количестве лишь тростник и глина, да еще рыба в реках. Поэтому надо думать, что первоначальное население — мелкие сумерийские племена попали сюда не добровольно, а были загнаны сюда более сильными своими соседями, спасаясь от которых они отступили в топи низменности между Тигром и Евфратом. Зато, попав в эту болотистую равнину, они нашли здесь защиту от внешних врагов и сравнительно обильную пищу, которую давало рыболовство, сохранившее свое значение в Вавилонии в последующие периоды.

Эти сумерийские племенные общины, занявшиеся рыболовством, уже рано могли использовать в некотором количестве и рабский труд. Племена, живущие рыболовством, по характеру своего занятия могут в большей степени использовать рабский труд, чем охотники, так как рыболовство дает возможность заниматься производством меньшим группам людей (отдельными семьями) и дает больше пищи нежели охота. Рыболовство сохранило свое большое значение в Вавилонии и в ту эпоху, когда здесь уже сложилось классовое общество. Наряду с рыболовством начинает рано появляться и примитивное болотное земледелие. Плодородная болотная земля дает на более высоких местах и при самой примитивной технике (простая деревянная копалка) хорошие урожаи. Болотным земледелием были заняты женщины. Эта роль женщины в хозяйстве объясняет следы матриархата в более поздние эпохи Сумира. В условиях примитивного болотного земледелия возникли зачатки скотоводства, упоминание о котором мы находим уже в самых ранних памятниках Сумира. Стремление расширить плодородную почву приводит рано к расширению системы рвов, каналов в целях осушения. Для этих осушительных работ можно было применять рабский труд еще в большей мере.

Рост производительных сил начал приводить к разложению племенных, родовых общин.

Отсутствие в самой долине необходимого сырья даже для примитивной техники (камень, дерево, металл) приводит рано к обмену как путем даров, так и путем грабежа. Обмен в свою очередь продолжает разлагать родовую общину, появляются более богатые и менее богатые элементы в пределах отдельной общины. Появляются более богатые и бедные общины. Это создает стимул к военным столкновениям как с общинами внутри долины, так и вне долины. Войны дают рабов, необходимых для рыбной ловли и для расширения ирригационных сооружений. Но расширение ирригационной системы на известном этапе должно было привести к новым объединениям общин, но уже на более широкой базе. Стремление расширить плодородную землю и тем самым увеличить количество хлеба, необходимого для личного воспроизводства, а также и для прокормления рабов и скота, действительно требовало создания ирригационной системы на большом пространстве, ибо только в таком случае можно было по-настоящему регулировать разливы рек. Эта работа конечно не была под силу отдельным семьям и

даже отдельным родовым общинам. Ее могла выполнять лишь большая территориальная община.

✓ Отдельные родовые общины, находящиеся уже в стадии разложения, снова объединяются в еще большее целое, образуя территориальные общины путем договора или завоевания. Они группировались вокруг больших населенных пунктов с храмами богов, покровителей отдельных родовых общин, вошедших в состав территориальных общин на классовой основе. Таким образом в Вавилонии сложился ряд подобных территориальных общин.

Храмовые земли, скот и рабы находились в коллективном управлении этих общин.

Представитель общины, который назывался или Патеси (слово, не поддающееся пока переводу) или Луталь (большой человек), пользовался абсолютной полнотой власти, делавшей его деспотом. Это объяснялось тем, что он руководил общиной не только в борьбе с внешними врагами, но и в тяжелой непрерывной борьбе с природой.

Наряду с рабами и землями, которые находились в коллективном владении общины, было некоторое количество земли и рабов, которые находились в индивидуальном владении отдельных общинников или отдельных их групп. Это объяснялось тем, что территориальная община сложилась из уже разложившихся родовых общин. Таких территориальных общин мы в древнем Сумире знаем несколько десятков. Наиболее важные из них были на берегу моря: Эриду с главным богом Эа (бог воды). Несколько более к северу на берегу Евфрата мы находим город Ур: здесь главным богом был Син (бог луны). Несколько к северо-западу от Ура был город Урук. В нем почитались бог Ану (бог неба) и богиня Иштар (богиня любви и плодородия). Между Тигром и Евфратом — город Лагаш с главным богом Нингирсу — одной из разновидностей бога Ниниба (бога войны).

К северу от Лагаша находился его враг — город Умма с богом Шара (тоже бог войны). На севере Сумира находился город Ниппур — центральное святилище Сумира. Здесь почитался главный бог сумерийцев — бог земли Энлиль, которого вавилонские семиты называли Бел (господь). Сюда пригонялись со всего Сумира сотнями крупный скот и десятки тысяч мелкого скота, для того чтобы быть пожертвованными на алтарях Ниппурского храма.

В северной части Вавилонии, т. е. там, где обе реки наиболее близко сходятся друг с другом, образуя как бы перешеек, рано поселились семитические племена. Развитие их в территориальные классовые общины произошло несколько позже, нежели образование сумерийских территориальных общин, но примерно тем же путем. Здесь главными территориальными общинами были город Вавилон, где почитался бог Мардук, ставший потом царем богов, и город Сиппар-Аккад, где почитался бог солнца — бог Шамаш.

Хотя эти территориальные общины и были этапом в формировании классов, но они являлись уже безусловно классовыми по отношению к рабам, которыми они владели коллективно.

Территориальные общины могли стать застойными при том условии,

если обмен там не играл большой роли. При интенсивности обмена территориальные общины конечно должны были разлагаться, и имущественное неравенство, имевшееся уже налицо в эпоху разложения родовых общин, усиливалось.

В Вавилонии, где, как мы уже говорили, не имелось необходимого технического сырья, и с ростом производительных сил должен был расти и обмен, который превращается теперь наряду с обменом дарами и грабительскими экспедициями в настоящий обмен. Уже очень рано появляется металл как мерило обмена. Главным товаром, который вывозился шумерийскими общинами, было зерно. Этот обмен создавал особую профессию так называемых дамкаров — торговых агентов территориальных общин. Они наряду с делами общины вели свои собственные дела. Привозимое сырье — дерево, камень, металл — создавало возможность организации ремесленной промышленности. В особенности процветала текстильная ремесленная промышленность. В храмовых ткацких мастерских с ранних пор появляется много рабынь-ткачих. Стала развиваться и металлургия, обрабатывающая привозное сырье.

Главным металлом была медь. Сравнительно рано появляется бронза. Расцвет торговли и ремесла приводит к тому, что земля начинает становиться товаром. Уже в древних текстах около 3200 г. до нашей эры мы находим акты о покупке земли и рабов. Богатства отдельных городских общин и возможность обмена приводят к войнам между отдельными общинами. Из памятников мы узнаем об ожесточенных войнах между городом Лагашем и его соседом Уммой. Война ведется ради земли, так как за хлеб с полей можно было получить рабов, техническое сырье и т. д. Древнейший архив, найденный в Лагаше, а именно архив храма богини Бау (жены бога Нингирсу), сохранивший нам несколько тысяч глиняных табличек хозяйственной отчетности, дает возможность судить о том, что происходило около 2300 г. до нашей эры в городе Лагаше. В этом городе, имевшем вместе со своей областью, согласно свидетельству одного памятника, около 36 000 жителей, начинает выделяться зажиточная верхушка в лице жрецов отдельных храмов. Она пытается захватить в свои руки коллективное владение общины: храмовые угодья, земли, скот и рабов. Она же пытается получить ренту индивидуальных наделов общинников уже не в качестве представителей общины. Число более бедных представителей общины, получавших довольствие с владений, находящихся в коллективном пользовании, она пытается ограничить. Так в эпоху, предшествующую царствованию Урукagina, который был представителем более бедной части общины, число общинников, получавших довольствие в храме Бау, было снижено до 160 человек. Скот храма был использован на полях зажиточной верхушки. Против такого посягательства со стороны зажиточной верхушки восстала беднейшая часть общины, сильная тем, что из нее рекрутировалось воинство.

Происходит переворот, старый представитель смещается, и его место замещает Урукagina. Общинники получили теперь вдвое большее довольствие, нежели раньше. Один из военных отрядов, на которых опиралась зажиточная верхушка, был раскисирован. В дальнейшем до-

вольствие было опять доведено до старых размеров, но зато число членов общины, получающих довольствие, было увеличено до 261 человека. Такое отягощение храмового хозяйства возможно было на том уровне развития производительных сил лишь при увеличенном числе рабов. Урукagina действительно увеличивает количество рабов и доводит его путем возврата расхищенных рабов до 443 человек. Бедные представители городской общины, победившие в войне со своей разбогатевшей верхушкой, не превратились в люмпен-пролетариат, они продолжали работать вместе с рабами на полях храма, но в противоположность рабам, которые работали весь год, они работали только 4 месяца.

Работали они со скотом и плугами храмов. Работали они также и над ирригационной системой, но и здесь их работа в противоположность рабам была строго ограничена. Работа над ирригационной системой была основной для рабов.

Эта борьба в Лагаше, окончившаяся победой беднейшей части над разбогатевшей верхушкой, успокоила соседний город Умму, где продолжала господствовать зажиточная верхушка. Начинается война между Уммой и Лагашем, которая приводит к тяжелым последствиям для Лагаша. Число общинников уменьшается благодаря потерям на войне. Приходится уменьшать паек довольствия даже свободным. Но в особенности уменьшается довольствие рабов, которое было уменьшено в три раза по сравнению с предшествующим временем. Голод заставляет рабов разбегаться. Число рабов-мужчин падает благодаря этому катастрофически. Война заканчивается в конце-концов гибелью Лагаша. До нас дошла элегия одного писца — сторонника Урукagina, оплакивающего разрушение Лагаша Уммой. Победить общинники не смогли, так как реформы Урукagina могли иметь длительный успех лишь в том случае, если бы Лагаш был подобно греческой Спарте выключен из цепи обмена. Поскольку же рост ирригационного хозяйства требовал обмена, постольку и разложение территориальной общины должно было продолжаться все с большей силой. Рост как ирригационного хозяйства, так и обмена создавал необходимость дальнейшего объединения Вавилонии. Во главе этого центростремительного процесса, охватившего все территориальные общины Вавилонии, становится город Аккад, находившийся на скрещении торговых путей с востока на запад и с севера на юг. Аккад в упорной борьбе побеждает те города, которые этому объединению, выгодному Вавилонии в целом, оказывали ожесточенное сопротивление. Царем Аккада, объединившим Вавилонию, первым крупным семитическим деятелем мировой истории был Саргон (истинный царь). Его личность рано стала легендарной; о нем рассказывали легенду, близкую легенде о Моисее и Ромуле.

Царь Саргон, объединив Вавилонию, стремится включить ее в мировой рынок, объявляет себя царем четырех стран света, т. е. претендует на мировое господство. Он совершает походы в Сирию, к нему обращаются за помощью купцы семитических городов Каппадокии.

В целях создания ирригационного хозяйства им проводятся каналы, для облегчения торговли он вводит единую систему мер, так называемую

меру Аккада; его преемники продолжают его политику централизации Вавилонии. Царь Мануштусу скупает земли вблизи Аккада и сажает на них старую родовую знать сумерийских городов в целях облегчения контроля над ними.

Объединение Вавилонии, расцвет ирригационного хозяйства, интенсивность торговли приводят к дальнейшему разложению городских общин. Теперь впервые появляются в хозяйстве Вавилонии наемники, т. е. люди, оторванные от средства производства, которые должны были предоставлять свою рабочую силу. Бедняки, поденщики конечно уже переставали быть воинами, и таким образом военная мощь Аккадского государства стала падать. Это происходило в такой момент, когда напор диких восточных горных племен становится в особенности сильным. Эти горные племена видели в Вавилонии, ставшей благодаря объединению богатой страной, желанную добычу. Ослабевшее Аккадское государство, потерявшее в результате разложения общин свою силу, уже не могло противостоять горцам. В результате, гутеи — горное племя Востока — завоевывают Вавилонию.

Господство диких горцев, не обладавших какой-либо культурой, не могло продолжаться долго, — слишком велики еще были силы отдельных городов Вавилонии. Борьба против гутеев начинается в Сумире, в западной его части, которая меньше всего пострадала от нашествия. После падения гутейского владычества на сотню с небольшим лет Вавилонию объединяет город Ур. В это время, примерно второе тысячелетие до нашей эры, можно уже говорить об установлении рабовладельческого строя.

Наиболее крупным царем этой эпохи был царь Шульги, который по примеру царей города Аккада назвал себя царем четырех стран света. Он продолжал политику централизации Вавилонии. Единая система мер, введенная Аккадом, была утверждена и называлась теперь царской. В этот же период в результате развития торговли Вавилон был включен в большой рынок, охватывающий западные отроги Ирана, Ассирию, южную часть Малой Азии, Сирию и северную часть Аравии. До нас дошли от этой эпохи фрагменты свода законов, указывающих на высокое развитие права в Сумире. Эти законы предусматривают ряд разнообразнейших случаев. Сумерийские законы третьей династии Ура более детальные, нежели законы Хаммураби.

В эпоху III династии Ура неограниченная раньше власть главы патриархальной семьи была сильно ограничена.

В противоположность древнесумерийским законам строптивый сын лишь изгонялся из отцовского дома, лишаясь имущества, но не продавался в рабство.

Основное классовое деление сумерийского общества нашло свое отражение и в этих фрагментах сумерийского кодекса. Основными классами были рабовладельцы и рабы.

Всякий свободный наряду с домом, полем, садом и скотом мог владеть рабом и рабыней. Государство становится на защиту рабовладельцев. До нас дошли из этого кодекса постановления против лиц, укрывающих беглых рабов, и наконец постановления о наказании строптив-

вого раба. Эти последние постановления имеются и в кодексе Хаммураби. О жестокости обращения с рабами свидетельствует нам один текст, перечисляющий имена около 170 рабынь, занятых ткачеством в одной из мастерских царского хозяйства в Умме. Из них 50 рабынь умирают в течение одного года.

Рабами в эту эпоху были не только военнопленные, но и должники из числа членов общины. До нас дошли тексты о сделках самопродажи или продажи родителями своих детей. (Это указывает на чрезвычайно далеко зашедшее разложение внутри общины, за это же говорит и наличие большого количества наймитов.)

В обычное время на больших латифундиях царя и храмов, которые фактически управлялись теперь зажиточной частью городских общин, преобладали рабы. Их было примерно в 4 раза больше, чем наймитов. В страду же во время урожая число наемников сильно увеличивалось. Так мы знаем на основании текста, что в некоторых важнейших царских хозяйствах Сумира во время жатвы нанималось более 21 000 человек. Это наличие большого количества наймитов, а также появление рабов-должников из числа членов городских общин приводит к сильному ослаблению военной мощи Сумира. В борьбе с Эламом цари города Ура терпят поражение, и последнего из династии царя Шульги уводят в плен в горы Элама. Эламитяне чрезвычайно жестоко расправляются с городами Сумира, не оставляя например в Уре кирпича на кирпиче, как это доказали последние раскопки этого города.

После этого разгрома Вавилония некоторое время находилась в состоянии анархии: городские общины продолжали разлагаться. Все это происходило на фоне роста торгово-ростовщического капитала. Во всех городах, известных нам по раскопкам, мы находим примеры действия ростовщиков. Так в эту эпоху в городе Сиппаре-Аккаде в качестве ростовщиков, дающих в рост деньги и зерно, скупающих недвижимую собственность, выступают многочисленные жрицы, которые вели затворнический образ жизни в храме бога солнца. Они только через окно в стене могли сношаться с внешним миром. Несмотря на это с помощью своих родственников они через это окно прекрасно вели свои коммерческие дела. В городе Уруке, в городе Гильгамеша был найден архив двух братьев-ростовщиков. В дошедшей до нас части архива мы имеем между прочим около 40 документов, посвященных купле различных домов, приобретенных этими братьями за бесценок у прежних их владельцев. Очевидно бедняки, припертые к стене нуждой, должны были отдавать почти задаром свое имущество. В городе Кише мы находим также скупщиков недвижимого имущества. В городе Ларсе на юге Сумира мы находим в эту эпоху неких Бальмунамхэ и Убаршамаша, которые скупают не только недвижимое имущество своих сограждан, но и самих своих сограждан. Мы узнаем о десятках рабов-должников, которых эти коммерсанты держат в своих руках и сдают их в наем за известную плату и за гарантийное обеспечение в случае бегства или смерти раба-должника.

Мы видим таким образом, что разложение городских общин Вавилонии зашло чрезвычайно далеко, имеются теперь не только индиви-

дуальные рабы в сравнительно большом количестве (так передается в приданое в одном случае 26 рабов и рабынь), но и часть этих рабов является уже не рабами-военнопленными, а рабами-должниками.

Дальнейшее разложение грозило полным ослаблением вавилонских городов. Наймит, который должен, как поденщик, зарабатывать себе хлеб, лишенный своей земли, раб-должник, лишенный даже своей свободы, — уже не были воинами и в лице их города теряли часть своей силы. В это же время возросла опасности, против которых лишь сильная Вавилония могла бы устоять.

Предварительно надо сказать несколько слов о Вавилоне. Город Вавилон (по-семитически «Врата богов») находится в центральной части упомянутого выше перешейка, наиболее узкого места между Тигром и Евфратом. Это положение предопределяло значение Вавилонии как торгового центра.

После ослабления Аккада и Сиппара гегемония на севере Вавилонии стала переходить к городу Вавилону. Сила Вавилона увеличилась благодаря притоку новых семитических пришельцев аморейского племени, вторгшихся вероятно в эпоху завоевания гутеев на север и сделавших Вавилон своим центром. Аморейские племенные организации, слившиеся с свободным населением Вавилона, на некоторое время задержали разложение городской общины Вавилона. Под воздействием ростовщического капитала здесь в свою очередь началось разложение, увеличилось число лиц, лишенных своих земельных наделов и потерявших в качестве рабов-должников даже личную свободу.

Цари из Аморейской династии (2169—1870 гг. до н. э.) начинают вести борьбу с ростовщическим капиталом, опираясь на беднейшую часть общины, которой грозила гибель. Эта борьба нашла свое отражение в знаменитом своде законов царя Хаммураби (2067—2025), пятого из царей Аморейской династии. Кодекс был найден в начале XX в. в Сузах, куда был завезен эламитами во время одного из их многочисленных нашествий.

Памятник этот представлял собою столб из темного камня высотой $2\frac{1}{4}$ метра и около $1\frac{1}{2}$ метра шириной.

Сверху он был украшен рельефом, изображавшим бога Шамаша (солнце) — покровителя правосудия, сидящего на престоле, и царя Хаммураби, приносящего клятву в том, что он будет следовать закону, начертанному на этом камне. Вся остальная плоскость камня заполнена надписями, которые содержат введение к своду законов, далее сам свод законов и наконец заключение (этот столб хранится ныне в Луврском музее во Франции, гипсовый оттиск с этого памятника хранится в Московском музее изобразительных искусств).

Этот памятник сохранился хорошо, только небольшая часть поверхности надписи была стерта еще в древности очевидно царем, похитившим этот памятник и желавшим увековечить на нем свое имя. Но смерть или переворот помешали его замыслу. Это пустое место, обнимающее около 35 статей (с 66 по 100), может быть заполнено благодаря тому, что до нас дошли из вавилонских библиотек копии некоторых частей кодекса Хаммураби.

Содержание законов сводится к следующему.

Вначале имеется введение, где Хаммураби обращается с восхвалением к богам, которые поставили его во главе страны для водворения в стране справедливости и истребления беззаконных и злых, «чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы я подобно Шамашу восходил над черноголовыми (т. е. вавилонянами) и освещал страну для благосостояния народа».

Затем в введении многократно восхваляются благочестие царя Хаммураби и заботы его по отношению ко всем богам и храмам. Заканчивается оно словами: «Когда Мардук призвал меня управлять народом и доставлять стране благополучие, я даровал право и законы на языке страны, создав этим благосостояние народа. В это самое время я дал следующие законы»¹. Затем следует сам свод законов. Содержание его состоит из 282 статей. Первые статьи посвящены порядку судопроизводства (1—5), 20 статей посвящены преступлениям против частной собственности, статьи 26—41 говорят о людях, владеющих землей в качестве воинов. Затем следуют статьи, связанные с арендой земли как пахотной, так и садовой. Статьи, заполнявшие лакуну (66—99), были посвящены вопросам ростовщичества. Статьи 100—107 говорят об отношении между крупными торговыми агентами и их служащими. Статьи 108—111 говорят о питейных заведениях. Статьи 112—126 также посвящены вопросам, связанным с ростовщическим капиталом. Чрезвычайно много статей (127—193) посвящено брачному и семейному праву. Статьи 194—214 устанавливают нормы возмездия за убийство и членовредительство. Следующие статьи — 215—240 регулируют гонорар врачей, архитекторов и судостроителей.

Отношения, связанные с сельскохозяйственной жизнью, были выражены в статьях 240—260. Зарплата ремесленников и поденщиков была нормирована в статьях 273—274. За ними следуют 2 статьи о найме судов. Последние 5 статей специально посвящены рабам, о которых свод законов говорит и раньше в многочисленных своих статьях.

Заканчивается свод законов обширным заключением, в котором Хаммураби разъясняет о всех тех благодеяниях, которые будут оказаны стране его законами, и о всем том хорошем, что он уже сделал для страны:

«При помощи могучего оружия, врученного мне Замамою и Иннинною, премудрости, дарованной мне Эа, разума, которым наделил меня Мардук, я истребил врагов вверху и внизу (на севере и юге), прекратил раздоры, даровал стране благоденствие, дал людям жить в безопасных местах, заботился о том, чтобы никто не тревожил их».

Значение, которое будет иметь закон для народа, он характеризует следующими словами:

«Для того чтобы сильный не обижал слабого, чтобы сироте и вдове оказывалась справедливость, я начертал в Вавилоне, городе, главу которого вознесли Ану и Энлиль, в Э-Саггиль, основания которого прочны, как небо

¹ И. М. Волков, Законы вавилонского царя Хаммураби.

и земля, для водворения права в стране, для решения (тяжеб) в стране, для оказания справедливости притесненному, мои драгоценные слова на моем памятнике и поставил перед изображением меня, царя-законодателя»¹.

Он обращается с призывом к последующим правителям следовать его законам. В случае, если они будут следовать его законам, царствование их будет благополучным, если же кто-нибудь не будет соблюдать законов, последует катастрофа. Все боги призываются Хаммураби, чтобы поразить карой преступника. Последним богом является Элиль.

«Элиль да проклянет его непреложным изречением своих уст, и пусть они (проклятья) немедленно обрушатся на него»².

Если Хаммураби в своем введении и заключении к законам уделяет много места упоминанию богов, то зато сам свод законов лишен каких-нибудь богословских формулировок. В этом отношении кодекс Хаммураби резко отличается от закона Моисея в Библии, который, как известно, целиком составлен в богословском духе. Формулировку статей можно назвать казуистической: «если кто-нибудь сделает то-то и то-то, то ему сделают то-то и то-то». Это конечно указывает еще на неразвитость правовой мысли. Классовая сущность свода законов Хаммураби выявляется в отношениях к рабам. Рабы в своде законов не находят защиты, что вполне понятно, ибо рабы являются в этом рабовладельческом обществе классово угнетенными. Только в одном случае (ст. 17) закон защищает раба, и то только потому, что свободная женщина связала свою судьбу с рабом.

«Если дворцовый раб или раб мушкену женится на дочери свободного, она по взятии им ее войдет в дом дворцового раба или раба мушкену с приданым из дома своего отца (и) они, поселившись вместе, построят дом и приобретут имущество, то по смерти дворцового раба или раба мушкену дочь свободного получает свое приданое, а все, приобретенное ими от начала их совместной жизни, должно разделить на две части: половину должен взять господин раба, другую — дочь свободного для своих детей. Если у дочери свободного не было приданого, то все приобретенное ими от начала совместной жизни должно разделить на две части: половину получает господин раба, другую — дочь свободного для своих детей»³.

Если в этой статье говорится об имуществе раба, даже его доме, то это объясняется конечно только привилегированностью данного раба, ибо только за привилегированного раба решилась бы выходить замуж свободная женщина.

В случае кражи раба свод законов Хаммураби становится на сторону рабовладельца.

«Ст. 15. Если кто-нибудь выведет за ворота дворцового раба или дворцовую рабыню, или раба мушкену, или рабыню вольноотпущенника, то его должно предать смерти».

Закон со всей суровостью обращается против тех лиц, которые укрывают у себя на дому беглых рабов.

¹ Обе цитаты взяты из книги И. М. Волкова, Законы вавилонского царя Хаммураби, стр. 48—49.

² Там же.

³ Там же.

«Ст. 16. Если кто-нибудь укрыв в своем доме беглого раба, принадлежащего дворцу или мушкену, не выдаст его на требования нагиру, то этого домохозяина должно предать смерти».

И следующие статьи (17—20) защищают права рабовладельца на беглого раба. Точно так же закон защищал рабовладельца от неподчинения со стороны раба.

«Ст. 282. Если раб скажет своему господину: «ты — не господин мне», то по изобличении его им как своего раба его господин может отрезать ему ухо».

Таким образом мы видим в кодексе Хаммураби ярко выраженную классовую сущность рабовладельческого общества.

Вавилонские рабы главным образом использовались в работе над ирригацией; меньшее значение они играли в ремесле в противоположность греко-римскому обществу. Основой вавилонского общества было земледелие, покоившееся на ирригации, в то время как в крупных торговых городах Греции основой общества было ремесло.

По сравнению с рабским трудом труд свободных в ирригации играл небольшую роль. Во всяком случае тогда, когда в Вавилонии становилось развитое рабовладельческое общество, наряду с ирригацией рабы применялись и в ремесле. Ремесленники-кустари имели у себя рабов-помощников. В царских и храмовых хозяйствах имелись большие мастерские, в которых применялся труд большого количества рабов.

Столь же ярко, как защита прав рабовладельцев, выражена в своде законов Хаммураби и тенденция защитить в известной степени и беднейшую часть городских общин от посягательств со стороны ростовщических поползновений зажиточной верхушки. И в введении и в заключении Хаммураби указывает на то, что закон направлен против угнетения слабого со стороны сильного. В особенности отчетливо выступает забота Хаммураби по отношению к воинам, на которых основана сила Вавилонского государства. Он заботится о них, если они попадают в плен.

«Ст. 27. Если реду или байру попадет в плен во время царского пограбления и после него его поле и сад будут проданы другому, который будет нести его военную службу, то, если военнопленный вернется и достигнет своей местности, должно отдать ему обратно поле и сад, и он будет сам нести свою военную службу».

Царь заботится о том, чтобы их выкупить, причем в случае выкупа, при отсутствии средств у самого воина, его выкупает храм или дворец.

«Ст. 32. Если реду или байру попал в плен во время царского похода и будет выкуплен купцом и доставлен в свою местность, то, если в его доме есть средства для выкупа, он выкупает себя сам, а если в его доме нет средств для выкупа, то он получает свободу за счет храма своей местности, а если у храма его местности нет средств для выкупа, его освобождает дворец. Его поле, сад и дом не должно употреблять на выкуп».

Царь следит за тем, чтобы интересы сына, который может нести военную службу за отца, были сохранены передачей ему надела.

«Ст. 28. Если реду или баиру попадет в плен во время царского поражения и его сын может нести военную службу, то должно отдать ему поле, сад и дом, — он будет нести военную службу своего отца».

Даже в том случае, если его сын малолетен, треть надела передается матери, чтобы она могла вырастить сына.

«Ст. 29. Если сын его малолетен и не может нести службу своего отца, то должно отдать треть поля и сада его матери, — она вырастит его».

Царь защищает рядового воина и от посягательств его начальника.

«Ст. 34. Если деку или дубутту присвоит собственность реду, причинит для собственной пользы вред реду, отдаст реду в наем, предаст реду на суде более сильному и возьмет себе подарок, пожалованный реду царем, то этого деку или баиру должно предать смерти».

Царь защищает рядового воина и от посягательств его начальника, ростовщика. Царь дает воину также право приобретать наряду с наделом, пожалованным царем, и свою землю, которая становится его собственностью.

«Ст. 39. Из поля, сада или дома, приобретенных им через покушку, он может отписывать жене или дочери, а также отдавать за свой долг».

Но и эта земельная собственность воина, как всякого другого общинника, защищается от захвата ростовщиком; в случае неурожая, вызванного наводнением или засухой, Хаммураби предпринимает меры:

«Ст. 48. Если кто-нибудь будет иметь на себе процентный долг, (а) Рамман затопит его поле или наводнение унесет жатву или вследствие засухи в поле не вырастет хлеб, то он не обязан возвращать в этом году хлеб займодавцу и сжигает свой документ. Он не обязан отдавать и проценты за этот год».

За все эти заботы воин должен был честно нести свою службу. В случае уклонения его от этого долга ему грозила смертная казнь.

«Ст. 26. Если реду или баиру, получив приказ выступить в царский поход, не пойдет или, наняв наемника, выставит его своим заместителем, то этого реду или баиру должно предать смерти, а его заместитель получает его дом».

Граждан Вавилона, из которых главным образом рекрутировались воины, закон царя Хаммураби выделяет в виде «сыновей мужа» (мар авелим — «свободный» в переводе Волкова).

«Сыны мужа» противопоставляются «мушкену» («покоренным», «вольсоотпущенникам» в переводе Волкова) — гражданам покоренных Вавилоном сумерийских городов. Но и мушкену наряду с «сынами мужа» принадлежали к господствующему классу. Мушкену были также рабовладельцами.

«Ст. 15. Если кто-нибудь выведет за ворота дворцового раба или дворцовую рабыню или раба мушкену или рабыню мушкену, то его должно предать смерти».

«Ст. 16. Если кто-нибудь укрыв в своем доме беглого раба, принадлежавшего дворцу или мушкену, не выдаст его на требование нагиру, то этого домохозяина должно предать смерти».

Но наряду с этим жизнь и здоровье «сына мужа» — гражданина Вавилона ценилась дороже жизни и здоровья мушкену.

«Ст. 196. Если кто-нибудь повредит глаз у свободного, то должно поберечь глаз ему самому».

«Ст. 197. Если он сломает кость у свободного, то должно сломать кость ему самому».

«Ст. 198. Если он повредит глаз у мушкену или сломает кость у мушкену, то должен уплатить мину серебра».

Мы видим таким образом, что лишь по отношению к «сыну мужа» применяется в случае членовредительства принцип «око за око, зуб за зуб». Членовредительство по отношению к мушкену каралось денежным штрафом. Денежным же штрафом карается членовредительство раба. Виножник должен уплатить собственнику раба половину его стоимости.

«Ст. 199. Если он повредит глаз у чьего-нибудь раба или сломает кость у чьего-нибудь раба, то должен уплатить половину его стоимости».

Зато гонорар врача был выше по отношению к лечению «сына мужа», нежели к лечению мушкену.

«Ст. 215. Если врач, делая кому-нибудь тяжелый надрез бронзовым ножом, излечит этого человека или, снимая с чьего-нибудь глаза бельмо бронзовым ножом, вылечит глаз (этого) человека, то он получает десять сиклей серебра».

«Ст. 216. Если (больной) мушкену, то он получает пять сиклей серебра».

«Ст. 221. Если врач вправит сломанную кость или вылечит больные внутренности, то больной должен уплатить врачу пять сиклей серебра».

«Ст. 222. Если (больной) мушкену, то платит три сикли серебра».

Заботы Хаммураби по отношению к свободным простирались не только в отношении тех, которые еще являлись воинами, но и в отношении тех, которые уже потеряли связь со средствами производства. Он также заботится о тех, которые зарабатывают себе на жизнь наймом.

«Ст. 273. Если кто-нибудь наймет работника, то платит ему от начала года до пятого месяца шесть ше серебра в день, с шестого месяца до конца года — пять ше серебра в день».

Для определения цены надо знать, что 180 ше серебра равняются одному сиклю, а шестьдесят сиклей равны одной мине. Следовательно на основании этой статьи работник получал всего одиннадцать сиклей в год. На один же сикль можно было купить одну свинью, овцу и на один же сикль можно было купить столько хлеба, чтобы взрослый человек, живущий физическим трудом, кормился пять месяцев. Любопытно в связи с этим отметить, что несколько меньшую плату, нежели сельскохозяйственные работники, получали ремесленники.

«Ст. 274. Если кто-нибудь наймет ремесленника, то платит пять ше серебра, каменотесу... ше серебра, кузнецу... ше серебра, плотнику — четыре ше серебра, кожевнику... ше серебра, судостроителю... ше серебра, каменщику... ше серебра в день».

Это доказывает очевидно, что главное значение в хозяйственной жизни принадлежало сельскому хозяйству, а не ремесленному. Главная ценность, которую производила Вавилония, были хлеб и вообще сельскохозяйственные продукты. Плата в одиннадцать сиклей сельско-

хозяйственным работникам и около десяти сиклей ремесленнику была очень высокой. Из договоров найма эпохи Хаммураби мы узнаем, что в частном хозяйстве эта плата была меньше: от шести до семи сиклей в год. Это дает основания предположить, что и тогда Вавилонии было более выгодно крупное хозяйство, чем мелкое.

Нельзя же предположить, что царь Хаммураби, устанавливая заработную плату, наймитам в 10—11 сиклей, действовал прямо в убыток дворцовому или храмовому хозяйству. В связи с вопросом о найме необходимо отметить, что договор о найме в эпоху царя Хаммураби является сколком с договоров о найме рабов.

Договор о найме рабов гласил следующим образом: «такого-то раба у такого-то нанял такой-то».

Договор же о найме свободного дальше гласил: «такого-то у него самого нанял такой-то».

Это и вполне понятно, ибо в обществе, где еще все свободные имели средства производства, можно было нанять только раба или младшего члена семьи, который находился на положении слуги или раба.

Впоследствии, когда многие из свободных были оторваны от средств производства, форма найма зависимого человека была перенесена на договор о найме свободного человека.

Ремесленники были организованы по своим специальностям и находились под защитой государства.

Законы Хаммураби в известной мере защищали гражданские права должника от посягательства со стороны его займодавцев.

«Ст. 113. Если кто-нибудь, имея на другом долг хлебом или деньгами, без дозволения хозяина хлеба возьмет хлеб из житницы и кладовой, то по изобличении этого человека во взятии им хлеба из житницы или кладовой без дозволения хозяина хлеба он должен вернуть весь взятый им хлеб и потерять все данное им займы».

Из этой статьи вытекает, что займодавец не может самовольно взять у своего должника хлеб, который тот ему должен, т. е. должник продолжал оставаться пока свободным человеком. Если же должник отдавал себя или члена своей семьи в залог, то за смерть заложника от дурного обращения карали смертной казнью, т. е. это являлось уголовным преступлением:

«Ст. 116. Если взятый в залог умрет в доме взявшего в залог от побоев или дурного обращения, то по изобличении хозяином взятого в залог его (займодавца) купца (если взятый в залог — сын свободного) должно предать смерти его сына; если он — раб, он должен уплатить треть мины серебра и потерять все, данное им займы».

Царь Хаммураби установил чрезвычайно важный закон, который уничтожал полностью кабальное холопство, покоящееся на том принципе, что заложник погашает в доме займодавца своей работой не сам капитал займа, а лишь его проценты. Вследствие этого для бедняка, у которого единственной ценностью была его рабочая сила, кабальное холопство превращалось в вечное.

«Ст. 117. Если кто-нибудь, имея на себе долг, продаст за деньги или отдаст в долговую кабалу свою жену, своего сына или свою дочь, то они

должны служить в доме покупателя или кредитора (только) три года. На четвертый год должно отпустить их на свободу».

В этом отношении законник царя Хаммураби гуманнее, нежели законы Моисея. Согласно последнему раб-должник освобождается от своей кабалы не на четвертый год, а лишь на седьмой год.

Забота Хаммураби об урегулировании положения свободных отразилась не только на своде законов, но также и в его текущей государственной деятельности. Она нашла свое отражение в знаменитой переписке Хаммураби с сановником южноавилонского города Ларсы Синдиннамом, губернатором Ларсы, и Шамашасиром, его помощником. Во всех этих письмах проходит красной нитью забота царя о рядовых воинах.

В своде законов мы находим также ряд статей, которые посвящены взаимоотношениям между царскими крупными торговыми агентами и их помощниками. Царь защищает первых от мошенничества со стороны вторых (ст. 106) и вторых от мошенничества со стороны первых (ст. 107). Здесь также Хаммураби защищал меньшую братию. Штраф, устанавливаемый для помощников, был меньшего размера, нежели штраф, уплачиваемый крупными торговыми агентами, «тамкарами».

Денежное хозяйство в эпоху Хаммураби отнюдь не ослабело, а, наоборот, усилилось. На основании судебного и на основании других документов, писем мы можем установить тариф цен: раб стоил около 20 сиклей, такова же примерно была и цена быка. Осел стоил 16 сиклей, овца — один сикль. Аренда дома равнялась от одного до трех сиклей в год. Один гур зерна (гур равен 240 литрам) оценивался в один сикль. Аренда за пашню выплачивалась натурой и равнялась обычно одной трети урожая.

При высокой урожайности, которую мы имеем в Вавилонии, это была чрезвычайно низкая оплата. Сельское хозяйство было очень выгодно; в числе арендаторов мы встречаем даже царскую дочь, сановников и т. д.

Если арендатор брал поле за определенную плату, независимо от фактического урожая, то арендная плата была очень низка, равняясь примерно одной шестой обычного урожая. Правда, при таких условиях аренды арендатор должен был вносить плату и в случае неурожая (ст. 45).

Если же арендатор был издольщик, то риск неурожая разделяли поровну между собой и землевладелец и арендатор (ст. 46). Вообще надо сказать, что кодекс Хаммураби не поощрял эксплуатации арендатора землевладельцем. Закон даже давал право арендатору сдавать землю в подаренду без разрешения на то землевладельца (ст. 47). Царь как представитель общины был кровно заинтересован в том, чтобы земля, сдаваемая в аренду, была обрабатываемая надлежащим образом. Дело в том, что в большинстве случаев землевладельцы, сдававшие свои наделы в аренду, были воинами, чем и объясняется то обстоятельство, что статьи о земельной аренде следуют непосредственно за статьями о землевладении воинов. Поскольку от хорошей обработки

арендованной земли зависела в значительной степени военная мощь государства, постольку и закон царя строго карал нерадивых арендаторов (ст. 92).

В области семейного права мы находим в законах Хаммураби следы матриархата, слабое развитие патриархальной семьи, хотя и матриархат по существу был преодолен уже в эпоху Урукagina (запрет жить женам с двумя и более мужьями). Отец семейства не имел неограниченной власти над своими детьми, строптивого сына он не имел права превращать в раба, и даже свое отвержение он должен был оформить перед судом.

«Ст. 168. Если кто-нибудь, вознамерившись отвергнуть своего сына, скажет судьям: «я отвергаю своего сына», то по расследовании дела судьями, если сын не совершит важного проступка, достаточного для отвержения его, отец не может отвергнуть его».

«Ст. 169. Если он совершил по отношению к отцу важный проступок, достаточный для отвержения его, то они (судьи) должны на первый раз простить его. Если же он совершил важный проступок во второй раз, то отец может отвергнуть своего сына».

Что касается брака, то в судебнике Хаммураби мы имеем моногамию. Брак должен быть заключен в виде договора.

«Ст. 128. Если кто-нибудь, взяв себе жену, не заключит с ней договора, то женщина — не жена ему».

В эпоху Хаммураби не была обязательна при заключении брака выкупная плата отцу невесты: подарок невесте со стороны жениха и приданое со стороны отца невесты. В случае бесплодия, болезни или неверности муж мог взять себе вторую жену, но он должен был обязательно заботиться о больной жене.

«Ст. 148. Если кто-нибудь возьмет себе жену, ее постигнет болезнь, он вознамерится взять себе другую, то он может взять, (но) не должен отвергать свою больную жену. Она может жить в его доме, и он должен содержать ее, пока она жива».

Жена поэтому не являлась существом, лишенным прав, она даже имела права на развод, если муж не заботился о ней или был ей неверен. Правда, она не имела права на развод, если у мужа не было вины. Муж же имел право в любой момент развестись с нелюбимой женой, уплачивая за это известную отступную сумму.

Реформы царя Хаммураби, направленные к тому, чтобы путем борьбы с ростовщическим капиталом задержать разложение общин и тем самым сохранить силу сопротивления городов Вавилонии, свелись однако на-нет. Рост производительных сил, выразившийся в дальнейшем развитии ирригационного хозяйства, обусловил и рост торговли и обмена, тесно связанные с ростовщичеством. Все это приводит к дальнейшему обострению противоречий между имущими и неимущими. Число поденщиков и рабов-должников стало катастрофически возрастать, и тем самым социальная база вавилонского общества сузилась до минимальных размеров. Поэтому через какие-нибудь 150 лет после смерти Хаммураби Вавилония уже не может сама противостоять напору внешних врагов. В 1870 г. до нашей эры Вавилонию разгромили

хетты, а около 1800 г. до нашей эры она становится жертвой касситского завоевания.

Таким образом Вавилония по очереди завоевывается своими соседями, сперва — касситами, затем халдеями, потом ассирийцами, затем опять халдеями, персами, греками, парфиями и т. д.

Культура Вавилонии

Основной идеологической надстройкой древних восточных обществ является религия. Для уяснения характера ее надо помнить то, что территориальные городские общины Вавилона в первоначальную стадию своего развития являются чрезвычайно примитивными. Развитого классового деления в пределах этих общин еще не было. Общины являются классовыми лишь постольку, поскольку они коллективно эксплуатировали рабов, которыми они сообща владели. В этом отношении вавилонская территориальная община может быть сравнена с теми примитивными древнейшими общинами, которые Маркс находит в Индии.

«Мы не должны забывать, что эти маленькие общины были осквернены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того, чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся социальное состояние в неизменный, predetermined природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабалой»¹.

Эту примитивную религию, преклонение перед животными, мы находим не только в Индии, но и в Египте и в Вавилонии. Животный культ — пережиток древнего тотемизма — сохранился в культах Вавилонии до последнего времени. Богиня Иштар почитается в виде собаки, бог Нингирсу — в виде осла, бог Мардук — в виде ящера, о чем нам сообщает еще книга пророка Даниила, и т. д. С развитием земледелия боги приобретают функции покровителей этой главной основы хозяйства страны. Выделяются из сонма отдельных божеств-покровителей территориальных городских общин три бога, олицетворяющие основные силы природы, от которых зависело благополучие земледельческого населения Вавилонии. Главный из них бог земли Энлиль — охранитель всего, что существует на земле. Он настолько был главенствующим богом, что семиты называли этого шумерийского бога просто именем Баг (господь). Почитался он в городе Ниппуре, куда стекались паломники и приносились в жертву многие тысячи голов скота.

Ниппур можно назвать «шумерийскими Дельфами». Вторым богом этой шумерийской троицы был бог Ану — царь неба и небесных светил. Почитался он в городе Уруке вместе с великой матерью богов Иштар (Иштар — это имя сохранилось в еврейском имени Эсфирь). При ирри-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 351.

гационном земледелии наряду с землей и небом играет крупную роль также и вода. Вода, исходящая из земли, имела своего бога — третьего члена троицы — бога Эа (дом воды). Почитался он в древнем приморском городе Эриду.

По мере развития ирригационного земледелия должна была создаться вавилонская астрономия, так как необходимость вычисления периодов разлития Тигра и Евфрата заставляла руководителей земледельческих работ обращаться к наблюдению небесных явлений. Поэтому очень рано боги Вавилонии стали приобретать астральный характер. Им приписывались функции управления небесными явлениями. В этот период, когда боги Сумира стали приобретать астральный характер, началось слияние религиозных систем сумерийцев и вавилонских семитов. Результатом этого слияния был единый вавилонский пантеон с ярко выраженным астральным характером. Эта астральность является одним из характерных признаков религии как Египта, так и Вавилонии. Бог Шамаш (семитическое название) почитался в Аккаде и являлся богом солнца. Его сумерийское соответствие — бог Баббар почитался в городе Ларсе.

Бог луны Син (по-семитически), Наннар (по-сумерийски) почитался в городе Уре. Богиня Иштар — богиня плодородия и любви (называется по-сумерийски Нана) — почиталась в городе Урукке (вместе с богом Ану) и сопоставлялась с планетой Венерой. Мардук — главный бог города Вавилона, царь богов — сопоставлялся с планетой Юпитер (бог неба). Главный бог соседнего с Вавилоном города Барсילו, являющегося городом письма, мудрости и торговли, сопоставлялся с планетой Меркурий. Бог Ниниб (бог силы) — бог счастливой войны — почитался в городе Лагаше, в образе бога Нингирсу сопоставлялся с планетой Сатурн. Наконец бог Нергал — бог войны и смерти и подземного царства — сопоставлялся с кроваво-красной планетой Марсом благодаря некоторым общим их свойствам.

Мы имеем основание предположить, что эти семь богов, сопоставляемые со светилами, рассматривались как покровители отдельных дней недели (семидневная неделя), которая таким образом восходит к Вавилону. Вот список французских и английских названий дней недели: воскресенье по-английски — день солнца (день Шамаша); понедельник — день луны по-французски (день Сина); вторник — день Марса по-французски (день Нергала); среда — день Меркурия по-французски (день неба); четверг — день Юпитера по-французски (день Мардука); пятница — день Венеры по-французски (день Иштар); суббота — день Сатурна по-английски (день Ниниба.)

Мы видим, что от времени столь отдаленной эпохи формирования человеческого общества берет начало наша старая семидневная неделя. В столь отдаленную эпоху, когда развитие производительных сил стояло еще на очень низкой ступени развития, человек должен был всецело преклоняться перед богами, порожденными его собственной фантазией.

Во всей вавилонской религиозной литературе красной нитью проходит чувство полной зависимости от богов. В особенности яркое выражение этого чувства мы находим в произведении, которое в современной науке носит название «Вавилонского Иова». Точно так же как в библей-

ской книге, здесь изображены страдания невинного человека; объяснение своим, казалось бы, незаслуженным мукам вавилонский страдалец находит в непостижимости помыслов бога. Изречение гласит:

«Почтение к царю, я ставил высоко и учил народ уважению перед дворцом. О, если бы я был уверен, что это угодно богу! Ибо что самому человеку кажется благоприятным, перед богом бывает мерзостью, а что для его сердца незначительно, находит у бога милость. Кто может понять совет богов на небе? Предначертания бога — темнота (?); и кто может уразуметь ее? Как мы, люди, можем понять путь божий? Кто еще вечером жив, бывает утром мертвым; он быстро сходит во мрак, мгновенно бывает поражен. Тот, кто сейчас весел и играет, через мгновение рыдает, как плакальщик. Настроение людей меняется непрерывно: они голодны — подобны трупу; они сыты — чувствуют себя богами; им хорошо, — они говорят о восхождении на небо; они подавлены, — говорят о сошествии в преисподнюю»¹.

Такое фетишистское преклонение перед силой богов неудивительно в вавилонском обществе, которое при низком уровне своей техники целиком зависело от сил природы; оно не могло успешно бороться с теми бурными разливами Тигра, которые в иные моменты могли даже крупные города привести на край гибели. Мы теперь знаем на основании последних раскопок, что седая древность Вавилонии действительно знала катастрофическое наводнение, уничтожившее ряд городов. Память об этой катастрофе сохранилась в знаменитом мифе о потопе, который был найден в 70-х годах прошлого века среди табличек библиотеки царя Ашурбанипала. Впоследствии этот миф был перенят у вавилонян евреями (в виде библейского рассказа о всемирном потопе и о Ное, спасшемся от него). Европейские ученые узнали о древневавилонском мифе еще задолго до прочтения первого клинописного памятника. Миф этот влагается в уста великого мудреца Ут-Напиштира — вавилонского Ноя, который рассказывает о потопе своему потомку витязю Гильгамешу.

«Я хочу тебе открыть сокровение и тайны богов я тебе желаю повествовать. Шуриппак, город, который ты знаешь и который лежит на Евфрате, — древний, ибо вблизи его боги. Произвести потоп решило сердце великих богов; среди них отец их Ану, его советник — могучий Энлиль, вестник Ниниб и водитель Эннути. Эа, владыка премудрости, был с ними и поведал их решения дому, сплетенному из тростника: «Дом, дом, стена, стена, слушай и внимай. Ты, человек из Шуриппака, сын Убар-туту, строй дом, соорудай корабль, брось богатство, ищи жизни, возненавидь имущество и сохрани жизнь. Возьми в корабль семена жизни всякого рода. Корабль, который ты должен построить, должен иметь определенные размеры; его ширина и длина должны соответствовать». Я понял это и сказал своему владыке Эа: «Владыка, что ты повелел, я обдумал благоволейно и исполню, но что отвечать мне городу, народу, старейшинам?» Эа отверз свои уста и произнес ко мне, своему рабу: «Человек, так должен ты им ответить: Энлиль возненавидел меня, посему я не хочу жить в вашем городе и направлять взор на почву Энлиля, но пойду в океан и поселюсь у своего владыки Эа, и он ниспослет на вас обилье и дождь, птиц и рыб, обилье скота и плодов, когда вечером владыка мрака наведет на вас ливень»... (Лакуна, после которой следует описание построения ковчега, его размеров). Все, что у меня было в серебре, внес я туда; все, что было у меня в золоте, внес я туда; все, что у меня было в виде семян жизни всякого рода, взел я туда. Потом я ввел туда все свое семейство и близких, а также полевой скот, зверей и ремесленников; всем я

дал войти... Шамаш установил время: «когда владыка мрака вечером на- шлет ливень, тогда входи в корабль и запри дверь». Этот момент на- ступил... Лишь только началась зоря, с основания неба поднялось мрач- ное облако. Адад-загремел, Муяти и Лугаль пошли вперед, как вест- ники пошли они по земле и горам. Нергал вырывал мечту. Анунаки подняли факелы и осветили страшным сиянием всю землю. Буря Адада под- нимается к небу и превращает все светлое в мрак... Брат не видал брата, не узнавали людей на небе. Боги испугались потопа и поднялись на небо Ану: они присели в сцеплении, как псы. Иштар завопила, как рожаящая; жалобно кричала владычица богов прекрасноволосая: «Тот день да превратился бы в глину, когда я советовала злое в собрании богов. Как могла я тогда по- велеть злое и согласиться на бурю для гибели моих людей, чтобы люди, которых я родила, наполняли море, как дохлая рыба?» Боги и Анунаки пла- кали вместе с нею... Шесть дней и ночей бушевал ветер, потом ураган выметает землю. На седьмой день успокоилось море, ураган, буря и потоп прекратились. Увидев день, я увидел, что все человечество превратилось в глину. Я открыл окно, и свет упал на мое лицо. Я стал на колени, сел и плакал; слезы мои текли по лицу. Я выглянул... Через сутки выступил остров. К горе Низир причалил корабль: гора Низир удержала его и не позволяла ему качаться... Когда наступил седьмой день, я выпустил голубя. Голубь вылетел и вернулся: не было места для остановки, и он вернулся. Тогда я выпустил ласточку; полетела и вернулась, не было места для оста- новки, и она вернулась. Тогда я выпустил ворона, тот вылетел, увидел исчез- нение воды, стал есть (?) и не вернулся. Тогда я выпустил всех (?) на четыре ветра, принес жертву, совершил каждение на вершине горы, выставил семь и семь сосудов, насыпал под них кедрового дерева и мирры. Боги обоняли благоухания: они собрались, как мухи, над жертвователем»¹.

Мы полагаем, что каждый, прочитавший этот отрывок из истории вавилонского мифа и сопоставив его с библейским сказанием о потопе, с тасится с тем, что библейский миф является точной копией вави- лонского. Пожалуй, самая существенная разница та, что потоп в библии продолжался сорок дней, а в вавилонском мифе семь дней. В вавилонской религии в тот период, когда она становится религией земледельческого народа, мы находим наряду с астральными верованиями и миф об умирающем и воскресающем боге. Ведь для всякого земледельца является центральным это наблюдение великого единства двух противоположно- стей жизни и смерти на примере зерна, опущенного в землю. Оно умирает, но затем снова оживает в виде колоса, который в свою очередь умирает, будучи срезанным жнецами. Зерно этого колоса опять опускают в землю и т. д. Эта смерть и воскресение зерна дают новый смысл тому единству смерти и возрождения, которые человек наблюдает каждый год в природе, весной воскресающей и затем отмирающей под лучами жгучего солнца позднего лета.

Бога умирающего и вновь воскресающего вавилоняне почитали в лице бога Таммуза, который почитался в дни пророка Иезекииля даже в Иерусалиме. Про него рассказывали миф о том, что его полюбила богиня любви и плодородия Иштар, которая отправляется за ним в под- земное царство, когда он умер. О муках Иштар в подземном царстве рассказывает миф о схождения Иштар в преисподнюю.

«В страну без возврата... напугалась Иштар, дочь Сина... к дому мрака, жилищи Иркалы (т. е. Нергала), к дому, входящие в который не

¹ Тураев Б. А., Классический Восток, стр. 238—239; Тураев Б. А. и Бороздин И. Н., Древний мир, Восток, стр. 31—32.

выходят на стезю, не выводящую назад, к дому, вступающий в который изъят от света, к месту, где пищей служит прах, едой — земля, где не видят света и живут во мраке, где одеты, как птицы, в перья, где на вратах и засовах — прах»...

Подойдя к вратам, Иштар требует впуска:

«Привратник, открой свою дверь. Открой свою дверь, чтобы войти мне. Если ты не откроешь дверей и я не буду в состоянии войти, я разобью дверь, сломаю засов, сокрушу верев, оторву створки, выведу покойников. Они будут есть и жить, и станут мертвых больше, чем живых». («И ста- нет живых больше, чем мертвых» — согласно новому списку мифа, найден- ному недавно в архиве Ассур.) Страж докладывает об Иштар царице ада Эрешкигал. Та приходит в ярость и печаль и отвечает: «Ступай, страж, открой дверь, поступи с нею по древним законам». Иштар пропускают через все семь врат, снимая у каждого входа какую-либо часть одежды (тиару, серьги, ожерелья, нагрудник, пояс, запястье, передник), и она входит в пре- исподнюю нагая. Богини, встретившись друг с другом, злобствуют. Иштар запирают и насылают на нее шестьдесят болезней. Но в это время на земле прекращается любовь и грозит угаснуть всякая жизнь. Тогда Шамаш обра- щается к Сину и Эа; последний как премудрый бог создает какого-то Адушу- Намира и посылает его в преисподнюю. Тот является и достигает того, что Эрешкигал приказывает окропить Иштар живой водой и увести через все врата, возвращая ей ее одеяния. Точно так же и Таммуз был омыт чистой водой, умащен, одет в красное платье».

На вавилонской религии, как и на любой другой религиозной идеоло- гии, отразилось воздействие политической надстройки. Точно так же как вавилонское общество знало царя, так и боги Вавилона знали своего царя. Перемены в политическом господстве городов Вавилонии вызы- вали и перемены в религиозной надстройке. Господство Вавилона в силь- нейшей степени отражалось на мифологии. Об этом нам повествует особенно ярко миф о мироздании.

Миф о мироздании в вавилонской редакции был написан на таблет- ках, на каждой из которых описывается один из этапов мироздания. Это сказание повлияло на миф о мироздании у евреев. Еврейский миф, как известно, рассказывает о сотворении мира в течение семи дней. Вави- лонский миф о мироздании называется по первым своим словам: Энума- элиш (когда вверху).

Первая табличка может быть теперь почти полностью восстано- влена на основании нового материала из Ассур. Она начинается описа- нием первобытного хаоса.

«Когда горз-небо еще не получило имени (т. е. не существовало) и доле-суша не была вызвана, Апсу первобытный создатель, Мумму и Ти- амат, родившая всех их, смешивали свои воды. Не было поля, острова не было видно, никто из богов не произошел, никто не имел имени, не были определены жребии. Тогда были созданы боги...»

Перечисляется генеалогия богов: Лахму и Лахаму, Аншар и Кишар, наконец Ану, Энлиль и Эа. Против явившихся богов, мешающих их покою, Апсу и Мумму составляют заговор: причина — путь, т. е. спо- соб действия, новых богов, желающих порядка в хаосе. Апсу решает уничтожить богов, своих детей. Его жена Тиамат кажется не советует ему этого делать, но Мумму, играющий роль их визиря, решает дело в пользу Апсу и советует прибегнуть к самым суровым мерам. Когда боги

узнают о грозящей им опасности, их охватывает ужас, но мудрый Эа устраняет опасность. Заклинанием он усыпляет Апсу и убивает его, а Мумму он лишает мужества и связывает. После своей победы Эа строит себе на краю океана дом и жена ему рождает Аншара. Образ Аншара восхваляется самыми восторженными словами.

«С чрезвычайным искусством создан его образ. Его нельзя понять и трудно смотреть на него. Четыре глаза и четыре уха у него. Если он двигает своими губами, светится огонь. У него растут четыре уха, и столько же глаз усматривает все».

После гибели Апсу и Мумму остается непобежденная Тиамат. Она решает отомстить богам за смерть своего мужа и вооружается против богов. Она создает чудовищ, змей, драконов, сов, человеко-скорпионов, рыб-людей, всего одиннадцать, которые должны были помогать ей: старший из этих исчадий — Кингу — делается вместо Апсу ее супругом, предводителем полчищ и хранителем скрижалей судеб, которые она кладет ему на грудь со словами:

«Твое повеление будет неизменным, пусть тверже стоит изречение уст твоих» (табл. 2).

Об этих приготовлениях тот же мудрый Эа сообщает Аншару, который предлагает Ану идти в бой, но тот не мог встретить Тиамат и вернулся. То же случилось и с Эа. Тогда Аншар обращается к Мардуку (первоначально к третьему богу триады — Энлилю). Последний соглашается, но при условии, чтобы в случае победы ему было предоставлено первое место, особенно в деле определения судеб.

«Если я усмирю Тиамат и избавлю вас, соберите собрание, возвысьте и возвестите мою судьбу. Сядьте вместе в Упшуккинаг с радостью, я хочу своим вместо вашего голосом решать судьбы. Не должно быть изменено то, что я создал, не должно быть отменяемо повеление уст моих» (табл. 3).

Аншар созывает собрание богов и излагает им суть дела. Тогда

«великие боги, определяющие судьбы, прошли пред Аншара, наполнили его чертог, облобызались, сели пировать, ели белый хлеб, пили вино. Сладкий напиток лишил их смысла... они были утомлены и уступили Мардуку, своему отмстителю судьбы» (табл. 4).

Мардук как верховный небесный бог сел на трон; ему сказали:

«Ты прославлен более всех великих богов, твоя судьба несравнима, твое повеление — Ану, твое приказание — неотменимо, в твоей власти да будет возвышаться и унижаться... мы даем тебе царскую власть над всей вселенной, о Мардук, наш отмститель».

Мардук доказывает, что он способен творить чудеса. Перед глазами собрания он делает невидимым одеяние и снова возвращает его. Боги убеждаются в его могуществе и поощряют к битве. Мардук снаряжается. Он берет лук, стрелы, колчан, божественное оружие, молнию и сеть. Свиту его составляют ветры, главное его оружие впрочем было какое-то «абубу», может быть «поток пламени».

«Он создал новый злой ветер, ураган, стремительную бурю, четверной ветер, седьмеричный ветер, вихрь, невыносимую бурю. Он выпустил все ветры, созданные им, все семь, чтобы смутить Тиамат...»

Затем он восходит на боевую колесницу и мчится на бой, произнося заклинания и держа в руках «траву волхования». Воинство Тиамат приходит в ужас, но сама она обращается к Мардуку с дерзкой речью. Тот упрекает ее в отпадении от богов. Затем после словесного начинается действительный бой. Сходятся Тиамат и вождь богов Мардук на битву и бой. Владыка простирает свою сеть, схватывает ее, пускает против нее бурный ветер. Когда Тиамат открыла пасть, чтобы поглотить его, он вгоняет туда ураган, чтобы она не могла закрыть рта. Ветры наполнили ее тело. Он пронзил ее копьем, разорвал, разрезал внутренности, растерзал внутренности, уничтожил ее жизнь, труп бросил и стал на него.

Потом он ловит свиту и чудовищ Тиамат и связывает их, наконец и самого Кингу, у которого исторгает скрижали судеб. Затем он возвращается к трупу Тиамат, разрубает его на две части, половину поднимает вверх и делает небом, запирает засовом и приставляет сторожей, чтобы не давать воде излиться... измерив океан, владыка воздвиг великий дворец, подобный ему — Эшару, в дворце Эшара, который он выстроил как небо, он дал жить Ану, Энлилю и Эа в их городах».

Таким образом вавилонская триада поселилась во дворце, который является символом вселенной. Табличка пятая подробно рассказывает о сотворении небесных светил, знаков Зодиака и их отношении к двенадцати месяцам северного полюса; затем в потерянной части очевидно речь шла о создании растений и животных. Ценные пополнения дает архив Ассур для шестой таблички, повествующей об увенчании творения созданием человека. Они начинаются следующими торжественными словами:

«Услышав речь богов, Мардук пришел к мысли сотворить премудрое. Он отверз уста свои и сказал богу Эа то, что он мыслил в глубине души, сообщил ему: «Кровь соберу я, кости соберу я, состворю человека, именно человека хочу я... создать человека, чтобы он жил на земле и чтобы на него было возложено служение богам и чтобы те имели (т. е. боги) покой».

По совету Эа боги убивают Кингу — соратника Тиамат, из его крови создают людей. В благодарность за благодеяние Мардука боги решают сделать ему подарок и построить ему небесный Вавилон с храмом Эсагила, в котором они могли бы отдыхать во время посещения своего владыки. Храм заканчивается на второй год работы, и боги справляют пир, во время которого лук Мардука устанавливается на небе. После гимна в честь Мардука боги призываются назвать его пятьдесят имен. Боги снова собираются в зале Упшуккинаки и прославляют Мардука. Седьмая табличка содержит гимн ему как творцу вселенной и перечисление пятидесяти имен его, соответствующих проявлениям его силы. Между прочим читаем здесь следующее:

«Он дает жизнь мертвому, он, умилосердившийся над пленными богами и снявший иго с богов. Создал он людей для их избавления, милосердный. В его власти оживлять. Да будут непоколебимы и незабыты изречения его в устах черноголовых, которых создали его руки»¹.

Мы видим таким образом в этом мифе мироздания ту громадную роль, которая приписывалась богу Мардуку — главному богу Вавилона. Эта роль стала ему приписываться лишь тогда, когда Вавилон захватил власть над прочими городами. Вавилоняне усиливают значение своего бога, создавая концепцию монотеизма.

Согласно этой концепции все боги Вавилонии являются не чем иным, как функциями единого бога Мардука. Ниниб Мардук — силы, Небо Мардук — мудрости, Нергал Мардук — разрушения и т. д. Так же были перенесены на Мардука черты мифа в умирающем и воскресающем боге в новогодний праздник, когда прочитывался миф о мироздании и прославлялся Мардук.

О страстях Бэл (господина) Мардука и о его конечном торжестве повествует текст, изданный в 1917 г. Согласно этому тексту Мардука задерживают у судилища горы, т. е. подземного царства. Его допрашивают, потом бьют и наконец вводят в гору. Вместе с ним вводят и убивается преступник. После исчезновения Бэла-Мардука начинается в городе смута и разгорается бой. Уносят одежды Бэла, и какая-то богиня вытирает кровь его сердца. В горе Мардук томится вдали от солнца и света и охраняется подобно пленнику стражами. Жена Бэла-Мардука спускается за ним в подземное царство и ищет его у ворот погребения. Мардук выводится из горы к новой жизни.

Этот любопытнейший текст доказывает нам, что миф о Бэла-Мардуке соответствовал мифу о Таммузе и что праздник нового года имел характер мистерии. Интересно отметить и некоторую близость рассказа о страстях Бэла-Мардука со страстями Христа. Может быть в связи с этими мистериями о страстях Бэла-Мардука стоит упоминание греческих писателей о гробнице древнего Бэла в Вавилоне.

Классовая сущность вавилонской религии особенно рельефно выявляется в молитвах, которые на первый взгляд, казалось бы, лишены непосредственного выражения классовой сущности. Для примера возьмем гимн в честь Шамаша:

«Могучие горы полны сиянием твоим, твой свет наполняет все страны. Ты могуч над горами, созерцаешь землю, питаешь на краях земли, — среди неба. Ты властвуешь над жителями всей вселенной, все, что создал Эа, царь и советник, пасешь всю тварь: ты пастырь всех горных и дальних... Ты управитель света вселенной. Ты проходишь пространное и далекое море, глубины которого не ведают Игиги, и твой свет проходит в глубину. Волны созерцают его... Среди всех богов вселенной никто не превосходит тебя... Твоя великая сеть простерта против того, кто желает жены искреннего своего... Его достигает твое оружие, нет ему защитника... на суде не стоит за него отец: он карается железной клеткой. Ты сокрушаешь рог того, кто замышляет злое, неправого судью ты заключаешь в темницу, ты казнишь того, кто берет взятки. К тому, кто не берет мзды и заботится об угнетенных, Шамаш милостив, и дни его продолжены. Судья, изрекающий справедливый приговор, окончит свой дворец, его жилище будет домом князя. Семя неправедных не будет сильно. Ты отвергаешь изречения того, чьи уста полны лжи... всякий, кто бы ни был, находится под твоим попечением; ты даешь им знание, разрешаешь связанные, слушаешь мольбы, молитвы и призывания, поклонение и падение ниц! Несчастный громогласно взывает к тебе, слабый, утесненный, нищий — молится тебе. Удаленный от своего семейства и города... взывает к тебе. О Шамаш, к тебе прибегают пугливый, полный страха, странствующий купец, юный торговец, носитель кошелька с золотом. О Шамаш, тебе молятся

рыбак с сетью, охотник, мясник, погонщик скота... идущий по степным дорогам прибегает к тебе, равно как и блуждающий мертвец и скитающийся дух покойника. О Шамаш, все они молятся тебе, и ты не отвергаешь молящихся... ты на четыре ветра исследуешь их положения... Ты принимаешь их светлые возлияния и пьешь их чистое вино, осуществляешь их желания. Ты разрушаешь оковы связанных и слушаешь молитвы величающих тебя. А они боятся тебя и чтут имя твое и вечно славят величие твое»¹.

Внешне кажется, что этический характер этого гимна является бесклассовым, богу молятся и от бога получают помощь и слабый, и нищий, и торговец, носитель кошелька с золотом. К богу обращаются все: рыбак, пастух и т. д. Казалось бы, что все люди без исключения получают таким образом помощь от бога. Но мы не должны забывать, что перед нами рабовладельческое общество, господствующим классом которого была свободная часть населения Вавилонии — как бедные, так и богатые. Классовая линия проходит по отношению к рабам. О рабах ни один из гимнов и молитв не упоминает ни слова.

Что касается заупокойного культа, то он в Вавилонии, в противоположность Египту, был не особенно развит. Вавилоняне из религии об умирающем и воскресающем боге не сделали вывода о воскресении плоти человека, как египтяне.

Вавилоняне, стоявшие на несколько более высокой ступени общественного развития, нежели египтяне, верили в то, что удел человека, рожденного женщиной, — смерть и преисподняя. Уже в древнем Сумире мы находим миф о том, как люди, которые пребывали первоначально в раю, были изгнаны из рая и потеряли таким образом надежду на бессмертие. В сумерийском раю были два дерева, точно так же как и в раю библии. Одно дерево, или вернее тростник, называлось «тростником, устанавливавшим одежду», а другое называлось «тростником, освобождавшим от смерти». Когда человек сорвал плод от тростника, устанавливающего одежду, бог обращается к согрешившему человеку со следующими словами:

«Прекрати рыдания свои. От места моего иди в пустыню. Ко мне, за то что ты рвал с дерева, которое устанавливает одежду, ты как изгнанный уже не вернешься». «Тростник, освобождающий от смерти малых из малых (т. е. людей), не должен быть взят (человеком)».

«Дерево, которое устанавливает (пользование) одеждой», очевидно указывает на то, что человек, вкусивший от него, чувствовал потребность скрыть свою наготу. Кроме упоминания о дереве, в речи бога нипурской таблички интересны последние слова: «Тростник, освобождающий от смерти малых из малых (т. е. людей), не должен быть взят (человеком)». Эти слова нам указывают на истинную причину изгнания человека из рая. Боги боятся, что человек, вкусивший дерева познания добра и зла, сорвет и плод от дерева жизни и уподобится тогда и в бессмертии богам, в бессмертии, которое боги оставили себе, дав человеку в удел смерть и преисподнюю. Может быть и в первоначальной редакции библейского рассказа о рае и грехопадении были два дерева: «дерево познания добра

¹ Тураев Б. А., Классический Восток, стр. 250; Тураев Б. А. и Бородин И. Н., Древний мир, стр. 29—30.

и зла» и «древо жизни», и люди были изгнаны богом из рая по тем же соображениям, что и в сумерийском мифе из Нишпура¹.

Тот же миф о невозможности для человека достигнуть бессмертия мы имеем в мифе о витязе Гильгамеше. Этот «миф о Гильгамеше», великом царе Урука, был популярен во все периоды вавилонской истории. Окончательная редакция его в библиотеке царя Ашурбанипала была написана на 12 табличках. Этот вавилонский миф повлиял на греческие мифы о Геракле и Одиссее. Вспомним, что эпос об Одиссее был написан в 24 песнях (два раза по двенадцать).

Первые слова сказания о Гильгамеше даже напоминают первые слова «Одиссеи».

«О том, кто все видел до края вселенной,
Кто скрытое ведал, кто все постиг,
Испытывал судьбы земли и неба,
Глубины познания всех мудрецов.
Неизвестное знал он, разгадывал тайны,
О днях до потопа принес нам весть,
Ходил он далеко и устал, и вернулся,
И выбил на камне свои труды.
Стеною обвел он Урук блаженный
Чистого храма, Эанны святой
Золотил основание, меди прочнее,
И высокие стены, с которых жрецы не сходят,
Заклучил в них надпись на камне, лежащем
там издревле».

Гильгамеш, царь Урука, как нам повествует древневавилонский текст, угнетает народ Урука постройкой стены города. Люди обращаются с мольбой к богам:

(Табл. 1) (Премудрый тайновидец) «он тот, кто ведал все», — (первые слова эпоса, употреблявшиеся как его название) — на две трети бог и на треть человек, Гильгамеш, сын богини Эреха Нинсун, царствует в древнем Эрехе. Он задумал окружить свою столицу стенами и выстроить в ней храм Ану и Иштар. Население изнемогает от тяжелой работы и обращается к богам. Те повелевают создательнице людей Аруру сотворить для Гильгамеша соперника: «пусть они померятся силой, и Эрах успокоится». Аруру создает из глины Энкиду, «подобие бога Ану», звероподобного богатыря, обросшего волосами, живущего со скотом и наделенного сверхчеловеческой силой. Свести его с героем эпоса выпадает на долю какого-то охотника, которому он помешал охотиться, защищая от него дорогих для себя зверей. Охотник берет с собою гиеродулу, которая соблазняет Энкиду. После этого звери бегут от Энкиду, и ему остается идти в город жить с людьми. «Пойдем к лучезарному дому, жилищу Ану и Иштар, где пребывает могучий Гильгамеш и, как дикий телец, угнетает людей». Энкиду и женщины идут в Эрах (табл. 2), где Гильгамеш уже предупрежден о них сновидениями, истолкованными его матерью, которая советует ему подружиться с пришельцем. Он вышел навстречу ему и предложил хлеб, переломив его, и пиво. Энкиду не понял. Его спутница сказала

ему: «Ешь хлеб — это сообразно с жизнью, условиями и судьбой земли». Он ел и пил, помазал свое тело, оделся и «стал, как человек». Ему стало радостно. Он поднял свои глаза и увидел Гильгамеша. Гневно спросил он гиеродулу, что нужно ему. Та удивилась его поведению и стала уговаривать его перейти к культурной городской жизни, которую ведет Гильгамеш. Он послушался, пошел в Эрах, где все стали рассматривать его с любопытством. В центре города герои встретились и «посвятили свои оружия». Энкиду сделался спутником Гильгамеша и после единоборства не пустил его к сластолюбивой богине Ишхаре, ибо им предстояло тяжелое предприятие, исключавшее отвлечение в сторону. Герои делают друзьями и задумывают, по указанию Шамаша, сообща поход против Хумбабы (вероятно олицетворение Элама, исконного врага Сумира), голос которого подобен урагану и которого «на страх людям поставил Энлиль охранять кедр» (табл. 3). Это тем более необходимо, что Энкиду не нравится в Эрехе. Он проклинает свою спутницу, заманившую его из его полей. Гильгамеш, осыпавший его почестями в городе, скорбит об этом. Бог Шамаш с неба успокаивает Энкиду и убеждает благодарить сожительницу, сделавшую его человеком, напिताвшую его пищей богов и напоившую питием царей, облачившую в одеяние и сблизившую с Гильгамешем, который заставил князей земли лобызать его ноги и весь Эрах сострадать его скорби. Однако Энкиду все-таки не может успокоиться. Его преследуют страшные сны. Ему снится, будто он перенесен демоном смерти в ад, который он видит со всеми его ужасами и обитателями. Между прочим он видит там древнего героя Этану, о котором повествуется в особом мифе, что он на орле возносился на небо к престолу Иштар для получения волшебной травы, чтобы помочь в родах его жене, беременной будущим царем. Уже почти достигнув цели, он бросил взгляд вниз, испугался и вместе с орлом низвергся в преисподнюю (табл. 4). Герои собираются в путь, чтобы исполнить повеление Шамаша — наказать несправедного Хумбабу. Гильгамеш прощается со старейшими города и вместе с Энкиду идет к своей матери и «буйволице Нинсун». Последняя совершает за них на крыше дома напутственную жертву Шамашу и молится об их успехе и благополучном возвращении. Прибыв к кедровому лесу, герои ужасаются, увидев Хумбабу. Энкиду падает духом, но Гильгамеш ободряет его (табл. 5).

«Они стояли и осматривали лес, удивлялись высоте кедра, разглядывали вход в рощу, где Хумбаба ходит умеренной походкой. В порядке дороги, хорошо устроены пути. Они осматривали кедровую гору, жилище богов, святилище Эрнину. Перед горой кедр возвышает свою пышную полноту. Его тень полна ликованья».

Боги посылают им различные сны, между прочим предвещающие гибель Хумбабы. Последний действительно убит (табл. 6). Победоносным и прекрасным героем увлекается богиня Иштар.

«Сюда, Гильгамеш, — говорит она, — будь моим любимцем, я буду твоей женой... Перед тобой преклонятся цари, господа, князья... из городов и из стран будут приносить тебе дары».

¹ Тураев Б. А., Классический Восток, стр. 270—271.

Но Гильгамеш отвечает:

«Есть ли такой любовник, которого ты любила постоянно? Есть ли такой юноша, который был бы всегда тебе приятен? По Таммузе, любимце твоей юности, плачут ежегодно из-за тебя. Когда ты любила пестрого пастуха-птицу, ты разбила ему крылья, и в лесу кричит он, как «каппи» (крылья мои). Любила ты и льва, «совершенного по силе, но выкопала ему семь ям...»

Дело идет о жестокой богине сладострастия, превращающей своих любовников в животных или умерщвляющей их.

«И со мною будет то же».

Иштар, оскорбленная, уходит на небо и жалуется своему отцу Ану. По ее просьбе он создает небесного быка и посылает его на Эрех. Страшный бык своим дыханием убивает сотни людей. Но герои после долгих усилий одолевают его. Иштар появляется на стене Эреха и проклинает их. Тогда Энкиду бросает в нее правое бедро быка со словами:

«Если бы я достал тебя, поступил бы с тобою так же».

Иштар созывает своих гиеродул и начинает плач над бедром. Гильгамеш жертвует рога быка своему богу Лугальмарадде. Затем герои омывают руки в Евфрате и возвращаются в город, где их приветствуют собравшиеся жители.

Во дворце устраивается празднество, после которого Энкиду опять видит сны (табл. 7 и 8). Энкиду заболевает и через двенадцать дней умирает, его трогательно оплакивает друг:

«Энкиду, мой друг, пантера поля, который... когда мы восходили на гору, одолевали небесного быка, повергали Хумбабу, обитателя кедрового леса! Что это за сон... который теперь овладел тобой? Ты мрачен и не слышишь моего голоса» (табл. 9).

Гильгамеш скорбит и боится участи друга. Он желает получить бессмертие и отправляется в далекое путешествие разыскивать своего предка по имени Ут-Напштигим — «Он обрел жизнь» (другое имя Кси-суфр-Атрахасис), удостоившегося вечной жизни. Пройдя пустыню, он проходит горным проходом, где сидят львы, затем к горе Машу. Здесь, на краю света, охраняют вход

«Люди-скорпионы» — муж и жена; «ужас от них страшен, их взгляд — смерть, сияние их ужаса потрясает горы, они охраняют солнце при восходе и закате».

На вопрос о причине своего прихода Гильгамеш отвечает, что он направляется к своему предку, вознесенному к богам. Скорпионы-люди выставляют ему на вид трудности пути через мрачные горы, но, видя его непреклонность, пропускают. Двенадцать двойных часов идет Гильгамеш через горы. Потом приходит он в дивный сад богов, где вместо плодов рождаются драгоценные камни. Непосредственно к нему примыкает море (табл. 10). Богиня Сидури-Сабиту, восседающая на морском престоле, еще издали увидав Гильгамеша, запирает ворота. Гильгамеш грозит разбить их, и она пропускает его, но спрашивает о причине странного путешествия. Он говорит, что его друг, с которым они совершали столько подвигов, похищен смертью, и, желая избежать

такой же участи, идет за советом к предку. Нимфа отвечает ему (по древней редакции):

«Гильгамеш, куда ты стремишься? Жизни, которой ты ищешь, ты не найдешь. Ты же, Гильгамеш, лучше наполняй свой желудок, веселись день и ночь, ежедневно устраивай торжества, пляши и ликуй. Пусть твои платья будут чисты, голова вымыта водой. Смотри на младенца, которого держит твоя рука, и пусть жена твоя радуется в твоих объятиях».

Но Гильгамеша не соблазняют временные радости жизни. Он непреклонен и говорит, что, если его не пустят, он останется в пустыне. Нимфа отвечает:

«Нет, Гильгамеш, перевоза, и никто еще от века не переходил моря. Через море перешел могучий Шамаш, а кроме него кто другой? Недоступно место перевоза, затруднителен к нему путь, и глубоки воды смерти, находящиеся перед ним».

В конце концов Сабиту находит исход и указывает Гильгамешу на находящегося вблизи матроса, который некогда перевез Ут-Напштигима. После расспросов и объяснений Гильгамеш едет и уже на третий день достигает «вод смерти», на которых обыкновенно путь длится полтора месяца; благополучно, хотя и с невероятными трудностями и при помощи всевозможных приспособлений, проходят они и по опасным водам смерти, сопряженное с которыми причиняет смерть. Ут-Напштигим, увидав издали корабль, дивится новым пришельцам из мира. Затем описываются встреча, расспросы и речь Ут-Напштигима о смерти, которая заканчивается так:

«Разве мы строим дом навеки? Разве мы прикладываем печати на века? Навеки ли делятся братья? Для вечности ли рождаются на земле дети? Разве при наводнении течет река постоянно? Разве смерть не господствует от начала мира? Новорожденный и покойник... разве не являются одинаково образом смерти? После того как страж и привратник (два демона) приветствовали усопшего, собираются Аннунаки — великие боги. Маммету, вершительница судеб, решает с ними участь, приговаривает к жизни или смерти. Дни смерти не исчислены (ибо они — вечность)» (табл. 11).

Гильгамеш не довольствуется этим общим местом. Он приступает к исполнению задачи своего прибытия и обращается к предку.

«...Ут-Напштигим, я смотрю на тебя и не вижу перемены, — ты, как и я... как ты вступил в сонм богов и обрел жизнь?»

Ут-Напштигим рассказывает о потопе (см. выше).

«...Владычица богов явилась и подняла ожерелье, приготовленное Ану по ее желанию, и возгласила: «Если я не хочу забыть драгоценное украшение моей шеи, то не забуду и этих дней и буду их помнить вовеки. Пусть боги собираются на казнение, но Энлиль не должен на него являться, ибо безрассудно устроил потоп и навел гибель на моих людей». Когда явился Энлиль, он увидел корабль и разгневался и исполнился ярости на богов и Игиги: «Разве спасся кто-либо, какое-либо существо? Ни один человек не должен был остаться в живых в этой казни». Ниниб отверз уста свои и сказал: «Скажите могучему Энлилю: кто делает дела кроме Эа, ведь он знает все». Эа отверз свои уста и сказал могучему Энлилю: «Премудрейший из богов, могучий. Как ты это не подумал и устроил потоп? Возложи на грешника его грехи, на злодея — его злодеяния, но будь милостив, не уничтожай (человечества). Вместо того, чтобы посылать потоп,

можно было пустить львов и уменьшить число людей, могли бы появиться леопарды (?), восстать и уменьшить число людей, мог возникнуть голод и наказать страну, мог подняться бог чумы и казнить людей. Я не открывал тайны богов. Но позволил Атрахасису увидеть сны, и он узнал тайны богов. Теперь же составляйте совет». Энлиль вошел в корабль, взял меня за руки, повел мою жену наверх и поставил ее рядом со мною на колени, коснулся наших плеч, стал между нами и благословил нас: «Прежде Ут-Напиштим был человеком, теперь Ут-Напиштим и его жена будут богами, как мы. Они должны жить далеко, у устьев рек». Затем они взяли меня в страну к устью рек и поселили».

После этого рассказа Ут-Напиштим советует Гильгамешу при отсутствии божества, которое могло бы его взять к себе, попытаться добиться бессмертия, победить подобие смерти — сон. Это не удастся: утомленный путешествиями, он засыпает, не дождавшись приготовления женой Ут-Напиштима семи магических хлебов, которые должны были поддержать его в бодрствующем состоянии. Герой горько жалуется. Ут-Напиштим поручает перевозчику доставить его в «место омывания», а затем отправить в обратный путь. По просьбе жены, жалеющей не добившегося ничего героя, он в напутствие указывает на волшебную траву, растущую на дне моря. Гильгамеш спускается на дно, привязав к ногам камни, и достает ее, траву бессмертия и счастья; имя ей — «человек делается юн». Он возвращается с моряком в Эрех, но когда Гильгамеш на пути моется в цистерне, его волшебную траву похищает змея. Он громко жалуется (табл. 12). Гильгамеш не может успокоиться. Не добившись бессмертия, он хочет по крайней мере собрать сведения о загробном мире, которого ему теперь не миновать, и для этого войти в сношения с духом Энкиду. Сначала он обращается к своей матери Нинсун. Та дает ему указания, как следует вызывать покойников. Необходимо самому раздеться до нага, быть бесстрастным, не брать оружия и т. п. Гильгамеш упустил одно из многочисленных предписаний, и опыт не удался. Тогда Гильгамеш обращается к великим богам, но к нему снисходит только друг людей Эа и повелевает Нергалу вывести Энкиду из ада, «подобно ветру». Энкиду медлит, ибо ему нечем утешить друга:

«Если я поведаю тебе законы земли, какие я видел, ты будешь целый день сидеть, рыдая».

Он рисует ему уже известную нам безотрадную картину преисподней: только павшие в бою изъяты из общей участи:

«Он лежит на одре и пьет светлую воду... Отец и мать утешают его; жена его при нем...»

Особенно же печальна судьба лишенных погребения и тех, о заупокойных дарах которых некому позаботиться¹.

О примитивности религиозной надстройки говорит нам та громадная роль, которую продолжала играть магия, направленная против злых духов, которые ниспосылали на человека всякое зло. Вот как описывает вавилонский текст действие этих духов:

«Семеро их, семеро их,
В надземной бездне семеро их,

¹ Тураев Б. А., Классический Восток, стр 235—240.

В недрах подземных бездны возвращены они,
Ни мужского они пола, ни женского...
Они — разрушительные вихри,
Жен они не берут, детей не рожают,
Жалости и сострадания они не знают,
Молить и просьб они не слышат...
Они — вскормленные на горах кони,
Враждуют они с Эа,
Могучи среди богов они,
Становятся на дороге, приносят горе в пути.
Злые они, злые они...
Семеро их, семеро их, семеро их и еще раз семеро их...»².

Злые духи изображались в виде статуэток, и образы их повлияли на изобразительное искусство народов древности. Наряду с злыми духами вавилоняне верили в колдунов и колдуний, которые, как и духи, соревнуются во всевозможных кознях против людей. Защитой против них были заклинания жрецов-заклинателей:

«Образы семи и семи колдуний
Предал я богу огня,
В чаше с углем сжег я их.
Гирру, сожги колдуна и колдунью.
Гирру, спали колдуна и колдунью.
Гирру, сожги их.
Гирру, спали их.
Гирру, одолей их.
Гирру, истреби их.
Гирру, унеси их». «Колдунья-чародейка
Сидит в тени в углу стены,
Сидит и готовит чары мне,
Делает изображения мои.
Я пошлю тебе колтопан — траву и сезам,
Я разрушу чары твои,
Поверну слова твои назад и уста твои,
Колдовство, что готовишь ты, против тебя пойдет,
Образы, что делаешь ты, изобразят тебя»².

Если заклинания, которые произносились жрецом-заклинателем, спасали, по мнению вавилонян, человека от уже наступившего зла, то искусство жреца-предсказателя должно было спасти человека от грядущего зла. Вавилоняне верили в возможность предсказания будущего по движениям небесных светил, по особенностям небесных светил и небесных явлений в тот или иной момент, по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных, по зловещим или благожелательным явлениям повседневной жизни и т. п. Ряд этих суеверий был воспринят античным обществом и через него был унаследован европейскими народами. Вполне понятно, что жрецы играли большую роль как знатоки гимнов, мифов, молитв, заклинаний, искусства пророчества. Мы знаем в Вавилонии многие разряды жрецов. Для выполнения разных функций требовались некоторые физические достоинства. Сосредоточием культа являлись храмы, центральной частью которых были знаменитые вавилонские

¹ Ковалев С. И., Курс всеобщей истории, т. I, стр. 292—293.

² Там же, стр. 293.

бапни. Некоторые из них были трехэтажные, посвященные трем главным богам — Ану, Энлилю, Эа, или семиэтажные, — посвященные семи богам (Шамашу и т. д.).

Култ был чрезвычайно пышным; употребляемые сосуды были из золота. Ежедневно доставлялись десятками жертвенные животные и много хлеба и вина. Жрецы играли крупную роль в хозяйстве страны, так как многие из них были людьми грамотными.

Письмо в вавилонском обществе возникло очень рано. Древнесумерийское рисуночное письмо быстро приняло форму клинописи. Это зависело от того, что материалом для письма являлась глина, на которой знаки легко принимают форму клиньев.

Из наук, достигших большого развития, выделялись астрономия, математика — столь необходимая для ирригационного хозяйства. Вавилонская математика и астрономия повлияли на соответствующие научные дисциплины Греции. На Грецию оказали также влияние исчисления вавилонского времени (календарь) и система мер и весов.

Медицина, необходимая в столь густо населенной стране, как Вавилония, стояла тоже на довольно высокой ступени развития, хотя она менее, чем астрономия, могла вырваться из оков магии. Заклинания до последнего времени играли значительную роль в вавилонской медицине.

Вавилоняне тщательно записывали события и из них составляли анналы, которые охватывали периоды в несколько тысяч лет.

Вавилонская культура достигла высокого развития, во многих отношениях может быть не менее высокого, нежели культура греческого рабовладельческого общества, хотя надо решительно предостеречь против панвавилонских увлечений (стремлений выводить культуру из одного центра — Вавилона).

Но внутренний строй рабовладельческой формации вызвал в Вавилонии, как в Греции и Риме, одни и те же проявления отращения, столь характерные для общества обреченного.

Подобно греческому миру, вавилонский мир знал своего философа — Егесия Пейзитаната (призывающего к смерти). Произведение этого вавилонского философа, призывающего к смерти, проповедывающего отращение к жизни, сохранилось в нескольких копиях. Содержанием этого любопытного текста служит диалог между неким господином и его рабом.

Все части диалога построены по одной и той же схеме. Господин обращается к рабу с требованием быть готовым к его услугам, на что раб отвечает полным согласием. После этого введения вельможа высказывает какое-нибудь определенное желание. Раб одобряет данное желание, указывая на его ценность для достижения человеком счастья. Затем вельможа отказывается от только что высказанного им желания, а раб всецело одобряет и этот отказ, приводя в пользу его также сильные аргументы. Вывод из диалога ясен, — тщетность всех человеческих надежд, надежд на счастье или удовлетворение в милости царя, пирах, охоте, мести или прощении, любви к женщине и т. д.

«Я хочу любить женщину», — говорит вельможа. «Люби же, о владыка мой, люби же, — отвечает раб, — ибо человек, который любит женщину,

забывает горе и скорбь». «Нет, я раб женщин, я не хочу любить». «Не люби, владыка мой, не люби. Женщина — это ловушка охотника, глубокая яма и ров. Женщина — это острый железный кинжал, который перерезает горло человека».

«Подымись на холмы разрушенных городов, пройди по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкою зла и кто из них был владыкою добра».

«Обманчива надежда на благодарность людей и бесполезно для человека оказывать благодетельство, так как смерть уравнивает удел злодея и того, кто творит добро».

«О раб, будь готов к моим услугам». — «Да, мой владыка, да». — «Теперь что же, хорошо». — «Сломать шею мою и шею твою и кинуть в реку — это хорошо. Кто столь высок, чтобы взойти на небо, и кто столь велик, чтобы заполнить землю». — «Нет, о раб, я хочу тебя убить и поставить тебя итти передо мной». — «Воистину только три дня будет жить владыка мой после меня»¹.

АССИРИЯ

Ассирийцы — народ, говорящий на семитическом языке, чрезвычайно близком к языку вавилонских семитов, жили издревле в горной области, к востоку от среднего течения реки Тигра. Эта горная область имела сравнительно немного земли, удобной для земледелия. Поэтому население должно было наряду с хлебопашеством заниматься скотоводством и охотой в лесах, которыми изобиловала страна.

Суровая горная страна закалила ассирийское население, состоявшее из мелких земледельцев, скотоводов и охотников. Воинственные ассирийские племена рано спустились с гор и заняли плодородную долину Среднего Тигра, превратив силою оружия коренных жителей этой области — субарийцев — народ, говоривший на яфетическом языке — в своих крепостных. Главным городом в эту древнейшую эпоху был Ассур, расположенный на юге долины Среднего Тигра. Вообще «Ассуром» назывались страна, столица и главный бог ассирийского народа.

Уже в очень раннее время (в начале третьего тысячелетия) ассирийцы основали свои колонии в Малой Азии — в Каппадокии. Колония эта быстро расцвела как посредник, передающий металлы и дерево Малой Азии в Ассирию и Вавилонию. В эпоху Аккада колония в Каппадокии, которую начинает теснить туземное население Малой Азии, обращается за помощью к Саргону — царю Аккада (ок. 1750 г. до н. э.). III династия Ура приняла каппадокийские колонии в состав своего государства. После же III династии Ура история Каппадокии и Ассирии на некоторое время прерывается. Ассирия становится жертвой иноземного завоевания. Митанийское государство, расположенное на севере Месопотамии, захватывает Ассирию, и свободной последняя становится лишь в эпоху Телль-Амарны. В архиве царя-еретика (Эхнатона), хранившего переписку с государями иноземных стран, сохранились и письма ассирийского царя Ассурбубалита, который победил митанийцев и сделал Ассирию самостоятельной. С этого времени начинается подъем ассирийского государства, и Ассирия выступает в качестве завоевателя в пределах Сирии. Она становится опасным противником и для хеттов и для Вавилонии. Она расширяет свои границы далеко на север, в пределах Малой Азии и даже Армении. Около 1150 г. до н. э. при Тиглатпиласстре ассирийские войска достигают даже пределов Средиземного моря.

Причины такого успеха лежали в том, что в эту эпоху ассирийцы

слились с побежденными ими субарийцами и тем самым значительно увеличили свою мощь. Причины же падения мощи ассирийского народа после XII в. до н. э. были вызваны очевидным тем, что завоевания принесли разложение ассирийского общества. Из деловых документов, которые дошли до настоящего времени от эпохи первых завоеваний Ассирии, вырисовывается значительное развитие ростовщического капитала, который, как мы знаем, вызывал резкую социальную дифференциацию. Наряду с богатыми, владевшими большим количеством рабов и земель, появляются бедные, которые не могут играть роли в ассирийском ополчении.

Древние ассирийские законы, дошедшие до этой эпохи, рисуют общество, в котором основным классовым делением были свободные и рабы. Наказания в этом судебнике чрезвычайно жестоки: избивания, поливание горячим асфальтом головы, изуечение и т. д., — жестокости, вполне понятные в обществе воинов.

После XII в. ассирийская история снова становится нам мало известной, ввиду того что мы не имеем достаточной документации этого периода. В IX в. Ассирия опять выступает грозным противником для окружающего мира благодаря походам царя Ашурнасирпала (885—860 гг.). Царь Ашурнасирпал расширил границы Ассирии далеко за пределы страны. Он направляет свои удары и на север и на юг, захватив в свои руки некоторые части Вавилонии, а также Харранскую область на севере Месопотамии. Превратив эти области в свои провинции, Ашурнасирпал стремится продвинуться и дальше на запад — к Средиземному морю. Однако здесь Ассирии пришлось столкнуться с мощным торговым обществом — Дамасским государством. Дамаск, опираясь на союзные с ним еврейские государства, отразил врага.

Походы царя Ашурнасирпала дали ему возможность развить большую строительную деятельность на севере долины Среднего Тигра. Эти походы и строительная деятельность Ашурнасирпала ярко отражены в надписи его дворца, сохранившейся во многих копиях (одна из них на рельефе дворца Ашурнасирпала сохранилась в Эрмитаже).

Надпись Ашурнасирпала

«Дворец Ашурнасирпала, высшего жреца бога Ашура, избранника богов Бела и Нинипа, любимца богов Ану и Дагана, почитателя великих богов, могучего царя, царя множеств, царя Ассирии, сына Туклат-Нинипа, великого царя, могучего царя, царя множеств, царя Ассирии, сына Рамман (или Хадд)-Нирара, царя множеств, царя Ассирии (Ашурнасирпал) — славный воин, который шествует под покровительством царя своего Ашура, своего господина, и который среди царей четырех частей света себе не имеет подобного. (Он) — удивительный пастырь, не боящийся сопротивления, могучая волна, которой нет противника; (он — царь, опрокидывающий непокорных, который покоряет все множество людей), (он) — могучий самец, наступающий на своих врагов, попирающий всех неприятелей, рассеивающий замыслы мятежников, (он) — царь, который шествует под покровительством своих господ — великих богов, рука которого овладевает всеми странами, покоряет все гористые местности и берет с них дань, (он — царь), который захватывает заложников и налагает законы на все страны. Когда бог Ашур, мой господин, давший мне мое царское имя и возвеличивший мою царскую власть, простер

и зла» и «древо жизни», и люди были изгнаны богом из рая по тем же соображениям, что и в сумерийском мифе из Ниппура¹.

Тот же миф о невозможности для человека достигнуть бессмертия мы имеем в мифе о витязе Гильгамеше. Этот «миф о Гильгамеше», великом царе Урука, был популярен во все периоды вавилонской истории. Окончательная редакция его в библиотеке царя Ашурбанипала была написана на 12 табличках. Этот вавилонский миф повлиял на греческие мифы о Геракле и Одиссее. Вспомним, что эпос об Одиссее был написан в 24 песнях (два раза по двенадцать).

Первые слова сказания о Гильгамеше даже напоминают первые слова «Одиссеи».

«О том, кто все видел до края вселенной,
Кто скрытое ведал, кто все постиг,
Испытывал судьбы земли и неба,
Глубины познания всех мудрецов.
Неизвестное знал он, разгадывал тайны,
О днях до потопа принес нам весть,
Ходил он далеко и устал, и вернулся,
И выбил на камне свои труды.
Стеною обвел он Урук блаженный
Чистого храма, Занны святой
Золотил основание, меди прочнее,
И высокие стены, с которых жрецы не сходят,
Заклучил в них надпись на камне, лежащем
там издревле».

Гильгамеш, царь Урука, как нам повествует древневавилонский текст, угнетает народ Урука постройкой стены города. Люди обращаются с мольбой к богам:

(Табл. 1) (Премудрый тайновидец) «он тот, кто ведал все», — (первые слова эпоса, употреблявшиеся как его название) — на две трети бог и на треть человек, Гильгамеш, сын богини Эреха Нинсун, царствует в древнем Эрехе. Он задумал окружить свою столицу стенами и выстроить в ней храм Ану и Иштар. Население изнемогает от тяжелой работы и обращается к богам. Те повелевают создательнице людей Аруру сотворить для Гильгамеша соперника: «пусть они померятся силой, и Эрех успокоится». Аруру создает из глины Энкиду, «подобие бога Ану», звероподобного богатыря, обросшего волосами, живущего со скотом и наделенного сверхчеловеческой силой. Свести его с героем эпоса выпадает на долю какого-то охотника, которому он помешал охотиться, защищая от него дорогих для себя зверей. Охотник берет с собою гиеродулу, которая соблазняет Энкиду. После этого звери бегут от Энкиду, и ему остается идти в город жить с людьми. «Пойдем к лучезарному дому, жилищу Ану и Иштар, где пребывает могучий Гильгамеш и, как дикий телец, угнетает людей». Энкиду и женщины идут в Эрех (табл. 2), где Гильгамеш уже предупрежден о них сновидениями, истолкованными его матерью, которая советует ему подружиться с пришельцем. Он вышел навстречу ему и предложил хлеб, переломив его, и пиво. Энкиду не понял. Его спутница сказала

ему: «Ешь хлеб — это сообразно с жизнью, условиями и судьбой земли». Он ел и пил, помазал свое тело, оделся и «стал, как человек». Ему стало радостно. Он поднял свои глаза и увидел Гильгамеша. Гневно спросил он гиеродулу, что нужно ему. Та удивилась его поведению и стала уговаривать его перейти к культурной городской жизни, которую ведет Гильгамеш. Он послушался, пошел в Эрех, где все стали рассматривать его с любопытством. В центре города герои встретились и «посветили свои оружия». Энкиду сделался спутником Гильгамеша и после единоборства не пустил его к сластолюбивой богине Ишхаре, ибо им предстояло тяжелое предприятие, исключавшее отвлечение в сторону. Герои делают друзьями и задумывают, по указанию Шамаша, сообща поход против Хумбабы (вероятно олицетворение Элама, исконного врага Сумира), голос которого подобен урагану и которого «на страх людям поставил Энлиль охранять кедр» (табл. 3). Это тем более необходимо, что Энкиду не нравится в Эрехе. Он прокликает свою спутницу, заманившую его из его полей. Гильгамеш, осыпавший его почестями в городе, скорбит об этом. Бог Шамаш с неба успокаивает Энкиду и убеждает благодарить сожительницу, сделавшую его человеком, напитавшую его пищей богов и напоившую питием царей, облачившую в одеяние и сблизившую с Гильгамешем, который заставил князей земли лобызать его ноги и весь Эрех сострадать его скорби. Однако Энкиду все-таки не может успокоиться. Его преследуют страшные сны. Ему снится, будто он перенесен демоном смерти в ад, который он видит со всеми его ужасами и обитателями. Между прочим он видит там древнего героя Этану, о котором повествуется в особом мифе, что он на орле возносился на небо к престолу Иштар для получения волшебной травы, чтобы помочь в родах его жене, беременной будущим царем. Уже почти достигнув цели, он бросил взгляд вниз, испугался и вместе с орлом низвергся в преисподнюю (табл. 4). Герои собираются в путь, чтобы исполнить повеление Шамаша — наказать несправедного Хумбабу. Гильгамеш прощается со старейшими города и вместе с Энкиду идет к своей матери и «буйволице Нинсун». Последняя совершает за них на крыше дома напутственную жертву Шамашу и молится об их успехе и благополучном возвращении. Прибыв к кедровому лесу, герои ужасаются, увидев Хумбабу. Энкиду падает духом, но Гильгамеш ободряет его (табл. 5).

«Они стояли и осматривали лес, удивлялись вышине кедра, разглядывали вход в рощу, где Хумбаба ходит умеренной походкой. В порядке дороги, хорошо устроены пути. Они осматривали кедровую гору, жилище богов, святилище Эрину. Перед горой кедр возвышает свою пышную полноту. Его тень полна ликованья».

Боги посылают им различные сны, между прочим предвещающие гибель Хумбабы. Последний действительно убит (табл. 6). Победоносным и прекрасным героем увлекается богиня Иштар.

«Сюда, Гильгамеш, — говорит она, — будь моим любимцем, я буду твоей женой... Перед тобой преклонятся цари, господа, князья... из городов и из стран будут приносить тебе дары».

¹ Тураев Б. А., Классический Восток, стр. 270—271.

свое оружие для поддержания моего господства, то в битве оружием я порази войска обширной страны Лулуме. С соизволения Шамаша и Раммана, богов, на которых я уповаю, я излился на войска стран Наири, Кирхи, Шубари и окрестных стран, подобно богу Рамману (Хададу), причиняющему ливни. (Я —) царь, который, начиная с той стороны Тигра вплоть до Ливана и до великого моря, покорил себе под ноги страну Лаке по всему протяжению и страну Сухи вплоть до города Рапики. (Я — царь), рука которого завладела (всем пространством), начиная от истоков реки Супнат до страны Урарту. От окрестностей страны Куррули до страны Гильзану (или Кирзану) и от той страны реки Нижнего Заба и вплоть до города Тульбары, который лежит по ту сторону страны Забан, и от города Тульшабани до города Тульшазабани, — (все это пространство, а также) города Хириму и Хируту и местность Бирате, принадлежащую к стране Кардуниаш, (все это) я принял в границы моей страны. (Жителей) от окрестностей страны Бабите до страны Хашмар я присоединил к подданным своей страны. В странах, которые я покорил, я поставил моих наместников, состоящих на моей службе.

(Я) Ашурнасирапал, знатный князь, страшный великих богов, могучий герой, завоевывающий все города и гористые местности, царь владык, сожигающий непокорных, увенчанный славой, не боящийся сопротивления, властитель непобедимый, истребляющий беззаконие, царь... пастырь-защитник, царь, устное приказание которого сокрушает горы и моря, который, по громадности своей власти, заставил заговорить одною речью сильных и непобедимых царей Запада и Востока.

Древний город Кальху, выстроенный Шальман-Ашаридом, царем Ассирии, моим предшественником, пришел в ветхость и разрушился. Этот город я вновь выстроил и в нем поселил людей, захваченных моей рукой из стран, которые я победил, а именно, из местностей Сухи, Лаке — в общей сложности Сири, лежащей близ переправы через Евфрат, Замуа — всей, Бит-Адини, Хатти и страны Патинейца Лубарна, которыми я овладел. Старую насыпь я снес, до (подпочвенной) воды я дорылся, 120 слоев кирпичей в фундамент я утвердил. Покой из кедрового дерева и покой из кипарисового дерева, покой из дерева «дапрани», покой из дерева «уркаринну», покой из пальмового дерева, покой из фишашкового дерева, покой из... дерева, для жилища моей царственной особы и постоянной резиденции моей властной личности среди его (т. е. города Кальху) я воздвиг. (Изображение) зверей, находящихся на горах и в морях, из светлого камня и восточного алебаstra я сделал и в воротах его (т. е. дворца) я их водрузил. Я их сделал чудными и громадными и окружил их затвором из медной решетки. Двери из кедрового и кипарисового дерева, из дерева «дапрани» и из пальмового дерева в воротах его (т. е. дворца) я закрепил. Серебро, золото, свинец, медь, железо, захваченное моею рукой из стран, которые я покорил, я в большом количестве получил и среди его (т. е. дворца) сложил¹.

Сын Ашурнасирапала Салманассар III (860—825) продолжает завоевания отца, расширяя Ассирийское государство во всех направлениях. О его походах свидетельствуют не только надписи, но и несколько изобразительных памятников, в том числе знаменитый черный обелиск и медные Баловатские ворота. Первый памятник изображает разнообразную дань, которую Ассирия получала из покоренных ею областей. Рельефы же Баловатских ворот изображают сцены из завоевательской деятельности Салманассара. Здесь ценны изображения страшного ассирийского войска.

Мы видим, что уже тогда ассирийское войско имело однообразное вооружение, колесницы, конницу, копейщиков и лучников. Очевидно

¹ Тураев Б. А. и Боровдин И. Н., Древний мир, Восток, стр. 44—46.

Ашурнасирапал и сын его Салманассар смогли снова создать многочисленную армию. При Салманассаре эта армия только один раз потерпела поражение: это было в 854 г., когда Дамаск в союзе с Израилем, Иудеей и финикийскими городами нанес при Каркате в Сирии сильное поражение Салманассару, о котором сообщает Библия. Однако сообщение ассирийского царя скрывает это поражение и описывает битву как грандиозную победу ассирийского оружия. Но отступление ассирийцев видно уже из контекста надписи. По отношению к другим противникам ассирийцы имели успех, и Ассирия стала богатеть благодаря большому количеству дани, получаемой из завоеванных областей. Эти подати из завоеванных областей обогащали страну неравномерно. Война, приносившая богатство одной части ассирийского народа, приносила обнищание другой. Крестьяне, лишившиеся земельных наделов, не могли служить в войске. Мощь Ассирийского государства стала поэтому слабеть, и это было как раз в тот момент, когда у Ассирии появился новый, весьма опасный враг в лице урартийского общества.

Урартийцы — племя, жившее в области современной Армении около Ванского озера. Имя этого народа живет по сие время в названии горы Арарат. Вариантом этого имени были халды (арды-алды). Столицей племени был город Тушба (у Ванского озера). Это был подобно ассирийцам воинственный народ. В своих походах этот народ достигал областей, входящих ныне в состав СССР (Закавказье). Часть Закавказья была превращена им в провинцию. Мы имеем основания предполагать, что столица этой провинции находилась около Армавира. Здесь было найдено несколько халдских клинописных надписей. Исторические надписи халдов писали на своем языке, который является предком яфетического армянского языка. Эти надписи писались клинописью, заимствованной у ассирийцев, которые в свою очередь переняли ее у вавилонян почти без изменений, между тем как халды, заимствовав клинопись у ассирийцев, несколько упростили ее: они переняли знаки для одних открытых слогов, а также несколько десятков наиболее частых идеограмм. Таким образом халдское письмо состоит всего из ста с небольшим знаков. В прочих областях своей культуры халды зависели от более культурных южных соседей, но так же, как и в письме, они вносили элемент специфического халдского творчества.

Надписи халдских царей сообщают о многочисленных походах, ими совершенных, и рисуют такое же хищничество урартийцев, как и практиковавшееся у ассирийцев: они тысячами пригоняли пленных и скот из завоеванных стран; захваченные ими пленные использовались на строительных работах и пополняли собою число рабов.

Классовое деление урартийского общества было таким же, как и в ассирийском обществе. И тут и там оно являлось общиной воинов, коллективно владевших захваченными на войне рабами. Эта община являлась классом собственников. В конце IX в. халдское общество воинов еще не столь разложилось, как ассирийское, и потому, начиная с конца IX в., после смерти Салманассара III урартийцы неизменно одерживают победы в своей борьбе с Ассирией.

Война с Урарту приводит ослабленную Ассирию на край гибели.

Казалось, недалеко то время, когда Ассирия должна была стать жертвою воинственных северян.

Перемена наступила лишь в 745 г., когда на престоле ассирийских царей появляется талантливый полководец и организатор Тиглат-Пилассар. Новый правитель реорганизовал ассирийскую армию, усилил конницу за счет колесничих, укрепил лучников, которые были самыми многочисленными в армии Ассирии; копейщиков было в два раза меньше лучников, конницы было в два раза меньше, чем копейщиков, и колесничие составляли половину конницы. Из наиболее беднейшего населения, лишенного средств производства, Тиглат-Пилассар создал многочисленную постоянную армию, так называемый «царский узел» («кисир-шаррути»). Эта постоянная армия была столь многочисленной, что иной раз с помощью одной только постоянной части без созыва ополчения решалась судьба похода. Создавая постоянную армию, Тиглат-Пилассар мог использовать и беднейших, которые очевидно при предшествующей династии, не опиравшейся на народ, оставались вне военной организации.

Опираясь на вновь организованную армию, обладая хорошим вооружением, а также большим количеством осадных и камнеметательных орудий, Тиглат-Пилассар на севере победил урартийцев, на западе же ему удалось достигнуть того, чего не сумели сделать ни Ашурнасилпал, ни Салманассар, — он завоевал Дамаск. Таким образом перед ассирийскими войсками открывалась дорога к завоеванию Палестины. На юге Тиглат-Пилассар добился не менее крупного успеха: он присоединил к Ассирии Вавилонию и стал царем последней. С завоеванием Вавилонии ассирийский царь становился претендентом на мировое господство.

Тиглат-Пилассар стал организовывать свое обширное государство: завоеванные области были им разбиты на провинции, во главе которых были поставлены наместники. Последние имели собственные войска, состоящие частью из ассирийских, частью из туземных частей. Они же заботились о своевременном поступлении податей из провинций. Подати эти были весьма тяжелыми. Это подтверждают и сами ассирийские надписи.

Когда в 727 г. Тиглат-Пилассар умер, то свое царство, чрезвычайно мощное, он оставил своему сыну Салманассару V. Последний, продолжая политику своего отца, направился в Палестину, путь в которую был открыт после падения Дамаска. После трехлетней осады столица Израиля — Самария пала, 30 000 взятых в плен израильтян уводятся в рабство.

Тем временем в самой Ассирии началось недовольство господствующей династией. Подобно отцу, Салманассар продолжал опираться на народ-армию и этим вызывал естественное недовольство зажиточной верхушки, отчасти состоявшей из жречества, отчасти занимавшей командные посты в армии. Ассирийская верхушка находила кроме того опору в Вавилонии, присоединенной к Ассирии. В Вавилонии, как известно, уже много веков всем ведала разбогатевшая верхушка. Для нее также была неприемлема роль, которую играли рядовые общинники, объединенные в ассирийское войско. В зажиточной верхушке Ассирии она видела естественных своих союзников. Вражда между зажиточной

верхушкой и войском в особенности обострялась при дележе добычи: каждая из сторон старалась захватить львиную долю последней.

Дело закончилось переворотом, произведенным в пользу разбогатевшей верхушки. Салманассар на ассирийском престоле сменил царь, назвавший себя в честь древнего Саргона, царя Аккада, Саргоном. Саргон II (722—705 до н. э.) так же, как и его древний предшественник, представлял интересы зажиточной верхушки. Правда, вначале он проводил политику чрезвычайно осторожную по отношению к армии, так как на стороне последней была физическая сила, против которой менее многочисленная зажиточная верхушка не могла конечно устоять. В целях ослабления роли войска и тем самым свободных бедных, организованных в армию, Саргон начал пополнять войска, в особенности постоянную армию, контингентами из завоеванных областей и из наемников. Свою политику он проводил крайне осторожно, и с внешней стороны с появлением Саргона казалось, что ничто не изменилось.

Царь Саргон продолжал завоевания своих двух предшественников. Главный сокрушительный удар он направляет против Урарту и в 714 г. ему удалось одержать над своим северным врагом блестящую победу: один из главных городов страны — Мусасир (у Урмийского озера) он берет приступом, разрушает древний храм и захватывает здесь огромную добычу.

Саргон направляет свои удары также на юг, против халдеев, южного семитического племени, которое в союзе с Эламом надеется захватить в свои руки Вавилон. Саргону удастся однако отразить противника и сохранить Вавилон как часть своего государства.

Зажиточная верхушка Вавилона приветствовала Саргона как царя, проводящего самостоятельную политику по отношению к армии, т. е. к рядовым общинникам.

Правда, Саргон, как выше было сказано, был осторожен в своей политике, руководимой интересами знати и разбогатевшей верхушки. Когда он расширял Ниневию, ставшую при нем столицей ассирийского государства, новыми пригородами, он должен был для этого расширить территорию города, взяв у старых владельцев их земли. При этом он был согласно своему заявлению чрезвычайно осторожен по отношению к беднейшим:

«Сообразно значению моего имени охранять право и справедливость, руководить слабыми и не давать в обиду беззащитных давал плату за участки в этом городе их владельцам по нормальной цене. А чтобы не обидеть тех, кто не брал денег, давал им участок, расположенный против прежнего участка их».

Но все же с течением времени Саргон все более и более попадал под влияние господствующей зажиточной верхушки. Так он даже не привлекал всех ассирийцев к военной службе. По отношению к зажиточной верхушке начали делаться послабления. Храмы, которые теперь являлись коллективными владениями разбогатевшей части народа, начинают пользоваться различными льготами: они освобождаются от каких-либо повинностей по отношению к государству.

Эта политика вызвала конечно сильнейшее недовольство со сто-

роны войск. Недовольство заходит так далеко, что в семье царя начинается раскол. Сын Саргона Санхериб становится на сторону армии и, когда умирает Саргон (705 г.) Санхериб начинает проводить политику, удобную армии. Он проводит, лираясь на войска, ряд походов, направленных к тому, чтобы путем хвата Иудеи завоевать Египет и таким образом создать подлинное мировое государство, охватывающее все главнейшие государства того времени.

Иерусалим был спасен один раз благодаря чуме, которая вспыхнула в ассирийском войске, а другой раз — благодаря осложнениям, вызванным в ассирийском государстве политикой царя Санхериба, которой были крайне недовольны Вавилон, а также жречество и зажиточные слои Ассирии. Все эти недовольные элементы объединились и пытались парализовать завоевательную деятельность Санхериба.

Санхериб в этой оппозиции, которая являлась помехой для его завоевательной деятельности, главным виновником считал Вавилон, который в свою очередь в стремлении царя завоевать Египет видел опасность для своего положения. Египет мог стать опасным конкурентом для вавилонской торговли. Планы же Санхериба завоевать Египет зашли так далеко, что одного из египетских князьков он сделал своим зятем (Шешонка). Ожесточение Санхериба против Вавилона достигло наконец в 690 г. своего апогея: в 689 г. он разрушает Вавилон. Город был стерт с лица земли, храмы были разрушены, и вода Евфрата после разрушения каналов затопила город.

Такой поступок царя ожесточил зажиточный слой ассирийцев, который в лице Вавилона терял своего верного союзника. Борьба против царя захватила и царскую семью: некоторые из его сыновей становятся на сторону зажиточной верхушки, недовольной царем-воином. В 681 г. Санхериб убивает два его сына, убитых впоследствии третьим сыном Ассархаддоном, который мстит им за смерть отца. Однако, хотя Ассархаддон и отомстил за смерть отца, но он не продолжал его политику.

Он становится царем, продолжающим, подобно Саргону, политику благожелательную по отношению к зажиточным слоям. С внешней стороны это находит свое выражение в новом восстановлении Вавилона. Вавилон быстро поднимается из разрушенного состояния и становится снова крупным городом. Ассархаддон пытается по мере возможности примирить армию, и поэтому при нем Ассирия достигает наивысшего расцвета. Ему удается достигнуть того, о чем мечтал отец его: в 671 г. он наконец завоевывает Египет.

Таким образом Ассирия достигла своих наивысших пределов: на западе ее границы доходят до Сахары, на востоке — до Иранских гор, на юге — до Вавилона, на севере — до Малой Азии.

Ассархаддон в своей вавилонофильской политике дошел до того, что назначил в качестве своего преемника в Вавилон сына своего Шамаш-Шумукина (рожденного от вавилонянки). Старший же сын Ассурбанипал был им сделан царем других областей.

Этот раздел государства привел к междоусобной войне между обоими братьями. Первые годы после смерти отца (668 г.) Ассурбанипал должен был усмирять восстания в Египте, затем он обратил удары

против Вавилона — против своего «неверного» («ахула-кену») брата. На помощь Вавилону пришли эламитяне, но война началась при неблагоприятных предзнаменованиях для Шамаш-Шумукина: 18 июня 653 г. было лунное затмение, напугавшее царя. Ужас его нашел выражение в следующей молитве, обращенной к Иштар:

«О Аннуит (Иштар)! Ходатайствуй за меня перед моим богом, чтобы он отвратил судьбы, предназначенные за грехи и позор страны. Да отмстит он и спасет мою землю, владычица вышних, мать милосердная, ибо ты царица бесчисленных звезд. Тебе поручаю владыку богов, да поступит он со мной, как должно. Я, Шамаш-Шумукин, великий царь, несчастный, несмотря на то, что Мардук — мой бог и Зирпанит — моя госпожа. Зловещим знамением и предзнаменованием беды, павшими на мой дворец и страну, наполняющими меня ужасом, я потрясен, я напуган. Несчастье мне и моей стране, несчастье трону, несчастье короне, несчастье жрецам, несчастье жертвам. Дай мне одежду веселья и отними траур. Моему богу и моей богине я заколю овна из моих именитых. Мать милосердная, предзнаменованиями и сновидениями подвигни владыку богов, дабы он посетил страну врага моего и поступил с нею по приговору, от которого нельзя уклониться»¹.

Богиня «не вняла» однако мольбам Шамаш-Шумукина: Ассурбанипал взял Вавилон, и «неверный» брат его сжег себя на костре, дабы не попасть в руки завоевателя. Расправившись с Вавилоном, Ассурбанипал наносит жестокий удар Эламу. Завоевав некоторые части Аравии, он доводит ассирийское государство до наивысшего расцвета. Создается большой рынок, охватывающий все страны древнего Востока.

В эту эпоху (VII век) создается в Лидии — государстве, расположенном на западе Малой Азии, — первая монета, т. е. металлические кружки с государственным штампом, указывающим определенную ценность и не требующие поэтому взвешивания. Монета является показателем создавшегося мирового рынка, для которого подобное мерило стоимости является необходимым. Имеются основания для предположения, что и сама Ассирия знала монету. По крайней мере в ассирийских документах часто упоминается так называемая «мина» Кархемини (город в северной Сирии). Деловые документы этой эпохи рисуют чрезвычайно интенсивное денежное хозяйство. Наблюдается большое повышение цен. Завоевания, сделавшие Ассирию центром мирового государства, создали в ней большое накопление драгоценных металлов, вследствие чего цены на них упали. Цены же на рабов, несмотря на то, что войны сгоняли в ассирийские города громадное количество военнопленных, возросли по сравнению с древневавилонским временем в три раза: раб вместо 20 сиклей теперь стоил 1 мину. Число рабов возросло: в каждой более или менее зажиточной семье было несколько единиц рабской силы. Кроме домашних работ рабы использовались в ремесле и земледелии. Цари на своих многочисленных строительных работах использовали тысячи военнопленных рабов. Часть населения покоренных стран была обращена ассирийцами в крепостных, которые или оставались непосредственно во владении государства или же отдавались вместе с землею ассирийским воинам, которые наряду с крепостными туземцами имели еще и своих рабов.

1 Тураев Б. А., История древнего Востока, ч. II, стр. 76.

7 Струве В. В. История древнего Востока.

В самой Ассирии население продолжало оставаться свободным, но оно численно чрезвычайно уменьшилось благодаря постоянным войнам и несению гарнизонной службы в различных пунктах обширного мирового государства. Действие ростовщического капитала продолжало усиливаться, в особенности в царствование тех правителей, которые по существу являлись ставленниками зажиточной верхушки как Саргона и Ассархаддона. Несколько ослабело действие этой верхушки при царях, которые держались политики, благожелательной по отношению к армии, т. е. к народу, как Санхериб, отчасти Ассурбанипал, который в своей борьбе с Вавилоном — опорой своего брата Шамаш-Шумукина — опирался на армию.

На основе этих производственных отношений создавалась своеобразная политическая власть. Царь обладал большой полнотой власти как постоянный военный руководитель ассирийского народа. В обстановке постоянных войн, которые заполняли последние полтора столетия существования ассирийского государства, царь, опираясь на армию и на чиновничество, руководил всеми отраслями управления. Ему доносят обо всем, начиная от восстаний в отдельных областях, вторжения врагов в ту или иную провинцию и кончая небесными знаменами и доносами на такие мелочи, как предосудительное поведение трех пьяных офицеров, о чем свидетельствует любопытное в бытовом отношении письмо:

«Царю, моему господину, Твой слуга Бель-Икиша. Набу да Мардук будут милостивы к моему владыке. Царедворцы моего господина, которых царь сегодня отличил, которые произведены (Табалла) господином в чин вельможи, Набу-Саким, которого царь назначил третьим на свою колесницу, Имур-Илушу, назначенный в гвардию, — эти три человека — пьяницы. Когда они пьяны, — каждый из них не в состоянии отстранить кинжала от того, что попадет под руки. Сведения, известные мне, верны, сообщаю я моему господину. Царь мой, господин, может поступить, как ему угодно»¹.

Об армии было уже сказано выше. Так же хорошо, как и армия, было организовано весьма многочисленное чиновничество, с помощью которого при поддержке армии Ассирия хищнически выкачивала богатства из завоеванных областей.

Экономическое благосостояние, достигнутое Ассирией путем самого свирепого грабежа побежденных и покоренных стран и народов, давало возможность ассирийским царям развивать лихорадочную строительную деятельность. В особенности отстраивалась пышно новая столица — Ниневия. В ниневийском дворце, отстроенном царем Ассурбанипалом (668—662 до н. э.), была найдена знаменитая библиотека этого царя, включавшая 30 000 клинописных табличек, содержащих все важнейшие памятники древней священной вавилонской литературы. Для пополнения своей библиотеки Ассурбанипал рассылал писцов по всем важнейшим вавилонским храмовым библиотекам, дабы они списывали для царской библиотеки главные тексты.

В условиях мирового государства требовались многочисленные копии царских указов. Это явилось предпосылкой первых зачатков книго-

печатания. Принцип оттиска печати стал применяться по отношению и к большим надписям.

Дворцы Ниневии сохранили наряду с литературными памятниками и произведения чрезвычайно высоко развитого изобразительного искусства. В особенности славятся рельефы дворца Ассурбанипала (изображение умирающей львицы и т. д.). Высоко развито было и художественное ремесло (производство например глазированных кирпичей и др.).

Ассирия, еще в 650 г. при царе Ассурбанипале стоявшая на высоте своего положения, стала после этого быстро сходить с исторической сцены. Причины столь быстрого падения Ассирии заключались в следующем.

Ассирийский народ во время войны понес слишком большие потери. Армию пришлось пополнять отчасти представителями побежденных народов, отчасти наемниками. Эта армия была, как выше указано, даже удобной для зажиточной верхушки, опасавшейся притязаний со стороны своих беднейших сограждан, вооруженных и организованных в армию. В случае победоносных войн такая армия могла быть чрезвычайно полезным орудием. Но когда начинались поражения, такая армия переставала быть опорой ассирийского государства.

Другая причина быстрого падения ассирийского государства заключалась в том, что мировой рынок, который создавался ассирийскими завоеваниями, еще только возник и не настолько окреп, чтобы на долгое время объединить под ассирийским игом все древневосточные государства.

Эта слабость торговых связей была обусловлена еще и тем обстоятельством, что ассирийцы являлись первым народом-объединителем в истории древнего Востока и поэтому чрезвычайно примитивно, как жестокие хищники, подошли к задаче объединения. Подати, которые налагались ими на завоеванные страны, были настолько тяжелы, что вызвали в последних ожесточение как со стороны правящей верхушки, так и со стороны массы народа.

В довершение всего у Ассирии появляется грозный враг в лице Мидии, которая стала теснить ее с востока. После отпадения Египта от Ассирии (654 г.) последняя начинает терять одну область за другой. В год смерти Ассурбанипала (626 г.) на Ассирию совместно наступают Мидия и Вавилония, где к этому времени после свержения ассирийского ига устанавливается халдейское государство. Правда, Ассирия вступила в союз с недавней своей провинцией — Египтом, но этот союз не мог спасти ее от гибели.

В 612 г. Набупалассар — царь Вавилона и союзные с ним мидяне берут Ниневию. Несколько лет Ассирия продолжает еще держаться в Кархемише, но в 605 г. и этот последний оплот Ассирии завоевывается при царе Навуходоносоре мидянами и вавилонянами. Так падает ассирийское царство — первое из обществ-объединителей древности.

¹ Там же, стр. 38.

ИСТОРИЯ ПОЗДНЕГО ЕГИПТА И ХАЛДЕЙСКОГО ВАВИЛОНА

Египет

Начиная с первого тысячелетия, Египет перестает играть самостоятельную роль.

Общество здесь разложилось в такой степени, внутренняя борьба так усилилась, что оно уже не могло больше противостоять иноземным завоевателям. Ливийцы, бывшие рабы Египта, становятся теперь его господами. Они завоевывают постепенно власть во всех египетских номах, повсюду они становятся господствующей верхушкой. Из числа их рекрутируется армия, потому что египтяне уже не могут быть, как раньше, воинами.

Наиболее зажиточные слои египтян организуются в виде жречества, которое в эту эпоху становится замкнутым сословием-кастой, внутри которой должность жреца передается от отца к сыну. Для прочего же населения — земледельцев и ремесленников — доступ в высшие слои воинов и жрецов был закрыт. Эту организацию египетского населения можно сравнить с организацией населения Вавилонии по судебнику Хаммураби. Там мы также видим «сыновей мужа» (мар-авелли), высший слой свободного населения, организованный в качестве воинов и жрецов (в дворцах и храмах), и мушкену (покоренных), которые, будучи свободными, тем не менее были менее привилегированными, нежели «сыновья мужа», и очевидно занимались преимущественно торговлей, ремеслом и земледелием.

Египетские законы того времени состояли из трех частей, а именно: законы царя, законы воинов и законы жрецов. Законы царя очевидно были составлены специально для ремесленников и для земледельцев.

Наряду со свободным населением имелись многочисленные рабы, которые обрабатывали землю в качестве помощников мелких землевладельцев крестьян или же обрабатывали земли богатых землевладельцев. Известное количество рабов продолжало находиться в коллективном владении, имелись и рабы, употреблявшиеся для ирригационных работ. По сравнению с Ассирией и Вавилонией цены на рабов были сравнительно невысоки, что объяснялось еще сравнительно меньшим развитием денежного хозяйства в Египте, а также сравнительной легкостью получения рабов из окружающих Египет слабых варварских племен.

Денежное хозяйство в эпоху первого тысячелетия начинает определенно крепнуть и расти. Египет начинает входить в состав мирового рынка, который в эту эпоху уже обнимает все страны древнего Востока. Серебро и медь становятся деньгами.

При таком росте денежного хозяйства начинает усиливаться ростовщический капитал. Мы имеем тексты, которые свидетельствуют об усиленной скупке земель у бедноты. Вместе с землею скупались скот и рабы. Цены на все это были чрезвычайно низки. Очевидно бедняки должны были продавать свое имущество за бесценок богатым. Недаром в литературе этого времени мы находим горячие призывы против этого ростовщичества землею:

«Не удаляй межи от границ полей, не стремись получить ни одного локтя земли и не изменяй границы поля вдовы. Обрабатывай свое собственное поле и тогда ты найдешь все тебе нужное и получишь хлеб из своей собственной риги. Лучше одна мера, которую дает тебе бог, нежели пять тысяч приобретенного неправильно, они и не останутся ни одного дня в закромах, и коротко время их пребывания там. Не будь алчным и жадным до имущества бедного и не посягай на хлеб его, имущество бедного — несчастье для горла, и оно будет причиной тошноты для глотки» (поучение Аменемопе).

Конечно подобные рассуждения не могли удержать хищничество ростовщиков, и разложение начало охватывать новые слои ливийского воинства. Это привело к ослаблению ливийского господства, и ливийский Египет стал жертвой нашествия эфиопов (середина VIII в.), которые стремились, объединив южную Нубию и Египет, создать мощное государство, которое давало бы Средиземноморью ценное африканское сырье.

Эта борьба между эфиопами и ливийцами за обладание Египтом настолько ослабила и сам Египет и обоих претендентов на господство над ним, что Египет легко стал жертвой ассирийских хищников (в 671 г.). Эта победа была обусловлена все далее и далее идущим разложением, которое к концу VIII в. создало как массовое явление самопродажу египтян в рабство, т. е. явление, чрезвычайно редкое в предшествующее время. Правда, около 720 г. царь Бакхорис проводит закон, согласно которому заимодавец мог брать лишь имущество с несостоятельного должника, но ни в коем случае не имел права делать его своим рабом, ибо «имущество рассматривается как собственность, подаренная другим владельцем. Они же (должники) сами рассматривались как рабы царя, потому что они должны были нести ему службу во время войны и мира»¹. Греки полагали, что этот закон против ростовщического капитала, против долговой кабалы оказал влияние на законы Солона о «сейсах-тейн», запрещающие продажу несостоятельных должников в рабство.

Однако этот закон не имел желательного действия, ибо мы находим тексты о самопродаже и после него. Эта разлагающая роль ростовщического капитала должна была иметь те же последствия, как и повсюду; военная мощь ливийского господствующего слоя настолько ослабла, что он уже сам не мог найти силы для того, чтобы сбросить с себя ассирийское ярмо.

¹ Диодор. Ист. библ. I, 79.

Помощником в деле освобождения Египта оказались те греческие и малоазиатские купцы и наемники, которые начали теперь все в большем количестве проникать в Египет. Первоначально они вторгались в качестве пиратов. Уже Гомер упоминает о таких вторжениях. В лице их Псамметих, номарх Гассского нома, который задумал освободить Египет от ассирийского господства, нашел ядро своей армии. Для греков и малоазиатов долина Нила являлась чрезвычайно ценной областью, так как отсюда неплодородная Греция могла получать в изобилии хлеб. В 654 г. Псамметих освобождает Египет от ассирийского господства и кладет начало сансскому периоду египетской истории.

Предпосылкой, облегчившей на этот раз объединение Египта, была торговля, которая в эту эпоху уже была настолько развита, что отсутствие Египта как рынка и как посредника торговли между Африкой и Средиземноморьем ощущалось чрезвычайно болезненно.

Псамметих опирался главным образом на греков и этим вызвал некоторое неудовольствие среди ливийского воинства. Ему приходилось отражать ассирийцев, а также эфиопов, которые со стороны Нубии пытались снова захватить в свои руки Египет.

Псамметих одерживает победу на севере и на юге и продолжает укреплять мощь Египта, который снова становится сильным фактором среди государств древнего Востока.

В 620 г. он становится союзником своего недавнего врага — Ассирии в ее жесточайшей борьбе против Мидии и Вавилонии. Египетские войска в союзе с ассирийской армией наносят в Месопотамии тяжелое поражение вавилонянам и преследуют бегущего неприятеля до границ Вавилонии. Правда, эта победа оказалась в конце концов тщетной: Ниневия пала. Не помогла египетская помощь Ассирии и тогда, когда ассирийские войска отступали к Кархемишу. На престоле Египта уже не было престарелого Псамметиха I: его место занимал его сын Нэхао. В 605 г. Нэхао потерпел поражение у Кархемиша; последний был взят врагами. По приказу Нэхао начинают рыть канал, который должен был соединить Средиземное море с Красным. Также по его поручению, как известно, финикийцы обогнули Африку.

Греки во все большем количестве проникали между тем в Египет. Не только на севере, в Навкратисе, где они еще от Псамметиха I получили право основывать свои поселения, но и во многих других пунктах они действуют в качестве ремесленников, наемников и торговцев.

Недовольство против греков росло все более, и в конце концов оно вылилось в открытую борьбу между ними и ливийскими войсками. Это событие имело место при преемнике Нэхао — фараоне Уафрисе.

При этом фараоне, когда остатки иудеев бежали из вавилонского пленения в Египет, торгово-ростовщическая эксплуатация получает дальнейшее развитие. Зажиточная верхушка видела в греческих наемниках ту силу, на которую она могла бы опереться в борьбе против рядовых ливийских воинов. Эта политика зажиточной верхушки приводит в конце концов к взрыву. Во главе недовольного ливийского войска становится знаменитый впоследствии Амазис: ему удается после упорной борьбы одержать победу над Уафрисом — ста-

вленником зажиточной верхушки. В конечном итоге этой борьбы Амазис становится царем. В отличие от Амазиса (Яхмоса) — победителя гиксосов, мы называем его Амазисом II.

Амазис II был царем наиболее популярным среди греков: он считался филэллином, т. е. любящим эллинов. Он жертвовал ценные дары в храмы, он щедро одарял тех из эллинов, которые поступали к нему на службу. Такое отношение к грекам со стороны Амазиса, который попал на египетский престол благодаря победе над греческими наемниками — этой опорой власти зажиточной верхушки, объясняется следующими обстоятельствами: Амазис был врагом греков лишь постольку, поскольку на них опирались его враги. Теперь же, став владыкой Египта, он видел в греках орудие своей политики. Амазис прекрасно понимал, что, опираясь на одних лишь ливийских воинов, ему не устоять против Мидии, а затем и против еще более страшного врага, каким являлась Персия. Поэтому он прилагает все усилия к тому, чтобы связать себя теснее с Грецией. Греки, в свою очередь, прекрасно понимали, что завоевание Мидией или Персией Египта привело бы к тому, что последний — житница Греции — был бы закрыт для нее, не входившей в состав древневосточного объединения.

Амазис в своих сношениях с греками теряет свой облик благочестивого египетского фараона и дает таким образом повод своим врагам из среды зажиточной верхушки выставить его царем, вышедшим из среды простолюдинов. Имеются сведения, что Амазис сознательно представлял себя таким представителем низших слоев. Его изображали как любителя крепких напитков, которые любил народ Египта. Об этом сообщает нам не только Геродот, но и египетская сказка.

«Случилось в один из дней во время фараона Амазиса, что сказал фараон своим вельможам: «Я хочу пить египетские калеби-вина». Они сказали: «О наш владыка, тяжело пить египетские калеби-вина». Он сказал им: «Не препятствуйте тому, что я вам сказал». Они сказали: «О наш великий владыка, пусть поступит фараон согласно своему желанию». Сказал фараон: «Пусть отправятся на озеро». Тогда поступили согласно тому, как повелел фараон. Тогда стал фараон кушать вместе со своими женами калеби-вино, и не было перед ним никакого другого вина земли кроме египетского калеби-вина. Тогда фараон был весел со своими женами. Он выпил очень большое количество калеби-вина и за желание, которое возымел к калеби-вину, лег фараон у озера. Ночью он спал под одной виноградной лозой на северной стороне, а когда настало утро, фараон не мог подняться из-за того, что болен был сильно и сильно была болезнь, в которой он находился, когда приблизилось время дня. Он не мог подняться. Придворные стали скорбеть, говоря: «Разве это могло случиться? Случилось, что фараон болен очень и никто не может прийти и переговорить с фараоном». Пошли придворные к месту, где находился фараон. Они сказали: «О наш великий владыка, в какой болезни пребывает фараон?» Тогда сказал фараон: «Я только в очень сильном опьянении. Но я не могу решить ни одного дела земли, но посмотрите, нет ли среди вас одного человека, чтобы он мог рассказать мне сказку, чтобы я мог возрадоваться из-за этого»¹.

Такими рассказами о пьянстве Амазиса и о других его пороках враги из зажиточной верхушки пытались отомстить ему за его поли-

¹ Парижский папирус № 215 (перевод В. В. Струве).

тису, благожелательную к рядовому войску и иноземцам. Амазис вполне последовательно держался своей политики и создал Египту все условия для успешной борьбы против Персии. И действительно, как мы увидим ниже, Египет был единственной из древневосточных стран, которая оказала упорное сопротивление персидскому завоеванию. Против Персии выступили дружно рядовое ливийское войско и греческие наемники.

Правда, в конце концов здесь решила дело измена зажиточной верхушки. Для зажиточной верхушки, стремящейся включиться в тот мировой рынок, который был создан Персией, слишком тесным был Египет, связанный лишь с одним греческим рынком. Поэтому она должна была приветствовать приход персов в 525 г., подобно тому как в 538 г. приветствовали зажиточные круги Вавилонии приход Кира.

Что же касается духовной культуры позднего Египта, то жречество пыталось всячески усилить все древние традиции египетской культуры, которые уже к тому времени становились все более и более чуждыми народу. Египетская религия зажиточной верхушки начинает все более отрывать от религии народных масс. Таким образом подготовлялась гибель всей этой старой, обветшавшей идеологии в тот момент, когда при завоевании персами и затем греками и римлянами Египта был нанесен окончательный удар старым отношениям рабовладельчества в Египте, на место которых постепенно стали складываться новые, пролагавшие дорогу феодализму отношения.

Халдейский Вавилон

Халдеи — воинственное семитическое племя — в союзе с Мидией стремились захватить в свои руки владычество над древним Востоком.

Царь Набупалассар (626—606 гг. до н. э.), вступивший на престол вскоре после смерти Ассурбанипала, начинает ожесточенную борьбу против Ассирии. В Мидии — государстве, образовавшемся среди иранских племен, на плоскогорьях к югу от Каспийского моря, — он находит деятельных помощников. В конце концов эта борьба увенчалась успехом Набупалассара, который побеждает Ассирию. Влияние вавилонской культуры на Халдею было настолько сильным, что надпись Набупалассара, посвященная этому событию, составлена целиком в теократическом духе:

«Набупалассар, царь правды, пастырь, призванный Мардуком... Так как я во смиреннии своем, будучи сыном ничтожного, постоянно чтил святилище Набу и Мардука — моих владык — и помышлял о непоколебимости их заповедей и исполнении их повелений, направлял мысль мою на правду и справедливость, то бог-сердцевидец, ведающий сердца богов неба и земли и не престанно следящий за стезями народа, проник в сердце меня, ничтожного, незаметного среди людей, и поставил меня во главе страны, в которой родился, призвав меня к господству над страной и людьми. Он послал ко мне духа-хранителя сопровождать меня и споспешествовать мне во всех моих начинаниях. Нергала, могущественнейшего среди богов, он сделал моим спутником, покорил моих врагов, поразили моих супостатов. Ассириян, с давних дней господствовавших над всеми народами и подчинивших своему тяжелому игу людей моей страны, я, слабый и смиренный, чтущий господа господей,

при помощи грозной силы Набу и Мардука — моих владык — отразил стопы от стран Аккада и сверг их иго»¹.

Вскоре после падения Ниневии — в год окончательной гибели Ассирии (605 г.) — умирает Набупалассар, и на престол Вавилонии вступает его сын Навуходоносор. Он полюбовно делит наследство Ассирии между Вавилонией и Мидией. По этому договору Вавилония получила право включить в свое государство всю Сирию. Навуходоносор в двух походах (597—586 гг.) захватывает в свои руки и Иудею и приводит часть иудейского населения к себе в Вавилон. Он подчиняет себе и Финикию на несколько десятков лет, загоняет египтян в долину Нила.

Таким образом создалось мощное государственное объединение, обнимающее Месопотамию, Сирию и находящееся в дружественных отношениях с соседними странами. На этой обширной территории развиваются интенсивные торговые сношения, Вавилон становится снова крупнейшим торговым центром древнего Востока. В это время в Вавилонии создаются настоящие банки, организации торгово-ростовщического капитала. Самым знаменитым из такого рода банков являлся банк сыновей Эгиби, названный так в честь основателя его Эгиби, жившего при Набупалассаре. Этот Эгиби являлся вавилонянином, а не евреем, как это полагали некоторые из исследователей. Банк этот существовал в течение нескольких веков, вплоть до конца персидской эпохи. Архив этого банка, дошедший до нас, состоит из нескольких тысяч табличек. Из них мы узнаем о самых разнообразных операциях этого торгового дома, занимавшегося скупкой земель, скупкой и продажей рабов, затем скупкой разного недвижимого имущества. Ростовщические сделки играли большую роль в этих операциях. Из текстов мы узнаем о больших суммах, которыми он располагал. В одной из табличек, которая нам сообщает о дележе имущества в этом торговом доме, мы видим, что он владел сотнями рабов и десятками домов. Такие богатства были очевидно у целого ряда лиц в Вавилонии. Наряду с богачами беднота, не имевшая ничего и пробивавшаяся поденным трудом, была чрезвычайно многочисленна. Классом, в подлинном смысле эксплуатируемым, были рабы, которых в ту эпоху в Вавилоне было весьма большое количество. Рабы в эту эпоху рекрутировались главным образом из иноземцев — военнопленных и купленных. Вместе с тем были и рабы-должники из числа вавилонских граждан.

Переменилось теперь и положение рабов: часть из них ставилась их господами на землю, другие выступали в качестве приказчиков и даже купцов, получая от своих господ разрешение вести более или менее самостоятельную торговлю. Наряду с рабами в хозяйственной жизни выступали и рабыни. Так например из одного документа мы узнаем, что рабыня получает от своего господина деньги, помещение, бочки с финиковой водкой, необходимую утварь, для того чтобы открыть корчму. Рабы, ведущие самостоятельную торговлю или занимающиеся ремеслом или земледелием, должны были платить своему господину оброк в 12 сиклей в год, т. е. 20% с мины, которая в эту эпоху

¹ Тураев, Б. А., История древнего Востока, ч. II, стр. 115.

была обычной платой за раба в Вавилоне. Кроме этого оброка раб платил известные проценты со своих доходов в торговле и ремесле. Раб, который и теперь еще продолжал быть клейменым, мог вступить даже в самостоятельные договоры со своим господином, он — раб — даже мог иметь своих собственных рабов. Подобные явления мы находим в императорском Риме в эпоху разложения рабовладельческого общества. Рабы применялись теперь в большом количестве в ремесле. Богатые люди, желая повысить квалификацию своих рабов, сдавали их ремесленникам на выучку, причем ремесленник обязывался в течение известного срока выучить раба всем тонкостям своего ремесла. В храмовых мастерских было собрано большое количество рабов, изготавливавших различные продукты ремесленного производства. Наряду с такими рабскими мастерскими храмы знали и первичную кооперацию, передавая материал отдельным свободным общинникам, которые должны были все эти материалы переработать по заказу храма. Наряду с ремеслом храмы имели и большие земельные владения, которые обрабатывались отчасти плантационно, отчасти парцеллярным образом, путем передачи рабам мелких участков земли.

Таким образом мы видим, как постепенно начинают складываться полуфеодальные отношения. Конечно в эту эпоху феодальные отношения были лишь укладом; господствующими были отношения рабовладельческие. Это объясняется тем, что в Вавилоне мы не находим столь катастрофического падения производительных сил, а вместе с тем такого ослабления торговли, как на западе — в Италии в эпоху падения Римской империи. Причиной такого катастрофического падения производительных сил на западе было, как известно, чрезмерное развитие рабства, ставшего возможным благодаря грандиозным войнам. Вавилония, не знавшая таких войн, не могла поэтому развить рабство до той чрезмерности, как Италия. Но вследствие этого здесь рабство и не было столь радикально преодолено, как на западе.

Торговля играла весьма большую роль в эту эпоху в Халдее. Вавилонский рынок был стабилен и охватывал благодаря союзу с Мидией всю Переднюю Азию. Навуходоносор чрезвычайно способствовал развитию торговли, ибо лишь при помощи ее он мог поддержать производительные силы страны на том высоком уровне, которого они достигли. «Банковские» дома в своей деятельности стремились выйти за пределы Передней Азии и возлечь в сферу своего влияния Египет.

Этим объясняются попытки Навуходоносора подчинить себе египетское государство. Попытки эти, как известно, не увенчались успехом. Интенсивные торговые сношения сделали Вавилон крупным интернациональным городом. О пестроте его населения свидетельствует и библийское предание о «вавилонском столпотворении», а также подлинные деловые таблички. Среди этого пестрого населения большую роль играли приведенные Навуходоносором иудеи, выступавшие в качестве мелких торговцев, а также ремесленников и рабов. Все эти интенсивные торговые сношения, создавая чрезвычайно оживленные отношения, способствовали бегству рабов. Беглый раб был весьма частым явлением той эпохи в Вавилоне.

Навуходоносор точно так же, как и его отец, стремился лихорадочной строительной деятельностью восстановить Вавилон во всем блеске его бывшего величия, свирепо разрушенного Санхерибом. Он продолжал потакать теократическим поползновениям жречества, которое в эту эпоху рекрутировалось главным образом из зажиточной части населения и которое, используя религию, сдерживало недовольство бедных. «Великий воитель» Навуходоносор выступает столь же «смирненным», как и цари Иудеи. Иллюстрацией этого является молитва его к Мардуку:

«Превечный владыка-вседержатель! Поддай, чтобы имя царя, которого ты возлюбил, которого имя ты возвестил, преуспевало согласно воле твоей. Направь его на путь истинный. Я, государь, покорный тебе, создание рук твоих, ты сотворил меня и доверил мне всю власть над людьми. По милости твоей, господи, всех обнимающей, да будет твое владычество милосердным. Страх перед божеством твоим вложи в сердце мое. Поддай мне то, что благоугодно тебе, ибо ты, создавший жизнь мою»¹.

Царь Навуходоносор отстраивает храмы, восстанавливает Вавилон с его дворцами, мостами, грандиозными стенами. Ему же принадлежит честь создания одного из семи чудес древности — висячих садов Семирамиды, которые он будто бы построил для своей жены — мидийской царевны, чтобы она могла вспоминать свою гористую родину здесь, в скучной, однообразной вавилонской долине.

Эти грандиозные постройки требовали громадного количества кирпича как необожженного, так и обожженного. Часть последнего была глазированной. Из таких глазированных кирпичей слагались те яркие, красочные рельефы, которыми были украшены стены и городские ворота Вавилона. Строительство таким образом создало большую отрасль кирпичного производства. Можно предположить, что денно и нощно работали эти кирпичные мастерские. Пламя этих мастерских, вздымающееся к ночному небу, создавало навернее у иудеев жуткие легенды об отроках в огненных печах.

Когда Навуходоносор закончил постройку своего дворца в Вавилоне, он обратился к Мардуку с молитвой:

«Да существует по твоему повелению вечно дом, выстроенный мною, да насыщусь я его великолепием, да достигну я в нем глубокой старости, имея многочисленное потомство, получая обильную подать от царей всех стран света, от всех людей. Да не будет у меня врагов — основания неба до высоты неба, от восхода солнца до его заката, да не устоит никакой супостат мой, да будут потомки мои вовеки веков управлять человечеством»².

Столь же роскошные дворцы и храмы воздвигал Навуходоносор и в Сиппаре. И здесь, после окончания строительных работ, он обращается к богу с мольбой о даровании ему долгого царствования:

«Шамаш, великий владыка, вступая в свой лучезарный храм Э-барру в ликовании, воззри на мою драгоценную работу и пусть уста твои изрекут мне милость. По твоему справедливому приговору да буду я награжден потомством, да даруй мне жизнь, долгого дней и утверди мой престол, да будет царство мое (т. е. династия) долговечно, до века с жезлом прозесть, с мудрым правлением. Укрась ввеки царство мое законным скипетром, благотворным для людей. Огради мои войска на поле брани мощным оружием. О Ша-

¹ Тураев Б. А., История древнего Востока, ч. II, стр. 131.

² Там же.

маш, дай мне ответ, как судья, приговором и во сне. Твоим возвышенным и неотменяемым повелением да преуспевают мои изобретения оружия и да повергнут они оружие врагов»¹.

Враг, против которого искал Навуходоносор помощи, был не кто иной, как мидийцы, которые к концу царствования Навуходоносора начали стремиться к завоеванию Вавилона. Эти поползновения мидян находили сторонников среди вавилонской зажиточной верхушки, которые при создании мирового мидийского государства надеялись на увеличение возможностей для своей торговли. После смерти Навуходоносора в 555 г. вступил на престол некто Набонид — выходец из Харранской области. Есть основания предполагать, что он был дальним родственником погибшего ассирийского царского рода.

Царь Набонид, вступив на престол, продолжал строительную деятельность Навуходоносора, надеясь, что путем такого рвения по отношению к богам Вавилонии ему удастся спасти страну от надвигающейся мидийской угрозы. Он нашел против грозного мидийского врага неожиданного союзника в лице Кира — царя Персии. Об этом он повествует в следующей своей надписи:

«Вначале моего вечного царствования боги послали мне сон: Мардук, великий господин, и Син, свет неба и земли, стояли по обе стороны. Мардук сказал мне: «Набонид, царь вавилонский, доставь кирпичи, отстрой Эхульхуль и дай Сину — великому господину — поселиться там». Благоговейно сказал я Мардуку, владыке богов: «Храм, на который ты указываешь мне, окружают умманмаиды (мидийцы) и многочисленное войско их». Мардук ответил мне: «Умманмаиды, о которых ты говоришь, больше же существуют: ни их земли, ни царей, их помощников. В третьем году они навели на него войну, и Кир, царь Аншана, его (Мардука) юный слуга, рассеял со своими немногочисленными силами полчища умманмаидов; Иштувега (Астиага), царя умманмаидов, взял он в плен и отправил в свою страну»².

Но радость Набонида была преждевременной. Вскоре оказалось, что Кир преследует ту же политику, что и побежденная им Мидия. Благодаря инициативе египетского царя Амазиса против Персии создавалась коалиция из Египта, Лидии и Вавилона. Но Кир победил Лидию (546 г.) и направил свои удары против Вавилона. Изолировав последний, он создал в нем большую партию, которая стремилась к свержению Набонида, дабы, подчинившись Киру, снова располагать обширным переднеазиатским рынком. Набонид же перед лицом грозной внутренней и внешней опасности думает только о строительной деятельности в Харране, надеясь, что боги спасут его от неминуемой гибели. Он усиливает Вавилон не столько гарнизоном воинов, сколько сонмом богов. Боги всей Вавилонии были собраны им в громадный город — крупнейший центр тогдашнего мира. Этим он вызывает сильное недовольство со стороны жречества.

Таким образом Набонид не столько противодействовал, сколько сам подготавливал победоносное шествие персидского завоевателя. Рост торговли в пределах древневосточных стран обусловил создание мирового персидского государства — предтечи великого римского объединения.

¹ Тураев Б. А., История древнего Востока, ч. II, стр. 131.

² Там же, стр. 134—135.

ДРЕВНЯЯ ПЕРСИЯ

Персидское общество сложилось на Иранском плоскогорьи, к востоку от долины Тигра и Евфрата. Здесь были долины, в которых было возможно занятие земледелием, и большие области, благоприятствующие скотоводству.

В степях и плодородных долинах этого плоскогорья жили воинственные племена земледельцев и скотоводов, говоривших на персидском языке — одном из индоевропейских языков. Северная часть этого плоскогорья, граничащая с Каспийским морем, была занята племенами, которые назывались мидийскими и были родственны персидским племенам, занимавшим южную часть Иранского плоскогорья.

Мидийские племена первыми выступили на арену истории: уже в VIII в. они явились противниками ассирийских царей. Ассирия однако их победила. Нанеся поражение мидянам, она заставила их платить себе дань, которую мидяне вносили преимущественно конями. После преодоления скифского вторжения мидянам удалось вместе с Вавилонией разгромить Ассирию. Через несколько десятилетий после этого Мидия пытается захватить Вавилон. Однако эта попытка окончилась неудачей не столько вследствие силы Вавилонии, сколько в результате сильного восстания против мидян союзных и подчиненных им персидских племен.

Во главе восставших персидских племен встал Кир, происходивший из старой персидской родовой знати и являвшийся даже родственником царского дома Мидии. В середине VI в. Киру удалось победить последнего мидийского царя — Астиага и тем самым создать персидское государство, в котором господство принадлежало персам, а подчиненными оказались мидяне. Но вообще это подчинение было не слишком обременительно для мидян, ибо они были настолько близки персам, что эти последние и в последующее время носили название мидян.

Объединив воинственных персов и мидийские племена, Кир вступил на путь всемирного завоевания — путь, на который до него пытались вступить не совсем удачно иранские племена под гегемонией Мидии. Свои первые удары Кир направил против Малой Азии — против лидийского государства. Стремление Кира к мировому господству тотчас же обратило на себя внимание соседей и ответом на это было создание коалиции из Лидии, Вавилонии и Египта. Эта коалиция однако не спасла Лидию от гибели. Персы перешли Галис и вторглись в пре-

дела лидийского государства, и лидийский царь Крез (известный своими богатствами) должен был сдаться победителям. Персидские войска после занятия Сард докатились до берегов Малой Азии, и греческие города-государства малоазиатского побережья вошли в состав персидского государства.

Став твердою ногою в Малой Азии (546 г.), Кир направляет свои удары против Вавилонии. Его войска шаг за шагом ограничивают территорию последней, прерывают ее торговые пути и создают таким образом в самой Вавилонии сильное недовольство против господствующей династии. Из современного текста, который восхваляет прибытие Кира в Вавилон (538 г.), мы узнаем о силе недовольства со стороны зажиточного населения Вавилона царем Набонидом.

«Слабый был поставлен властвовать над своей страной... Ежедневно замыслил он и, как враг, отменил ежедневные жертвы... Почитание Мардука — царя богов (он пренебрег)... и постоянно делал то, что было ко злу его града... его жителей довел он до гибели, наложив на них тяжелое иго. Владыка богов разгневался грозно из-за стона их... Он обратился и умилился о них. Он обозрел все страны, исследовал их, искал праведного царя по своему сердцу, чтобы взять его за руку. Кира, царя Аншана, воззвал он по имени и призвал к владычеству над вселенной... Мардук, владыка, защитник людей, радостно взоррел на его (Кира) благословенные деяния и его праведное сердце и повелел ему шествовать к всему граду Вавилону... сопутствуя ему как друг и товарищ. Его широко растянувшиеся войска, неисчислимые подобно воде реки, шли вооруженные с ним. Без боя и битвы дал он ему вступить в Вавилон и пощадил свой град от утеснения. Набонида, царя, не почитавшего его, Мардука, он предал в его (Кира) руки. Все жители Вавилона, весь Сумир и Аккад, вельможи и советники склонились перед ним ниц и целовали его ноги, они радовались царству его, и сняли их лица»¹.

Зажиточная верхушка действительно ненавидела Набонида за его слабость, которая не давала ему возможности создать для Вавилона тот обширный рынок, которым располагал Вавилон при его предшественниках. В лице Кира они приветствовали «сильного», который расширит вавилонский рынок до грандиозных размеров. Однако если сами вавилоняне столь восторженно приветствовали приход Кира, то в еще большей степени его должны были приветствовать плененные нуден. Пророк, живший в эпоху вавилонского пленения, писания которого сохранились как продолжение книги пророка Исайи, прямо называет Кира помазанником (Мессия) — Яхве:

«Так говорит господь помазанному Киру: Я держу его за правую руку, чтобы повергнуть народы перед ним, и я распяшу чресла царей, чтобы двери были открыты перед ним и ворота были незаперты. Я пойду пред тобою и сравню холмы, сломаю медные двери и сокрушу железные запоры. Я отдам тебе хранимые в темноте сокровища и скрытые богатства, чтобы ты узнал, что я, господь, называющий тебя по имени, — бог Израилев, ради Иакова, раба моего, и Израиля — избранника моего, — я называю тебя по имени, я величаю тебя, хотя ты меня не знаешь»²...

Вероятно такую же радость испытывали и представители других плененных народностей в Вавилонии.

¹ Тураев Б. А., История древнего Востока, ч. II, стр. 164.

² Там же, стр. 160.

Это недовольство прежним правителем как со стороны вавилонян, так и со стороны чужеземцев, населявших страну, чрезвычайно облегчало Киру его завоевания. Почти без кровопролития захватил он в 538 г. мировой город. Им был выпущен манифест, который должен был даровать жителям Вавилона полный мир и безопасность:

«Я, Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Сумира и Аккада, царь четырех стран света, сын Камбиза — великого царя... отрасль вечного царства, которого династия любезна Белу и Набу, которого владычество приятно их сердцу. Когда я мирно вошел в Вавилон и, при ликованиях и веселии во дворце царей, занял царское жилище, — Мардук, великий владыка, склонил ко мне благородное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании. Мои многочисленные войска мирно вступили в Вавилон. Во весь Сумир и Аккад я не допустил врага. Забота о внутренних делах Вавилона и о всех его святилищах тронула меня, и жители Вавилона нашли исполнение своих желаний, и бесчестие его было с них снято. Я отвратил разрушение их жилищ и устранил их падение. Моем благословенным деянием возрадовался Мардук, великий владыка, и все войска милостью, когда мы искренне и радостно величали его божество. Все цари, сидящие во дворцах всех стран света, от верхнего моря до нижнего... и в шатрах живущие цари Запада, — все вместе принесли свою тяжелую дань и целовали в Вавилоне мои ноги»...

Из слов этого манифеста мы видим, что часть населения Вавилона, а именно зажиточная верхушка, с радостью приветствовала персидского царя, вводившего Вавилон как звено в тот мировой рынок, который создавался путем нового объединения, охватывавшего все страны древнего Востока.

На пути осуществления этой задачи Киру оставалась теперь самая трудная ее часть, а именно — завоевание наименее доступного и наиболее мощного из древнейших государств — Египта. В целях создания плацдарма для похода на Египет Кир воссоздал Иудею. Он послал бывших в пленении иудеев в Палестину. Однако иудейские эмигранты лишь отчасти последовали повелению царя: направились в Палестину жречество, которое в вавилонских жрецах находило себе места в богатых городах Вавилонии. Часть же эмигрантов, до сих пор в Вавилоне зажиточности, продолжала оставаться здесь. В лице евреев, вернувшихся в Палестину из вавилонского пленения, Персия нашла верных союзников. Но конечно, для того чтобы с успехом завершить завоевание Египта, Киру необходимо было обезопасить северо-восточные границы своего государства от нападений со стороны диких кочевых племен закаспийских степей. Киру удалось нанести последним несколько поражений, но в 529 г. во время одного из таких сражений он умер.

На престол вступил упомянутый в манифесте старший сын Кира — Камбиз, столь же крупный полководец, как и его отец.

Камбиз тщательно подготовлялся к египетскому походу. Он заключил договоры с арабскими племенами и, опираясь на них и на восстановленную Иудею, повел свои войска на Египет (526 г.). В это время, в год начала похода, умер царь Египта Амазис, и на престол

вступил его молодой сын Псамметих. Начальник греческих наемников Фанет, подкупленный Камбизом, оставил свои войска и перешел на сторону персов. Эта измена однако не ослабила мужества греческих наемников и египетских воинов: они мужественно защищались, и лишь с большим трудом после боя у границы персам в 525 г. удалось вторгнуться в пределы Египта. Около Мемфиса египтяне опять оказали упорное сопротивление, но с падением этого города началась измена со стороны египетско-ливийской родовой знати, которая в персах видела избавление от господства рядовых воинов свободных армий, занимавших весьма значительное положение в царствование Амазиса. До нас дошла автобиография одного из этих изменников национальному делу Египта — Уджахоресента, являвшегося крупным сановником последних египетских царей. Вот что он повествует:

«Когда прибыл великий царь, государь всех стран Камбиз в Египет и с ним были азиаты всех стран, он царствовал над этой страной во всю широту ее и поселил их там. Он был великим царем Египта, великим властителем всех стран. Приказал мне его величество быть в сане великого врачеванием, заставил меня быть рядом с ним в качестве семера, начальника дворца. Я составил его титулатуру в имени его, как царя Верхнего и Нижнего Египта Месут-Ра. Я дал познать его величеству величие Саиса — седи-лиша Нейт, великой матери, родившей Ра первородно... Я просил его величество, царя Верхнего и Нижнего Египта Камбиза относительно всех азиатов, которые засели в храме Нейт, чтобы прогнать их оттуда, чтобы вернуть храму прежнее его благолепие. Повелел его величество выгнать всех азиатов, которые засели в храме Нейт. Повелел его величество омыть храм Нейт, возвратить ему всех его людей, часовых, жрецов. Приказал его величество давать дары и жертвы Нейт, великой матери великих богов, которые в Саисе, как было прежде. Повелел его величество (справлять) праздники их все, выходы их все, как делалось издревле. Сделал его величество это потому, что я дал ему познать величие Саиса, града всех богов»¹.

Из этих слов Уджахоресента мы не можем узнать о тех ожесточенных боях, которые предшествовали приходу Камбиза в Египет. Для него и не было никаких ожесточенных боев; были разве только бои персов с ненавидимыми ему «простолюдинами» — беднейшей частью населения — и с «варварами»-греками, которых он с помощью персов удалил из храма Нейт. И когда после попытки восстания против Камбиза в Египте наступило «время великого ужаса, происшедшего во всей стране», Уджахоресент продолжал пользоваться благорасположением Камбиза, говоря о себе: «Я — человек хороший в городе моем, я спас людей его в величайшем ужасе, случившемся во всей стране, подобного которому не было на всей земле». В лице Уджахоресента и ему подобных Камбиз нашел сторонников, которые поддерживали его против восстаний со стороны низших слоев египетского общества и со стороны греческих наемников. Здесь, в Египте, Камбиз надеялся расширить свою мировую империю до крайних пределов известного тогда мира. Он мечтал о завоевании Карфагена и присоединении к Египту Нубии. Первый поход в Нубию не удался; прекрасные пер-

¹ Тураев Б. А., История древнего Востока, ч. II, стр. 171.

сидские войска с трудом переносили необычайный для них климат. О повторении же похода Камбиз уже думать не мог: в Иране начинали разыгрываться события, которые поневоле должны были привлечь его внимание.

В Персии за многие десятилетия постоянных войн начался распад старого уклада общества. В обществе свободных воинов, земледельцев и скотоводов благодаря большому притоку богатств в виде дани из завоеванных областей и военной добычи началось быстрое выделение родовой знати и зажиточной верхушки. Это явление стало тем более опасным, что во главе движения стали маги, т. е. мидийское жреческое общество, в лице которого зажиточная верхушка мидийского общества получала свою мощную организацию. Зажиточная верхушка персидского общества и родовая знать видели в магах своих естественных союзников.

Дело окончилось тем, что недовольство зажиточной верхушки царем, опиравшимся на народ, организованный в войска («кара» по-древнеперсидски), нашло союзника в одном из членов царской семьи, а именно в лице младшего брата Камбиза — Бардии. Камбиз, узнав об этом, решил на убийство брата. Но не помогло и это. В Мидии появился самозванец из магов по имени Гавмата, который объявил себя Бардией. Камбиз, узнав о появлении самозванца, решил лично направиться в Иран. Оставив в Египте достаточное количество гарнизонов, он выступил в обратный поход, но по дороге умер при загадочных обстоятельствах. После смерти Камбиза все обширное государство, сколоченное походами Кира и Камбиза, начинает распадаться: слишком слабая была еще та организация, которая была создана Персией, для того чтобы держать в объединении весь разношерстный комплекс древневосточных обществ.

Во главе движения против магов стали крестьяне и скотоводы (из которых рекрутировалась армия), потерявшие свое значение благодаря магам, которые стремились ограничить права народных масс, а также та родовая знать, из среды которой происходил царский род. Во главе крестьянского движения становится знаменитый персидский пророк Заратуштра, который нашел в лице Виштаспы — отца будущего царя Дария I — своего защитника. Но истинным учеником Заратуштры явился сам Дарий I, который, опираясь на народ — войска, воодушевленный проповедями Заратуштры, повел решительную борьбу с магами. Свою победу над ними и над всеми восставшими он увековечил в знаменитой Бехистунской надписи, отмечавшей, что царская власть его рода, отнятая у него магами, снова возвращена им, Дарием:

«Говорит царь Дарий: некто, именем Камбиз, сын Кира, из нашего рода, был здесь царем. Этот Камбиз имел брата по имени Бардия от одного отца и от одной матери. Камбиз убил этого Бардию. Когда Камбиз умертвил Бардию, народу было неизвестно, что Бардия убит. Затем Камбиз пошел в Египет. Когда Камбиз пошел в Египет, народ возмутился, ложь распространилась как в Персии, так и в Мидии, равно как и в прочих странах. Был человек, маг по имени Гавмата, возмутился у горы Аракадриш; оттуда он начал бунт. В месяце вякне 14-го числа (11 марта 522 г.) он возмутился. Народу он лгал, говоря: «Я — Бардия, сын Кира, брат Камбиза». Тогда весь народ отпал от Камбиза к нему, и Персия, и Мидия и прочие

⁸ Струве В. В. История древнего Востока.

страны. Он захватил власть. Это было 9 гарманада (2 апреля). Тогда Камбиз умер, умертвив себя. Эта власть, которую маг Гавмата исторг у Камбиза, издревле принадлежала нашему роду. Затем Гавмата отнял у Камбиза Персию, Мидию и прочие страны, он присвоил их себе и стал царем. Не было ни одного человека, ни перса, ни мидийца, ни из нашего рода, который бы отнял власть у этого мага Гавматы. Люди весьма боялись его: он мог казнить многих людей, которые некогда знали Бардию... Никто не осмеливался что-либо сказать о Гавмате-маге, пока я не прибыл. Тогда я помолился Аурамазде о помощи. Аурамазда послал мне помощь. В месяце богаядише 10-го числа (29 сентября 522 г.) я с немногими людьми погубил этого Гавмату и его знатнейших приверженцев.

Есть крепость Сикая-Уватиш в области, именуемой Нисая, в Мидии. Там погубил я его и исторг у него власть. Волею Аурамазды я стал царем: Аурамазда вручил мне царство. Власть, отнятую у нашего рода, я вернул и поставил ее на надлежащее место, как было раньше. Храмы, разрушенные магами, я возобновил, народу (войску «кара») выгоны стада и жилища-дома, отнятые Гавматой, я возвратил. Я вернул народу его прежнее положение как в Персии, так и в Мидии, так и в прочих странах. Я вернул, что было отнято. Волей Аурамазды я все это совершил. Я трудился, чтобы вернуть нашему роду его прежнее положение, как было древле; я старался (продолжать) по воле Аурамазды, как если бы Гавмата не устранил нашего дома¹.

Из этого текста мы видим, что роль Дария напоминает роль Урукагины. И тот и другой выступали против попыток зажиточной верхушки захватить в свои руки коллективную собственность народа и ограничивали ее аппетиты. Только деятельность Дария носила более грандиозный характер, поскольку он действовал не в маленьком сумерийском городе-государстве Лагаше, а в Персии и Мидии — объединительницах древнего Востока. Дарий возвратил народу его коллективную собственность (храмы, выгоны), освободил индивидуальное имущество (дома, стада и пр.) от поборов со стороны жречества — центральной организации зажиточной верхушки. Эта политика Дария встречала сочувствие у широких народных масс. Опираясь на эти массы, организованные в войска, Дарий мог захватить царскую власть и вернуть своему роду его прежнее положение.

Преодолев движение магов в Мидии и Персии, Дарий сделал самое трудное дело. Теперь, опираясь на народ-войска, а также на мидийские контингенты, Дарий мог повести успешную борьбу против всех прочих отпавших областей. В течение каких-нибудь полутора лет ему удастся снова объединить весь древний Восток; слишком сильным было тяготение зажиточной верхушки во всех странах к мировому рынку, который мог быть создан лишь в условиях персидского объединения. В своей политике Дарий сознательно оказывал преимущества этой верхушке в присоединенных странах. Представителей ее он выдвигал в ущерб «простолюдинам» на первые места. Об этом сообщает уже знакомый нам Уджахоресента; он получил от Дария поручение восстановить школу Саисского храма, славившуюся своим медицинским искусством. Он говорит о себе:

«Я поступил согласно тому, как приказал мне его величество, и снабдил школу всеми книжниками, сыновьями особ. Не было среди них сыновей простолюдинов».

¹ Тураев Б. А., История древнего Востока, ч. II, стр. 178—179.

Объединив древний Восток, Дарий приступил к организации своего обширного государства, дабы избежать повторения столь катастрофического распада, какой имел место после смерти Камбиза. Государство делилось теперь на провинции, бывшие уже таковыми в настоящем смысле этого слова, с регулярным и постоянным управлением, с определенными податями, которые были несколько менее обременительны, чем те тяжелые подати, которые хищнически выкачивались Ассирией из завоеванных областей. Во главе областей стояли правители, или, как называли их греки, «сатрапы», что соответствует древнеперсидскому «хшатрапаван» («защитник страны»). Таких областей, входивших в состав обширного персидского государства, Дарий в своих надписях Накширустамской и Суэцкой приводит двадцать четыре:

«Волею Ормузда подчинены мне страны, которые я получил, — кроме Персии. Они приносят мне дань. Что я им говорю, то они исполняют.

Мой закон — для них руководство. Это — Мидия, Сузиана, Парфия, Ария, Бактрия, Согдиана, Хоразмия, Дрангиана, Арахозия, Саттагида, Гандара, Индия, Хумавагские скифы, Скифы с остроконечными шапками, Вавилон, Ассирия, Аравия, Египет, Армения, Каппадокия, Сарды, Иония, Скифы по ту сторону моря, Скудры, Ионяне с курчавыми волосами, Пут, Куш, Максия, Карка»¹.

В некоторых из этих областей сатрапы являлись представителями как гражданской, так и военной власти. Обычно это было в пограничных областях, где требовалась быстрота действий, для чего было необходимо сосредоточение гражданской и военной власти в одних руках. В других областях наряду с сатрапами имелись и военачальники, фактически руководившие всеми военными силами. Последние отчасти были персы и мидяне, отчасти же вербовались из наемников и туземных контингентов. Во всяком случае ядром этих войск в эпоху Дария являлись конечно иранцы.

Главной заботой центрального и местного управления персидского государства было создание всех возможностей для интенсивной торговли, объединявшей все государства. В этих целях были созданы прекрасные дороги, соединявшие периферии друг с другом и с центром. На этих дорогах имелись охрана и прекрасные гостиницы, которые давали возможность торговцам безопасно передвигаться с места на место в своих далеких путешествиях с большими удобствами. Однако Дарий заботился не только о сухопутных путях. Для расширения водных торговых путей он соединил при помощи канала Черное море со Средиземным, о чем он повествует в надписях, сохранившихся на Суэцком перешейке:

«Я повелел копать канал от реки Пирава (Нила), текущей по Египту, к морю, идущему из Персии. Он был выкопан, как я повелел, и корабли поплыли по нему из Египта в Персию, как и была моя воля».

Для торговли и для нужд мирового рынка Дарий создал высоко развитое денежное хозяйство. Он ввел золотую валюту, выпускавшуюся только одним царем, — знаменитые «даррики», представлявшие собою золотые монеты, равные по весу, подобно золотым червонцам. На них

¹ Тураев Б. А., История древнего Востока, ч. II, стр. 196.

был изображен персидский царь, стреляющий из лука, что давало повод грекам иной раз называть их «стрелками». Наряду с золотой имела хождение в персидском государстве также серебряная и медная монета, которая могла чеканиться также и в самих областях.

Все эти меры создавали возможность обогащения торговых слоев объединенного персидского государства в отдельных областях. Население провинции несло определенную подать, которую возлагало на него персидское государство. Эта подать была установлена после изучения доходности областей и уже не могла произвольно меняться. Самой богатой областью являлась Вавилония: она платила дань в 1000 талантов. Несколько меньшей была дань Египта (700 талантов). Примерно в таком же соотношении к своим платежным возможностям платили подать и остальные сатрапии. Вообще богатства, стекавшиеся со всех концов древнего мира в Персию, были громадны.

В этой организации был однако и ряд отрицательных сторон. Самой существенной из них была организация взимания дани. Дань, возложенная на области, которая на первых порах была довольно умеренной, становилась огромной вследствие откупной системы, которая в персидском государстве практиковалась в такой же степени, как впоследствии в Римской республике. Создание системы откупов вполне понятно: слишком громоздким должен был быть тот чиновничий аппарат, с помощью которого персидское государство само выкачивало бы непосредственно от населения областей установленную подать. Гораздо проще было передать взимание податей на откуп предприимчивым богачам.

Эти последние платили установленный налог государству, а за это получали право с излишком выколачивать из населения уплатенную государству сумму. Надо думать, что при Дарии I хищничество этих ростовщиков было введено в известные рамки. Однако в последующее время оно приняло грандиозные размеры. Так от царствования Дария II (вторая половина V в.) дошел до нас документ, посвященный делу, которое возникло между правителем нескольких местечек около Ниппура с откупщиками — сыновьями Мурашу, имевшими свое местожительство в Ниппуре. Багадата, правитель разграбленных местечек, говорит сыновьям Мурашу следующее: «Местность Рабая, с которой было взято серебро, а также местность Хазату, и местности в ее округе вы разрушили. Серебро, золото, скот крупный и мелкий и все имущество взяли ваши подчиненные». Правда, сыновья Мурашу отрицали подобные злодеяния, но в конце концов во избежание судебного дела они были вынуждены дать Багадате 350 кур ячменя, 1 кур эмера, 50 кур пшеницы, 50 бочек старого вина, 50 бочек нового вина, 200 кур фиников, 200 голов мелкого и 20 голов крупного скота и наконец 5 талантов шерсти. Вполне очевидно, что столь грандиозная взятка была вызвана желанием замять дело, грозившее принять оборот, весьма нежелательный для зарвавшихся откупщиков. Но взятка эта давалась правителю и вряд ли шла на пользу пострадавших жителей. Таким образом названный выше текст свидетельствует о весьма тяжелом положении непосредственных производителей в Вавилонии в эпоху персидского господства.

Откуп вызывал большое недовольство среди населения подвластных Персии областей и порождал в них стремление к освобождению от персидского гнета.

Сепаратистским стремлениям способствовало и то обстоятельство, что сатрапы отдельных провинций рано стали чувствовать себя самостоятельными правителями и начали стремиться к достижению почти полной самостоятельности по отношению к центральной власти. В эпоху Дария I в качестве меры борьбы против сепаратистских тенденций применялся институт постоянного контроля местного управления путем частой посылки ревизоров, носивших характерное название «глаз и ушей царя». Но с течением времени этот институт ревизоров не мог бороться против все более развивающихся тенденций провинций к самостоятельности.

Что касается самой Персии, то она была выделена из прочих государств и не платила дани, поскольку являлась владычицей разношерстных государств, объединенных Дарием I. Персы были основной прослойкой — господствующим классом древневосточных обществ в эпоху персидского завоевания. Они не только не платили дани, но не участвовали ни в каких работах. Так, согласно вновь найденной надписи Дария в Сузах в постройке тамошнего храма принимали участие представители всех покоренных народов, но не персы. Они были лишь воинами и чиновниками.

Мощь персидского государства — объединителя древнего Востока продолжала оставаться вполне реальной вплоть до смерти Дария. Но уже к концу царствования Дария в Персии начало чувствоваться разложение. Богатства, которые притекали в Персию, постоянные войны, рост ростовщического капитала — все эти обстоятельства в Персии привели к разложению общества воинов. Зажиточная верхушка, в противовес народу-войску, начала опираться на контингенты побежденных народов и на наемников, что конечно должно было привести к ослаблению мощи персидского государства.

Это выявилось уже в эпоху Ксеркса (486—465 гг.), вступившего на персидский престол после смерти отца его Дария. Перед Ксерксом стояла задача завершения дела создания мирового рынка путем присоединения к объединенному древнему Востоку и мира греческих городов-государств. Однако войско Ксеркса, состоявшее главным образом из контингентов завоеванных народов и лишь в незначительной степени из персов и мидян, потерпело поражение, и с этого времени началось ослабление персидского государства. Опорой его все более и более становились наемники, рекрутировавшиеся преимущественно из греков. Роль же персидских войск все время снижалась. Таким образом здесь происходил процесс, аналогичный имевшему место в Ассирии, но в более грандиозных размерах. И здесь, как в Ассирии, разбогатевшая верхушка, не желавшая делить военной добычи с народом-армией, противопоставляла последней наемников и тем самым ослабляла мощь своего государства. Это обстоятельство было тем более губительным, что Персия не обладала мощной культурой, могущей способствовать объединению и стать одним из средств ассимиляции разношерстного населения

персидского государства. Почти во всех областях персы зависели от более культурных своих соседей: так это было в области искусства, техники, науки, литературы и т. д. В одной лишь области персами было создано нечто оригинальное — в области религии.

Религиозная система Заратуштры с ее резко выраженным дуализмом носит на себе яркую печать самостоятельности. Мир согласно этой системе управляется двумя началами: благим Аурамаздой и злым Ариманом. Борьба между ними происходит постоянно и в конце концов заканчивается победой Аурамазды — всеблагого. Аурамазда является владыкой плодородной земли, которая может дать прокорм, людям и скоту, а Ариману подчинены лишенные плодородия степи и пустыни. Долг каждого человека поэтому бороться за Аурамазду путем расширения площади плодородной земли.

В эпоху Ахеменидов религия Заратуштры не достигла еще того развития, какое было присуще ей в эпоху Сассанидов, когда она стала подлинной государственной религией. И своим фанатизмом она соперничала даже с христианством.

Религия, как и прочие надстроечные элементы, не могла конечно в какой-либо степени задержать продолжавшийся распад персидского государства. Роковую роль в этом распаде играли греки. Греческие торговые круги были заинтересованы в отторжении от персидского государства таких областей, как Египет, Сирия, Малая Азия, дабы приобщить их к тому рынку, который создавался ими и объединял наряду с восточным уже и часть западного Средиземноморья. Итак внешняя борьба (греки, затем македонцы) и внутренние причины (недовольство областей системой откупа, еще недостаточное развитие торговли, стремление Египта и Финикии к объединению с Грецией и западным Средиземноморьем, сепаратизм отдельных сатрапий) — все это привело в конце концов к тому, что в 330 г. персидское объединение уступило место новому объединению — македонскому.

Это македонское объединение, создавшее новую эпоху в истории древнего Востока, эллинистическую, и могло быть осуществлено лишь при условии наличия предшествующего персидского объединения, которое впервые в мировой истории создало громадный рынок, объединивший в крупных центрах, как например Вавилон, представителей самых разнообразных народов. Персия должна быть поставлена наряду с Римом в цепь наиболее действенных величайших объединений.

ФИНИКИЯ

Финикия расположена на восточном берегу Средиземного моря, занимая его центральную часть. Слово «Финикия» очень древнего происхождения. Уже египетские тексты третьего тысячелетия до нашей эры говорят о финикийцах как о народе, живущем в Азии.

Финикийцы являются племенем, которое говорило на одном из семитических языков. Язык их был близок к языку аморейских семитов — той же семитической ветви, к которой принадлежал и царь Хаммураби. Попадая на побережье, финикийские племена расположились в узкой долине, которая окаймлялась на востоке цепью гор (Ливан), а на западе Средиземным морем.

Долина эта была узкой, а земля, хотя и плодородная, давала мало возможностей для занятия земледелием, тем более что в некоторых местах почва была сплошь каменистой. Это отразилось на имени одного из главных финикийских городов — Тира (что означает «скала»). Поэтому основным занятием финикийских племен в течение долгого времени оставалось рыболовство, которое, как и всюду, облегчало кочующим племенам переход к оседлости. Вероятно уже тогда у финикийцев было довольно много рабов (ср. с положением в Вавилонии и Египте). Это занятие рыболовством отразилось на имени другого главного финикийского города, а именно Сидона (что значит город «рыбной ловли»).

До позднего времени рыбная ловля продолжала играть большую роль в хозяйстве финикийских городов. До того момента, как в Вавилонии и Египте образовались большие государственные объединения, которые создавали в большом количестве зерновые продукты и для поддержания своих производительных сил требовали большой массы технического сырья (дерево, камень, металлы), финикийские рыболовные общины не играли большой роли. После того как уже в конце четвертого тысячелетия в Вавилонии начинает развиваться мощное ирригационное хозяйство, Финикия как страна, поставляющая дерево и металлы, могла выступить и в качестве непосредственного торговца и в качестве торгового посредника.

С каждым веком значение Финикии все усиливалось. Особенно оно стало значительным, когда наряду с Вавилонией в конце третьего тысячелетия и Египет стал требовать азиатского дерева и азиатского металла для поддержки своей мощной ирригационной системы (орошение высоких полей, осушка Фаумского болота и т. д.). Для удовлетво-

рения всех нужд Вавилона и Египта финикийцы начинают вступать в интенсивные сношения и с прочими областями Средиземного моря, создавая таким образом рынок, обнимающий большую территорию.

Итак по мере роста производительных сил Вавилонии, Египта и других стран древнего Востока торговое значение Финикии росло, и в конце концов слово «финикиец» стало нарицательным словом для торговца.

Финикийские города: Сидон — на севере и Тир — на юге, а также и другие представляли собою торговые города-государства в античном смысле этого слова. Все правомочное население концентрировалось в самих городах. Для защиты населения эти города были окружены стенами, а некоторые из них, например Тир, были даже для большей безопасности расположены отчасти на островке, около материка. В случае опасности население покидало часть города, расположенную на суше, и переправлялось на остров, где и отсиживалось от осаждающего врага. Тир в течение своей многовековой истории был только один раз взят врагами извне (Александром Македонским). Даже могучие ассирийские войска должны были удовлетвориться формальным покорением Тира.

В финикийские города стекались всевозможные товары: сырье из Судана, золото и слоновая кость из Нубии, страусовые перья, благовония, зерно Египта, дерево с Ливанских гор, продукты кустарной промышленности Вавилонии и наконец самый ценный товар — рабы.

Еврейские пророки неоднократно предсказывали, что Яхве покарает финикийские города за то, что они продают детей Израиля в рабство. Греческие же писатели сообщают о том, что финикийские купцы даже следовали за войсками, чтобы на поле битвы за бесценок купить у солдат их человеческую добычу и затем перепродать ее в своих городах за большие деньги. Еще в эллинистическую эпоху финикийцы играли крупную роль на больших рынках рабов.

Однако финикийцы не только перепродавали рабов. Большая часть последних оставалась в их же городах и применялась здесь в качестве домашних рабов, затем — в эргастериях (мастерских, обслуживающихся трудом рабов) в качестве чернорабочих, носильщиков и наконец в большом количестве как гребцы на галерах. (Надо отметить, что слово «галера» финикийского происхождения.) Конечно труд этих галерных рабов был самым ужасным. Для безопасности команды рабы приковывались цепями к бортам корабля. Рабов в финикийских городах было чрезвычайно много, и они составляли основной эксплуатируемый класс. Им противостояли свободные граждане финикийских городов. Последние, в свою очередь, делились на знать — потомков древнего населения и на народ — потомков тех родов, которые пришли уже в ту пору, когда финикийские города стали играть крупную роль. Знать имела свои земельные владения вне городской черты, которые обрабатывались рабами или крепостными. Некоторые из израильских племен, основавшиеся около финикийских городов, были этими самыми городами обращены в крепостных.

С течением времени, по мере роста производительных сил и развития торговли, из среды населения начинают выделяться более богатые вступающие в борьбу со знатью. Борьба эта иной раз принимала

жестокий характер, поскольку в некоторых случаях приводила к переселению недовольных из родных городов и к основанию колоний.

Благодаря этому Средиземноморье покрывается рядом финикийских поселений-колоний, которые являлись опорными пунктами для мировой финикийской торговли. Финикийские колонии были основаны на островах: Мальта, Сицилия, Сардиния, на берегу Северной Африки и в Испании. Особенное значение приобрела впоследствии колония Тира, основанная на африканском побережье в области современного Туниса, — Карфаген.

В ряде случаев внутренняя борьба свободных граждан приводила к переворотам в самих городах. Особенно кровавый характер приобретала эта борьба в тех случаях, когда к ней присоединялись рабы, восставшие против своих господ. Есть сведения о том, что в Тире имело место восстание рабов, приведшее к поголовной гибели свободного населения. Восстания рабов облегались тем, что наряду с рабами-иноплемениками в финикийских городах имелись и иноплеменики-наемники. Опираясь на наемников как на боевую силу, рабы могли поднимать свои бурные восстания.

От подобных восстаний не остались свободными и колонии финикийцы, в первую очередь Карфаген. Здесь также происходила упорная борьба между знатью и народом. В более древнее время знать держала народ в подчинении, именно в этом обстоятельстве видит греческий философ Аристотель главное достоинство карфагенской конституции. В эпоху же борьбы с Римом господство знати было подорвано, и народ захватил власть в свои руки. Этим господством народа и слабостью знати греческий философ-историк Полибий готов объяснить поражение Карфагена. Борьба прослоек и в Карфагене способствовала восстаниям рабов, которые были тем более опасны, что кроме рабов, восставших, как и в прочих финикийских городах, в некоторых использовались, как и в прочих финикийских городах, в ремесле, морском деле и т. д., были громадные массы рабов, использовавшиеся на плантациях. В этом отношении Карфаген является для нас наиболее интересным. Он довел до совершенства рабское плантаторское хозяйство; именно здесь рассматривался раб как говорящее орудие труда. Рим является уже учеником своего противника — Карфагена в деле создания рабовладельческого хозяйства. В Карфагене была создана теория рабовладельческого хозяйства, примененная к сельскому хозяйству Магоном, который в V в. до нашей эры написал о сельском хозяйстве большой труд в 28 книг. В качестве принципа он устанавливает исключительное пользование рабским трудом, допуская использование труда свободных лишь во время жатвы. Труд Магона был в то время настолько знаменит и так ценился римлянами, что во время разрушения Карфагена он был спасен, привезен в Рим и здесь по постановлению сената переведен на латинский язык. Перевод Магона был использован теоретиками сельского хозяйства Рима, каковыми являлись Катон, Варран и Колумелла.

Большое скопление рабов, использовавшихся на плантациях, а также в городских хозяйствах, было чрезвычайно опасным, поскольку рабы могли в любой момент восстать. Опасными рабы были еще потому, что в Карфагене, более чем в каком-либо другом городе самой Финикии, были скоплены большие массы наемников. Так например в 241 г. произошло знаменитое восстание наемников: последние, не получая платы,

подняли восстание, опираясь на рабов и ливийцев, которые силою оружия были превращены в крепостных Карфагена.

Такова была борьба классов в финикийских городах и в их колониях.

Что касается политической надстройки, которая выросла на очерченных выше производственных отношениях, то она резко отличалась от политических надстроек рабовладельческих обществ ирригационного типа, каковыми являлись Египет и Вавилония. Цари не играли никакой роли; власть их была ограничена. Бюрократического аппарата не было, так как из-за отсутствия ирригационного хозяйства не возникало нужды в таком аппарате.

Религия финикийцев была чрезвычайно проста, как вообще в обществах торгового типа. Боги финикийских городов не имели даже собственных имен и назывались просто «царями» (Молох), «владыками» (Ваал). В религии, как и в области культуры, финикийцы в сильнейшей степени зависели от влияния мощных культур тех стран, с которыми они находились в интенсивнейших сношениях (Египет, Вавилония). Но в одном пункте они были новаторами: финикийцы являются подлинными творцами алфавитного письма.

Финикийскому купцу-воину и пирату необходимо было кожно простое письмо, ибо на своих кораблях финикийцы не могли держать человека, специально обученного только письму. Писец должен был стать в любой момент и купцом и воином. Толчком к созданию алфавита явились вероятно знаки египетского иероглифического алфавита, который, будучи создан египтянами на заре их истории, из-за ненадобности не был доведен до совершенства. Финикийцы создали алфавит из 22 знаков, которыми они обозначали все многообразие человеческой речи. Финикийский алфавит лег в основу алфавитного письма всего мира.

Кроме алфавита древние приписывали финикийцам некоторые технические изобретения, например, стекла, пурпурных красок и т. д.

Очень крупную роль в истории человечества финикийцы сыграли как мореплаватели: наряду с норманнами и малайцами финикийцы являлись самыми смелыми мореплавателями, которых знало человечество. Царь Соломон вместе с Тиром участвовал в морской экспедиции в страну Офир (на восточном берегу Африки). По поручению египетского фараона Нэхао в конце VII в. финикийцы обогнули Африку. Карфагеняне выходили в Атлантический океан через Гибралтарский пролив, который в древности назывался «столпами Геракла», т. е. бога Мелькарта, главного бога города Тира. Античность сохранила сведения об экспедиции финикийцев на север, в Британию, даже в Балтийское море, и на юг — к берегам Гвинеи. Об этом путешествии сообщает нам отчет самого руководителя этой экспедиции — карфагенянина Ганнона.

Путешествие Ганнона

Отчалив и выехав за Столпы, мы плыли два дня и потом основали первый город, который мы называли Финатирем. При нем была большая равнина. Затем, направившись к западу, прибыли к Солоенту, ливийскому мысу, покрытому густым лесом. Здесь, основав храм Посейдону, снова двинулись

на восток на полдня пути, пока не пришли к озеру, расположенному недалеко от моря и заросшему многочисленным и высоким тростником. Были тут и слоны и много других животных, которые паслись. Мы поплыли вдоль озера на день пути и населили приморские города, называемые Карикантис, Гитта, Акра, Мелитта и Арамвий. Отплыв отсюда, мы прибыли к Сольшой реке Ликсу, текущей из Ливии. У нее ликситские номады пасли стада. У них мы пробыли некоторое время как друзья. За этими живут негостеприимные эфиопы, населяющие землю, полную зверей и перерезанную большими горами, из которых, как говорят, вытекает Ликс; у гор же живут люди различных типов, называемые троглодитами; ликситы говорят, что они в беге быстрее лошадей. Взяв у ликситов переводчиков, мы поплыли вдоль пустыни на два дня к югу, а затем на день к востоку. Там нашли мы внутри залива небольшой остров пяти стадий в окружности. Его мы заселили, назвали Керной. Мы заключили, что он лежит соответственно Карфагену: путь от Карфагена до Столпов равняется пути от них до Керны. Отсюда, проплыв мимо большой реки по имени Хрет, мы прибыли к озеру, на котором было три острова, больших Керны. Отойдя от них на день пути, мы прибыли к концу озера, над которым высились громадные горы, полные диких людей, одетых в звериные шкуры. Бросая камни, они отгоняли нас, препятствуя высадиться. Плывя отсюда, мы прибыли к другой реке большой и широкой, полной крокодилов и гиппопотамов. Вернувшись отсюда, снова прибыли в Керну. Отсюда поплыли на юг и через 12 дней прошли мимо земли, которая вся была заселена эфиопами, бежавшими от нас и не ожидавшими нас. Язык их оказался непонятен и для бывших с нами ликситов. В последний день причалили к большим лесистым горам. Стволы деревьев были разнообразны и душисты. Проплыв мимо них два дня, мы очутились в неизмеримом морском заливе, на обоих берегах которого была равнина. Отсюда ночью мы заметили по всем направлениям с промежутками сверкающие огни, то больше, то меньше. Запасшись водою, плыли дальше пять дней вдоль земли, пока не прибыли в большой залив, который, по словам переводчика, называют Южным Рогом. В нем показался большой остров, а на острове соленое озеро, а на озере — другой остров. Сюда мы причалили, но целый день ничего не видали кроме леса, а ночью много зажженных огней. Слышали звуки флейт, кимвалов и тимпанов и сильные крики. Нами овладел страх, и прорицатели велели оставить остров. Поспешив отплыть, мы прошли мимо знойной страны, полной благовоний. Из нее громадные огненные потоки вливались в море. Страна недоступна вследствие жара. Поспешно мы отплыли отсюда в страхе. Носились мы четыре дня и ночью увидали землю, полную пламени. В середине был весьма высокий огонь, больший, чем другие. Казалось, что он касался звезд. Днем это оказалось величайшей горой, называемой «Феон охима» («Колесница богов»). Через три дня, проплыв пламенные потоки, мы прибыли в залив, называемый «Южным Рогом». В глубине залива был остров, полный диких людей. Более многочисленны были женщины с телами, покрытыми шерстью; переводчики назвали их гориллами. Мужчин мы преследовали, но не могли поймать, — они все убежали, цепляясь за скалы и защищаясь камнями. Трех женщин мы захватили, но они, кусаясь и царапаясь, не захотели следовать за ведшими их. Убив их, мы сняли с них шкуры и привезли их в Карфаген. Дальше мы не плавали: у нас не хватало припасов»¹.

Этот отчет согласно детальному исследованию его со стороны современных ученых дает более или менее точное описание виденных карфагенянами побережий западной Африки.

Что касается политической истории Финикии, то она сводилась главным образом к борьбе между ее двумя городами — Тиром и Сидоном. Эта борьба имела место в эпоху Тель-Амарны, когда номинально Финикия принадлежала Египту, где тогда царствовал царь Эхнатон (Амен-

¹ Тураев Б. А. и Бороздин И. Н., Древний мир. Восток, стр. 66—67

хотен). В действительности же Финикия подпала под влияние хеттов и евреев, пользовавшихся слабостью Египта и раздорами между финикийскими городами. Об этом лучше всего свидетельствует письмо из Тира, сохранившееся в знаменитом Тель-амарнском архиве:

Письмо из Тира

«Царю, моему господину, моим богам, моему солнцу. Абимильк, твой слуга, 7 и 7 раз к ногам царя, моего господина, падаю я. Я — прах под сандалиями царя, моего господина. Мой господин — солнце, восходящее ежедневно над странами, по предписанию господа бога, его отца, милостивого, который оживляет своим радостным словом (при восходе) и который успокаивает все страны на закате, который дает греметь на небе моему гласу как Ададу, так что вся земля трепещет перед его громом. И вот слуга пишет своему господину... На груди и на спине ношу я славу царя, моего господина. Кто не принимает славы своего господина, потеряна страна того, потерял его дом, уничтожено его имя в целой стране. А кто слушается, благоденствует того город, благоденствует и страна, имя его пребывает вовеки. Ты, солнце, восходящее надо мною, и стена медная, защищающая меня... Я говорю моему солнцу: «Всегда хотел бы я видеть лицо царя, моего господина. Я защищаю город Тир, великий город, для царя, моего господина, пока не выйдет могучая рука царя ко мне, чтобы дать мне воду для питья и дрова, чтобы согреть меня». Далее: «Зимрида, сидонянин пересылается ежедневно с бунтовщиком Азиру, сыном Абдаширты, относительно всего, что он узнает из Египта. А потому я пишу царю, моему господину. Хорошо, чтобы он знал об этом.

...Весьма хотел бы я видеть лицо царя, моего господина, но не могу освободиться из рук Зимриды сидонского. Услыхал он, что я собираюсь ко двору, и начал против меня враждебные действия. Да даст мне царь 20 человек защищать город царя, моего господина. Тогда я пойду к нему, чтобы созерцать лицо его. Да знает царь, что мы заперты со стороны материка, что у нас нет ни воды, ни дров. Я послал Идумилки в качестве вестника к царю... Царь написал нам: «Что ты услышишь из земли Хананской, сообщай мне». И вот царь Дануны умер, его брат сделался царем после него, в его земле спокойно. И да знает царь: Угарит, царский замок, пожрал огонь наполовину. Хеттов там нет. Итакама занял Кадеш, а Азиру начал вражду с Намявазой. Я узнал о преступлении Зимриды, что он собрал корабли и людей из городов Азиру против меня... Да обратит лицо свое царь на своего раба и выступит на помощь ему»¹.

После Тель-амарнского периода, в начале первого тысячелетия, гегемония Финикии переходит к Тиру. Через некоторое время страна была подорвана рабским восстанием (см. выше). После разрушения Тира Александром Македонским Финикия теряет значение самостоятельного политического фактора и становится яблоком раздора между эллинистическим Египтом и государством Селевкидов.

ДРЕВНЯЯ ПАЛЕСТИНА

Та область, в которой поселились израильтяне и иудеи, два из наиболее значительных еврейских племен, носит название Палестины.

Имя это восходит к названию того филистимлянского племени, которое в XII в. на короткое время завоевало южную часть Средиземноморского побережья.

Палестина на севере представляет собою область, расположенную по обоим берегам реки Иордана, которая протекает через Генисаретское озеро и впадает в Мертвое море (названное так из-за своей солёности, не дающей возможности жить рыбам и каким-либо другим существам). Долина Иордана плодородна, но земледелие, которое сложилось здесь в эпоху древности, было не ирригационного типа. Здесь поселились израильтяне. Родственное же им иудейское племя поселилось в горной области, которая была расположена к западу от Мертвого моря. В этой горной области иудеи занимались главным образом скотоводством. Таким образом в Палестине имеется та же противоположность между двумя основными частями страны, что и в Египте, только в Египте земледелие было на юге, а скотоводство — на севере, здесь же наоборот.

Израильтяне и иудеи принадлежали к большой семье семитических народов и являлись последними из еврейских племен, которые, начиная с XVII в. до н. э., проникали в Сирию.

Израильтяне и иудеи в упорной борьбе подчинили себе старое население, которое было защищено крепкими городскими стенами. Эти многочисленные города играли роль пунктов интенсивной караванной торговли, которая объединяла финикийское побережье с Вавилонией. Завоевав эти города, израильтяне и иудеи стали входить в сферу интенсивного денежного хозяйства, сложившегося здесь в очень древнее время. В особенности интенсивны были торговые сношения в Израиле.

На севере израильтяне делились примерно на восемь маленьких племен и представляли собою значительное государственное образование, большее, нежели Иудея, которая обнимала лишь два племени. Завоевав старое население, евреи превратили их в своих данников, и таким образом древнейшая государственная организация, которая сложилась в пределах Израиля и Иудеи, служила главным образом угнетению старого покоренного населения, завоеванного евреями. Сами же израильтяне и иудеи продолжали пребывать в племенной организации.

Наряду со старой родовой знатью рядовые общинники продолжали оставаться людьми свободными, обладавшими средствами производства. Каждый свободный израильтянин и иудей владел собственным полем или садом, виноградником, за который он платил налог представителю своей общины.

Но очень рано благодаря развитию денежных отношений, сложившихся издревле в Палестине, начинается разложение еврейских обществ, и наряду со знатью начинает выделяться зажиточная верхушка из среды рядовых общинников.

Некоторое время оба эти государственных объединения (Израиль и Иудея) оставались необъединенными, несмотря на то, что в культурном отношении они были чрезвычайно близки друг к другу. Один и тот же бог Яхве являлся племенным богом израильтян и иудеев.

Объединение этих двух государственных образований произошло в значительной степени благодаря внешней причине. Со стороны побережья на израильтянскую долину и иудейскую горную область начинают надвигаться филистимляне, которые обосновались (около 1200 г.) на побережье. Этим воинственным племенам было тесно в захваченных ими областях, и они решили подчинить себе израильтян и иудеев. Борьба эта первоначально велась чрезвычайно удачно, и они превратили евреев в своих данников.

Перед лицом этого грозного врага евреи объединяются. Первое объединение исходило из недр Израиля: израильтянин Саул становится царем Израиля и Иудеи. Но силы евреев даже в их объединении были слишком слабы. Саул после некоторых удач начинает терпеть поражение и в конце концов в одном из сражений теряет жизнь. Тогда дело борьбы с филистимлянами берет на себя Давид — выходец из Иудеи, играющий роль начальника разбойничьей шайки, ведущей борьбу с филистимлянами на свой страх и риск. Вокруг Давида и его сил объединяются израильтяне и иудеи для борьбы с филистимлянами. Давид был настолько предусмотрительным, что для этой борьбы заключил союз с Египтом. Опираясь на египетскую помощь, Давид в конце концов освободил евреев от филистимлянского ига, загнав последних на побережье. Столицей своего государства, объединившего всю Палестину, Давид сделал Иерусалим — древний город, игравший роль еще в эпоху Тель-Амарны. Опираясь на союз с Египтом, Давид сделался одним из мощных государей своего времени. Ему удалось справиться со всеми попытками восстаний в своем государстве и он передал своему сыну Соломону, который славится по библейской традиции своею мудростью, уже вполне централизованное царство. Соломон, будучи зятем египетского царя, получил от фараона в качестве приданого палестинский город Гезер. Он вошел в интенсивные сношения с финикийским городом Тиром, и финикийские строители помогали ему в постройке пышного храма в Иерусалиме. Соломон участвовал даже в одной из морских торговых экспедиций в страну Офир. Сохранились сведения и о его сношениях с южной Аравией.

Строительная деятельность Соломона чрезвычайно напрягала силы его страны, в особенности напрягались силы Израиля, который угне-

тался Соломоном в угоду Иудее. Все это вызывает большое недовольство среди израильтян, и после смерти Соломона его царство распадается. Израильтяне снова становятся самостоятельным народом и остаются таковыми вплоть до момента своего падения.

Столь быстрый распад государства Давида и Соломона вполне понятен: слишком слабыми были по сравнению с израильтянами иудеи, да и объединение, как мы видели, было вызвано даже не столько внутренними, сколько внешними причинами (борьбой с филистимлянами). С ослаблением филистимлян миновала и нужда в объединении. Начиная с конца X в., история израильтян и иудеев идет своими самостоятельными путями.

Производственные отношения, которые сложились в этих двух еврейских государствах, были следующими.

Это были общества определенного рабовладельческого типа, в которых большинство рабов находилось в частном владении.

Первоначально рабами были только иноплеменники, которые приобретались или путем покупки или путем захвата на войне. Но уже в конце IX в. разложение свободных обществ в еврейских государствах зашло столь далеко, что среди них появляются заемники, а вслед за ними и рабы-должники. Количество рабов-должников растет катастрофически. Торгово-ростовщический капитал, особенно в Израиле, лишает тысячи свободных граждан средств производства, а затем и свободы и таким образом лишает государство большей части военной силы.

Все эти явления не могли не вызвать чрезвычайно болезненной реакции со стороны общества. Израильтяне и иудеи, не так давно вышедшие из уклада родового строя, складываются в общество, в котором развиваются денежные отношения и царит торгово-ростовщический капитал, уничтожающий прежнее равенство. Они становятся свидетелями того, что не только иноплеменник, но и еврей может стать рабом еврея.

Выразителями общественного протеста против хищничества ростовщического капитала выступают пророки — люди, вышедшие из различных прослоек свободных. В страстных проповедях они борются с ростовщическим капиталом, призывая зажиточных не превращать своих соплеменников в рабов. В пророческой среде создается учение, призывающее народ к возвращению к старому племенному укладу, в котором он жил в пустыне. Уже в конце IX в. проповеди пророков отразились и на жреческом законодательстве. Мы находим (в «Исходе», 1, 2) следующее постановление:

«Если ты купишь раба-еврея, то пусть он работает 6 лет, а в седьмом пусть выйдет на волю даром».

Таким образом в Палестине мы находим такое же постановление о борьбе с ростовщическим капиталом, которое мы нашли выше в судебнике царя Хаммураби (ст. 107). Конечно эта борьба была столь же мало действенной, как и в Вавилонии. Слишком сильны были обмен и торговля, которые в конечном счете приводят к торжеству ростовщического капитала.

По мере расширения мирового рынка усиливается роль ростов-

пического капитала. Пророки VIII в. выступают с еще более страстной проповедью против богачей и торговцев, кабелящих народ. Так, пастух Амос обращается со следующими словами к зажиточной верхушке Самарии — главного города Израиля:

«Слушайте слово: это жирные коровы на горе Самарийской, вы, притеснившие бедных и угнетающие неимущих. Клялся бог своею святостью, что придут на вас дни, когда твоят вас оковами и угнетут вас ярмом».

Пророк этими словами указывает на опасность, которая надвигалась со стороны севера, а именно со стороны Ассирии. Ассирия взяла тогда уже Дамаск и стучалась в ворота израильского государства. Амос продолжает громить богатую верхушку Израиля и Иудеи:

«Итак, за то, что вы попираете бедного и берете от него подарки хлебом, вы постройте дома из тесаных камней, но жить не будете в них. Разведете прекрасные виноградники, а вина из них не будете пить. Ибо я знаю, как многочисленны преступления ваши и как тяжки грехи ваши. Вы — враги правого, берете взятки и извращаете в суде дело бедных».

Пророки протестуют против скупки домов и полей, превращающих свободных израильтян и иудеев в бездомных бедняков:

«Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Исая 5, 8 сл.).

«Горе замысляющим беззаконие и на ложах своих придумывающим злодеяния, которые совершили утром, на рассвете, потому что есть в их руках сила. Пожелают полей и берут их силой, пожелают домов — и отнимают их. Обируют человека и их дома, мужа и его наследие» (Михей, 2, 1 сл.).

В особенности яркой становится проповедь, когда она обращена против закабаления богатыми бедняков:

«Так говорит господь: за три преступления Израиля и за четыре не пощажу его, потому что продали правого за серебро и бедного за пару сандалий» (Амос, 2, 6). «Вы, которые говорите: когда пройдет новолуние, чтобы продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену сикля и обманывать неверными весами, чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару сандалий, и высеки из хлеба продавать».

Но эти проповеди не помогли. Ростовщический капитал попрежнему продолжал осуществлять свое разрушительное действие, лишая Израиль большей части военных сил в тот момент, когда ассирийские войска уже вторглись в пределы страны. В 722 г. завершается катастрофа, которую предвидели пророки. Ассирия завоевывает Самарию, и 30 000 израильтян уведены в ассирийский плен. Эта гибель израильского государства произвела глубокое впечатление на Иудею.

В 622 г. пророческое движение подчиняет себе царскую власть. Царское законодательство пользуется принципами пророческого движения как своей основой: вводится новый закон, так называемое «второзаконие», которое со всей решительностью выступает против ростовщического капитала. Раб-должник должен был быть освобожден на седьмом году рабства. Со свободой он должен был получить от своего хозяина некоторое имущество. Вот подлинный текст этого закона:

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
К вопросу о рабстве на Востоке	3
Введение	15
Историография и источники древнего Востока	22
Древний Египет	29
Древний Вавилон	57
Ассирия	90
История позднего Египта и халдейского Вавилона	100
Древняя Персия	109
Финикия	119
Древняя Палестина	125